

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС
Том 9. № 3/2023

DISCOURSE
Volume 9. No. 3/2023

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2023

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатъев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгоцкая, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.
Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Плебанек О. В. Науки о человеке: еще один опыт обоснования социогуманитарного знания	5
Шипунова О. Д., Поздеева Е. Г., Евсева Л. И. Университетская экосистема как предмет образовательной аналитики	18
Клюкина Л. А. «Человек, ищущий веру в Бога» С. Кьеркегора как культурно-антропологический тип	32

СОЦИОЛОГИЯ

Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёikom. Часть 1 / пер. с нем. и коммент. В. А. Миронова	44
Кудрявцева М. Е. Проблематика половой морали в сознании современной студенческой молодежи	60
Абрамова М. А., Каменев Р. В. Дистанционное образование: восприятие родителями	82
Щербина А. В. Логические и исторические аспекты генезиса русской социологии (на примере Н. Я. Данилевского и Н. К. Михайловского)	99
Дерюгин П. П., Милецкий В. П., Ярмак О. В., Баннова О. С., Куражев С. Д. Социальные отношения ИТ-специалистов с другими профессиональными группами: сетевое моделирование и результаты эмпирического анализа	113

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Степанова Н. В., Матвеева В. Н. Сравнительный анализ репрезентации концептов woman и женщина в английском и русском языках при локализации сериала «Рассказ служанки»	134
Кононова И. В., Пруцких Т. А. Лингвоконцептологические исследования художественного текста: эволюция теоретических и методологических подходов	150
Рогозина И. В., Бухнер Н. Ю. Мем-дискурс как объект лингвокогнитивного моделирования	165
Алексеенко Е. С. О судьбе заимствованных единиц в языке (на примере немецкого языка)	176
Кульчицкая Е. Р. Репрезентация фрейма HEALTHY/UNHEALTHY EATING в американском медиадискурсе	188
Правила представления рукописей авторами	199

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Plebanek O. V. Human Sciences: Another Experience of Substantiating Socio-Humanitarian Knowledge	5
Shipunova O. D., Pozdeeva E. G., Evseeva L. I. Ecosystem of the University as a Subject of Educational Analytics	18
Klyukina L. A. Søren Kierkegaard's "Man in Search of God" as a Cultural and Anthropological Type	32

SOCIOLOGY

The Talk about the History of the Treuhandanstalt. Interview with Markus Böick. Part 1 / Transl. by Mironov V. A.	44
Kudryavtseva M. E. Problems of Sexual Morality in the Consciousness of Modern Student Youth	60
Abramova M. A., Kamenev R. V. Distance Education: Parents' Perception	82
Shcherbina A. V. Logical and Historical Aspects of the Genesis of Russian Sociology (on the Example of N.Ya. Danilevsky and N.K. Mikhailovsky)	99
Deryugin P. P., Miletsky V. P., Yarmak O. V., Bannova O. S., Kurazhev S. D. Social Relations of IT Professionals with Other Professional Groups: Network Modeling and Results of Empirical Analysis	113

LINGUISTICS

Stepanova N. V., Matveeva V. N. Comparative Analysis of the woman and женщина Conceptual Representation in English and Russian Languages in the Localization of the Series "The Handmaid's Tale"	134
Kononova I. V., Prutsikh T. A. Linguo-Conceptual Studies of Literary Text: Evolution of Theoretical and Methodological Approaches	150
Rogozina I. V., Buhner N. Yu. Meme Discourse as an Object of Linguocognitive Modelling	165
Alekseenko E. S. On the Fate of Loanwords in a Language (the Case of the German Language)	176
Kulchitskaya E. R. Representation of the Frame HEALTHY/UNHEALTHY EATING in American Media Discourse	188

Оригинальная статья

УДК 16

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-5-17>

Науки о человеке: еще один опыт обоснования социогуманитарного знания

Ольга Васильевна Плебанек

*Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС,
Санкт-Петербург, Россия,
plebanek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>*

Введение. Поднимается проблема методологических оснований социогуманитарного знания. Установившееся со времени конституирования социальных и гуманитарных наук мнение о том, что существуют принципиальные различия в методологии естественно-научного и социогуманитарного знания стало восприниматься как аксиома. Такое положение не способствовало созданию адекватной теории, которая могла бы в достаточной мере реализовать объяснительную и прогностическую функции науки в этой сфере.

Методология и источники. Препятствиями в создании адекватной методологии исследований человеческого бытия является неверно понятый тезис о специфике социогуманитарного знания и неадекватное понимание природы его объекта. Единство критериев и стандартов научного исследования в естественных и социогуманитарных науках достигается на базе постнеклассической модели науки. Источником нового подхода к формированию методологии социогуманитарного знания может служить концепция научных парадигм, разработанная В. С. Степиным.

Результаты и обсуждение. Классическая модель научного исследования полагала противоположность метода естественных и социогуманитарных наук на основании противоположности способов освоения объектов исследования: чувственными средствами и интеллигибельным. На этом пути, действительно, невозможно совмещение критериев и стандартов науки применительно к естественно-научному и социогуманитарному исследованиям.

Заключение. В основе постнеклассической модели науки лежит понимание исследовательского объекта с точки зрения его структуры. Это позволяет рассматривать феномены человеческого бытия как обладающие единой природой с объектом естествознания, так как они имеют сложную системную природу и относятся к саморазвивающимся объектам.

Ключевые слова: методология, социогуманитарные знания, номотетизм, феноменализм, постнеклассическая парадигма, системность, апофатический подход

Для цитирования: Плебанек О. В. Науки о человеке: еще один опыт обоснования социогуманитарного знания // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-5-17.

© Плебанек О. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Human Sciences: Another Experience of Substantiating Socio-Humanitarian Knowledge

Olga V. Plebanek

*University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia,
plebanek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>*

Introduction. The article raises the problem of methodological foundations of socio-humanitarian knowledge. The opinion that has been established since the constitution of the social and humanitarian sciences that there are fundamental differences in the methodology of natural science and socio-humanitarian knowledge has become perceived as an axiom. This situation did not contribute to the creation of an adequate theory capable of sufficiently implementing the explanatory and predictive functions of science in this area.

Methodology and sources. Obstacles to the creation of an adequate methodology for the study of human existence are misunderstood thesis about the specifics of socio-humanitarian knowledge and inadequate understanding of the nature of the object of socio-humanitarian knowledge. The unity of criteria and standards of scientific research in the natural sciences and socio-humanitarian sciences is achieved on the basis of the post-non-classical model of science. The concept of scientific paradigms developed by V.S. Stepin can serve as a source of a new approach to the formation of the methodology of socio-humanitarian knowledge.

Results and discussion. The classical model of scientific research posited the opposite of the method of natural and socio-humanitarian sciences on the basis of the opposite of the methods of mastering the objects of research: sensory means and intelligible. In this way, indeed, it is impossible to combine the criteria and standards of science in relation to natural science and socio-humanitarian research.

Conclusion. The post-non-classical model of science is based on the understanding of the research object from the point of view of its structure, which allows us to consider the phenomena of human existence as having a single nature with the object of natural science, since in both cases, objects have a complex, systemic nature and belong to self-developing objects.

Keywords: methodology, socio-humanitarian knowledge, nomotetism, phenomenism, post-non-classical paradigm, system, apophatic approach

For citation: Plebanek, O.V. (2023), "Human Sciences: Another Experience of Substantiating Socio-Humanitarian Knowledge", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-5-17 (Russia).

Введение. «Оставалось только одно: заново обратиться к вещам с лучшими средствами и произвести Восстановление наук и искусств и всего человеческого знания вообще, утвержденное на должном основании» [1, с. 57], – так писал Ф. Бэкон почти 400 лет назад, неудовлетворенный состоянием дел в познании природы и общества. С тех пор многое изменилось, индуктивно-дедуктивный метод занял достойное место в ряду познавательных средств, рациональное картезианское знание обрело законченную форму, но мы опять стоим перед теми же проблемами и должны заново обратиться к познанию вещей с лучшими средствами. Дело в том, что все в этом мире, приобретая законченную форму, вместе с завершенностью приобретает и границы, а потому и ограничения.

Речь пойдет об ограничениях познавательной возможности социогуманитарного знания, связанных с интерпретационной моделью реальности, которая приобрела форму нерелексируемых мифов. Отчетливо нерелексируемость исходных положений познавательной деятельности показал Т. Кун [2], который подчеркнул иррациональный характер оснований научных исследований в понятии парадигмы. Эти допущения, которые мы принимаем как не подвергаемые сомнению и которые лежат в основе исследовательской стратегии, в случае социогуманитарного знания представляют собой препятствия для дальнейшего развития научного знания, некритично воспринятые и доведенные до своего логического завершения они разрушают научные стандарты, размывая границы научного и вненаучного.

К истокам конституирования социального и гуманитарного знания восходит миф о несовместимости естественно-научной и гуманитарной парадигм. Представления о глубокой пропасти, лежащей между естественными науками, с одной стороны, и социальными и гуманитарными – с другой, глубоко укоренены в сознании интеллектуальной общественности и являются то источником комплекса неполноценности, то причиной необъяснимой гордости. Социологи чаще страдают от осознания недостижимости идеальной модели классической науки. Гуманитарии чаще отрекшаются от строгого, но ограничивающего стандарта классической парадигмы науки. При этом ни стремление соответствовать модели естествознания (как парадигмальной классической модели науки вообще), ни усилия разорвать оковы стандарта классической исследовательской программы не привели к успеху: то, ради чего существует познавательная деятельность – прикладной ее аспект, не был реализован в такой же мере, как это удалось в естественных науках.

Методология и источники. В социологии попытки натянуть на себя одеяло стандартов классической науки ни к чему хорошему не привели: со стороны представителей естественных наук диапазон отношения к социологии колеблется от ироничного до полного неприятия стремления социологов позиционировать свои дисциплины как отвечающие критериям классического научного знания. Со стороны социологов сложилась ситуация, однажды в отчаянии определенная одним из них как «кошмар» [3] – неспособность определиться с гносеологическими основаниями собственной деятельности; в отношении как гносеологических оснований, так и прикладного аспекта познавательной деятельности – попытки построить теорию социальной реальности на основании классической научной парадигмы, ядром которой являются номотетизм, механицизм и физикализм, выразились неизбывным европоцентризмом, заложенным уже в категориальном аппарате социологии, политологии и других социальных наук. В поисках гносеологических оснований современного социогуманитарного знания мы предлагаем не отказываться от завоеванных позиций и зарекомендовавших себя подходов, но отказаться от необоснованных редукций: от оппозиционного расчленения познавательного процесса на номотетический и идеографический методы, а взамен строить методологию на основе их диалектического единства. Такой подход предлагает современная гносеологическая парадигма, формирующаяся с последней четверти XX в., получившая название постнеклассической парадигмы науки.

Результаты и обсуждение. Постулат противоположности наук о природе и наук о духе, выдвинутый и сформулированный Г. Риккертом и В. Виндельбантом как оппозиция обобщающего метода (нахождения всеобщих законов) и индивидуализирующего (описания

уникального), в дальнейшем приобретал все больше сторонников. Надо отметить, что в дискуссиях о противоположности наук естественных и наук социогуманитарных с самого начала существовало и существует два альтернативных подхода. Механистическая картина мира в XVIII – начале XIX вв. стала общенаучной картиной мира, и первоначально социальное знание (о возможности включения гуманитарного знания в корпус рациональных наук еще речи не шло, хотя И. Кант и задал интенцию конституирования наук о ментальных объектах) формировалось именно на этом фундаменте. О. Конт рассматривал общество как особый организм и включал в свою социальную концепцию идею развития, однако он понимал социальную науку как социальную механику. Такой же позиции придерживался другой основатель социального знания Г. Спенсер, который разрабатывал идеи эволюционизма применительно к социальным объектам. Эти разработки и определили два противоположных подхода к социогуманитарному знанию: первая тенденция, восходящая к Конту и Спенсеру, настаивает на единстве принципиальных основ социогуманитарного и естественно-научного знания, а вторая, восходящая к Виндельбанду и Риккерт, определяет их как противоположные. Со временем и противоположность, и единство естественно-научного и социогуманитарного знания трактовались по-разному, но доминировала все-таки тенденция их принципиальных различий.

В гуманитарном знании ситуация сложилась еще более странная. Сначала сложность исследования феноменов человеческого бытия и продуктов человеческой деятельности средствами классической картезианско-бэконовской науки привели к созданию экзотических для рационального мышления и классического естествознания подходов, таких как феноменология и герменевтика. Теперь можно было не ставить обычной для классической науки цели – выведения законов функционирования реальности, чтобы их можно было использовать в практике. Достаточно было понять и простить. Затем невозможность реализации модели классического научного познания в исследованиях человеческого бытия стала даже своего рода предметом гордости гуманитариев. Всячески подчеркивая свою особость, они вообще дошли до отрицания необходимости логических процедур, указывая как на достоинство на отсутствие реализации прикладной прогностической функции гуманитарных наук и на то, что основной смысл гуманитаристики заключается в том, утверждал заметный в философском мире автор, что в ней «дух ведет разговоры сам с собой и для этого в качестве ораторов использует индивидов» [4, с. 137]. Эта программа в гуманитарном знании стала столь распространенной, что однажды другой известный философ, стоявший у истоков отечественной культурологии, задался вопросом: «В какой мере существующая культурология соответствует критериям научной рациональности?» [5, с. 45]. На этот вопрос гуманитарная общественность не сочла нужным отвечать.

Такое состояние социального и гуманитарного знания было следствием ряда обстоятельств, связанных не столько со спецификой (которая, конечно, есть, но слово «специфика» всегда предполагает, в первую очередь, нечто общее, а потом уж специфическое) объекта исследования (о чем речь далее) – социального бытия и духовных феноменов, сколько со спецификой конституирования социальных и гуманитарных наук. Их институционализация совпала по времени с формированием неклассической парадигмы науки. Естествознание в его классической форме возникло для обслуживания индустриальной технологии и его

потребностей, а социальные науки стали формироваться вследствие ужаса, который переживала Европа, вызванного потрясениями, связанными со становлением и расцветом этого нового порядка. Поэтому из-за поздней актуализации социальной проблематики становление принципов неклассической парадигмы в социогуманитарном знании не сопровождалось эмпирической верификацией вследствие отсутствия этого эмпирического материала, так как основной корпус дисциплин, исследующих человеческое бытие, еще не конституировался как научное знание. Первые социальные науки – экономическая теория и социология – конституируются еще в период расцвета классической парадигмы (первая половина XIX в.), когда фундаментальными основаниями научной картины мира были механицизм и физикализм. А науки, позволяющие учесть многообразие форм человеческого бытия, в том числе многообразие экономических и социальных институтов, формируются только во второй половине XIX в.

Ко времени конституирования гуманитарных наук (конец XIX – начало XX в.) новые подходы, получившие сегодня название неклассических, еще не прошли апробацию научными исследованиями и практикой, и, столкнувшись с методологическими противоречиями в исследовании иного класса объектов, гуманитариям ничего другого не оставалось как вообще отказаться от критериальных стандартов классической научной познавательной деятельности: принципа эмпирической верификации, принципа исключенности наблюдателя (объективности), принципа универсализма (гомогенности бытия). Невозможность экспериментальной проверки результатов гуманитарных измышлений казалась фатальной для конституирования как классической научной дисциплины, но необходимость в исследовании социальных феноменов подсказала методологический ход: не нужно ничего доказывать и проверять, нужно понять. Невозможен объективный анализ, так как познающий субъект сам ценностно нагружен? Тоже есть решение – не надо искать объективных законов, надо попытаться во всех тонкостях проявления описать разрозненные, но целостные фрагменты бытия. Герменевтика, феноменология, компаративистика были просто спасением для гуманитаристики, и гносеологическое обоснование не заставило себя ждать. Неокантианцы декларировали идею противоположности наук о природе и наук о человеке. Гносеологическую платформу Виндельбанда и Риккерта приняли за основу в гуманитарном знании, к ней присоединилась часть социологов (это все-таки науки о человеческом бытии!) – их концепции стали определять как неклассические, этот проект и стал основанием для конституирования гуманитарного знания, а также для неклассических концепций социологии.

К моменту конституирования социального и гуманитарного знания отказ от классической модели науки назрел и в естественных науках – на рубеже XIX – начале XX в. формируется неклассическая парадигма [6]. Но в ситуации неустановившегося этоса науки в молодых отраслях знания это быстро привело к взлету фантазийности и иррационализма. Выдумщик Фрейд не стал заботиться о доказательной базе; созерцатель Шпенглер просто отменил как ненужные ему очевидные факты преемственности, восходящей истории и системности социального бытия; Трубецкой и Савицкий сконструировали фантом, которого нет в реальности (концепт евразийства); швед Челлен придумал образ – государство, наделенное свойствами живого организма. Тенденция, заложенная Виндельбандом и Риккертом, постепенно стала доминирующей в науке, и реализация этой исследовательской программы при-

вела, помимо позитивных результатов – образования собственной эмпирической базы, которая стала возможной именно благодаря курсу на исследование специфичных форм социального бытия, ориентации на выявление уникальности феноменов, еще и к незапланированным результатам – углублению раскола между естествознанием и социогуманитарным знанием и, в конечном итоге, к размыванию критериев научности в гуманитаристике. Вместе с тем противоположная тенденция построения позитивистской платформы социальных и гуманитарных наук также не была нивелирована полностью.

Контовский посыл единого позитивного здания науки и формирования внутри него этажа социальных наук получил реализацию в становлении эмпирического метода и математизации социологии. Помимо марксистской школы, выводящей социальное бытие из материальных факторов, на этой методологической платформе формировался структурный функционализм. Т. Парсонс, один из основоположников структурного функционализма в социологии, исходил из классических трудов Г. Спенсера и построил свою социальную теорию на вполне естественно-научных основаниях, хотя и в неклассической парадигме: центральное место в его концепции занимает категория функции. Категория функции не имеет аксиологической нагруженности (если не иметь в виду постнеклассические подходы в науке), а вводимая им в социальную теорию категория культуры, т. е. ценности, как тогда казалось, является зависимой переменной. До удивленного умозаключения о том, что «культура имеет значение», а не является зависимой, американских социологов и экономистов – участников знаменитого исследования экономического неравенства стран под руководством С. Хантингтона и Л. Харрисона [7], было еще далеко.

Надо отметить, что эти идеи были сформулированы английскими антропологами Б. Малиновским и А. Рэдклифф-Брауном еще в 40-е гг. XX в. Они также придерживались объективистской модели научного исследования в социальных науках; в духе неклассической парадигмы науки они положили в основу методологии не специфику метода (как Виндельбанд и Риккерт), а характер самого объекта – не простой, однородный объект, а систему. Категории системы и функции выработанные в естественных науках и примененные в социальных науках существенно продвинули социальную теорию. Разработка Р. Мертоном концепции функции–дисфункции [8] применительно к социальным процессам была фактически перенесением метода из биологии. Достаточно вспомнить историю открытия витамина Д в 1922 г. Э. Макколумом, который установил функции этого витамина в организме методом дисфункции – исключения его (продукта, предположительно включающего его) из рациона. Э. Гидденс, один из крупнейших социологов современности (в 2007 г. занимал пятое место в списке самых цитируемых гуманитариев), указывает на «очевидную тенденцию к объективизму» структурализма [9, с. 38].

Параллельно с позитивистской традицией в социальном знании продолжает существовать и тенденция противопоставления естественных наук и наук о человеке. Углубляется раскол между областями научного знания во многом в связи с тем, что позитивистские проекты не принесли зримого результата: все попытки XX в. построить общество на научно обоснованных программах или потерпели полный крах, или не достигли запланированного результата. Анализ модернизационных проектов и их результатов дан в работах В. Г. Федотовой [10–12], которая указывает, что даже если эти проекты имели в какой-то степени

положительный эффект, то было множество побочных негативных последствий и неучтенной специфики.

В социальном знании формируется целый ряд концепций, в основе которых лежит представление о том, что социальная реальность принципиально отлична от естественной – природной реальности, что последняя может быть исследована в номотетическом поле, потому что сущность ее номотетична, а особенность первой в том, что она имеет телеономичный и субъектный характер. Индетерминизм как парадигмальный принцип объединяет концепции, популярные в различных областях социального знания: Б. Андерсон (воображаемые сообщества [13]), Р. Брубейкер (этничность без групп [14]), П. Бергер и Т. Лукман (самоисполняющееся пророчество [15]) и др. С подачи П. Рикёра убеждение в том, что «исторические события не поддаются обобщению» (из интервью в связи с изданием в России его книги [16]), кажется, распространилось на все пространство социальных и гуманитарных исследований.

Об особости социогуманитарных наук много написано (см., например, [17]), но написано уже и о том, что эта принципиальная несхожесть не такая уж принципиальная. В. А. Лекторский сводит эти различия к пяти основным положениям [18]. Статья его оспаривает все пять пунктов. Добавим, что первое положение о цели исследования (в естествознании это общие зависимости, а в науках о человеке этой целью является познание уникального единичного) гуманитарии восприняли просто на доверии к великим именам: неокантианская школа стояла у истоков гуманитаристики, но во времена Канта в XVIII в. вообще не стоял вопрос о возможности рациональных знаний о человеке, а неокантианцы не имели достаточного эмпирического материала в связи с еще не оформившимся корпусом социальных и гуманитарных наук. Неокантианцы восприняли саму интенцию необходимости знаний о человеческом бытии, но никто не мог разработать классический (для рациональной науки) индуктивно-дедуктивный метод, потому что не состоялся описательный период для социогуманитарного знания, не было и эмпирического материала. Как уже было отмечено, Виндельбанд с Риккертом вышли из положения, заявив, что зелен виноград, что это у естествознания целью научного познания является обобщение, у нас другая цель – познание уникального, единичного.

Четвертое положение о различиях между естественными науками и социогуманитарным знанием, также оспоренное Лекторским, особенно любимо критиками научно-рационального статуса гуманитаристики. Оно заключается в невозможности построения теории или ограниченности теоретического потенциала в сфере человеческого бытия. Не будем повторять доводы Лекторского, укажем, что и здесь как критики, так и апологеты социогуманитарной рациональности пошли по пути наименьшего сопротивления: если теория трудна, то откажемся от теории – сосредоточимся на индивидуальном.

Вместе с тем основания для утверждения мифа об особом статусе социогуманитарного знания есть. Но акцентирование этой особости также приобрело форму мифа. Это миф о совершенно особом статусе объекта социогуманитарного знания. В попытках справиться с препятствиями в познании феноменов социального бытия (очевидно, что и объект социального, и объект гуманитарного знания – все это феномены социального бытия) научное сообщество сосредоточилось на отличиях объекта естествознания и объекта социогуманитарного знания.

Эти отличия действительно существенны и составляют трудность для познающего субъекта. Но так ли уж они принципиальны? Труднопреодолимой особенностью наук о человеке является то, что все объекты социогуманитарного знания представляют собой целостные объекты. С этим как раз связаны трудности построения теории. Это означает, что свойства целого присущи только целому, но часть целого может этим свойством не обладать и даже скорее всего не обладает. Так, например, всем известно, что такое ментальность, она обнаруживается только как свойство популяции, тогда как отдельный индивид, представитель этой популяции может демонстрировать совсем другие свойства сознания. Однако современное естествознание вынуждено исследовать такие объекты, которые в полной мере отвечают признаку целостности, и вынуждено справляться с этой сложностью. Например, необходимость прогнозирования природных катастроф поставила нас перед проблемой исследования ледников. Понятно, что бессмысленно исследовать отдельно взятый кусок льда, не помогают даже наблюдения за языком ледника, и только исследование целостного объекта позволяет прогнозировать его динамику.

Тесно связанным с предыдущим свойством объекта социогуманитарного знания является его системный характер. Это означает, что невозможно вычленив для исследования отдельный элемент, у которого были бы причинно-следственные связи только с одним фактором (элементом). Это означает ограниченную возможность, труднопреодолимое препятствие для построения формальной теории. Так, например, деятельность предприятия регулируется не только нормативными механизмами, но и исследование связи «производитель – потребитель» (и т. д.) мало что может дать для грамотного управления предприятием. На сбыт продукции могут влиять факторы, совсем не относящиеся к ее качеству (здесь не только кошерная пища, но и совсем уж не относящиеся к самому продукту обстоятельства – например, личность и политический имидж производителя, как в случае с конфетами «Росшен»). Но и в естественных науках такая ситуация сегодня не в новинку. Никакая экологическая проблема не может быть решена вне системного подхода. Но именно на базе методологии естественных наук возник системный анализ, который широко применяется теперь именно для исследований в области социальных наук.

Кроме того, все объекты социогуманитарного знания изменчивы и в силу своей сложной организации не подчиняются строгим закономерностям, их функционирование носит стохастический, вероятностный характер, так как никогда нельзя учесть все многочисленные взаимодействующие элементы. Но и это обстоятельство характеризует не только сложный мир человеческого бытия. Сложные естественные объекты тоже подчиняются вероятностным закономерностям. В контексте изменчивости еще любят говорить, что объект социогуманитарного знания – развивающийся объект, и его текущее состояние не тождественно прошлому состоянию, а на основании знаний об актуальном состоянии некорректно делать выводы о будущем состоянии. Но такому признаку соответствуют все биологические объекты и не только.

Наконец, одно из самых сложно преодолимых свойств объекта наук о человеке – это его субъектность и телеологичность. Как человек (индивид), так и социальная группа не обязательно подчиняются объективным закономерностям, они способны ставить собственные цели деятельности. На первый взгляд, это уж точно не позволяет построить рациональ-

ную теорию. Но и это, оказалось, не является исключительным признаком объекта социогуманитарных наук. Мир техники дает нам большое количество примеров решения подобных задач: современные сложные технические системы сами способны выбирать цели и способы достижения целей. Конечно, современная робототехника еще не достигла того уровня сложности, которым обладает человек, но первые рубежи уже преодолены и ведется активная полемика, стоит ли дальше разрешать роботам действовать вне каких-либо ограничений, положенных человеком.

Итак, культивируемое мнение как у естественников, так и у гуманитариев (но с разным знаком) о том, что существуют принципиальные различия между объектами естествознания (и точных наук) и объектами наук о человеке, оказалось еще одним мифом. Все дело в уровнях абстрагирования: представления о простом, гомогенном, статичном характере объекта естествознания были редукцией, допустимой в соответствии с характером взаимодействия с этим объектом. Но как только деятельность человека становится сложной, усложняется и сам объект познания. Человеческое бытие обладает, возможно, самым высоким уровнем сложности, но это не означает, что между этими областями знания непреодолимая граница. Именно в естествознании сформированы методы, отвечающие стандартам и критериям научности (прежде всего, принципу верифицируемости, просто способы верификации уточняются и усложняются) и позволяющие исследовать сложные системные объекты, даже обладающие интенциональностью.

Говоря о принципиальных различиях наук о природе и наук о человеке, стоит напомнить, что В. Дильтей, заложивший традицию, подхваченную Риккертом и Виндельбаном, по этому поводу писал: «Нужно взять за общее правило, что деления наук должны мыслиться и проводиться таким образом, чтобы они лишь намечали или указывали различия наук, а не рассекали и разрывали их, с тем чтобы никогда не допускать нарушения непрерывной связи между ними. В противном случае науки, отделенные одна от другой, становятся бесплодными, пустыми и ошибочными, не получая питания и поддержки их общего родника» [19, с. 240]. Интерпретаторы постарались не заметить, что, обосновывая специфику «наук о духе», Дильтей встраивал эти науки в общую систему знания: «Факты духа суть верхняя граница фактов природы, факты природы образуют нижнюю обусловленность духовной жизни» [19, с. 243]. Да и Г. Риккерт не предполагал столь огромной пропасти между методом естественных наук и гуманитарных, какую проложили позднейшие исследователи. Он все же указывал, что «всякая действительность, а, следовательно, и психическая, может быть рассматриваема генерализирующим образом как природа, значит, также должна быть понята при помощи естественно-научного метода» [20, с. 72].

Становление наук о человеке связано с рецепцией естественно-научных исследовательских подходов в исследовании человеческого бытия. О. Конт сначала пишет труд, посвященный методу – «Дух позитивной философии» (1844), и только десять лет спустя применяет его к социальной реальности – «Система позитивной политики, или Трактат по социологии, устанавливающий религию Человечества» (1854). Однако трудности приложения механистического подхода к сложным объектам заставили зайти с другой стороны: невозможность (или ограниченность) реализации позитивистской программы в исследовании феноменов человеческого бытия заставили обратиться к когда-то опробованному методу –

испытать апофатический подход. Эта программа бывает эффективной на предварительных этапах осмысления неисследованного объекта, отличая его от того, что уже вошло в сферу познанного (хотя бы в какой-то степени). Апофатический подход бывает вынужденным на начальном этапе познания впервые входящих в сферу исследовательского интереса феноменов, когда в силу новизны дискурсивного поля еще не сформирован и не определен понятийный аппарат для новой гносеологической области. И определение объекта «наук о духе» как принципиально несхожего с объектом естествознания было своего рода «праймериз» в познании человеческого бытия. Этот понятийный аппарат и по сей день еще не обрел свою завершенность – такие базовые категории социогуманитарного знания, как культура, цивилизация, прогресс и тому подобные, все еще являются многозначными и часто употребляются в противоположных смыслах в одном дискурсе.

Вместе с тем, с одной стороны, апофатический метод имел результат в том, что были найдены дефиниции, позволяющие определить исследуемые параметры специфического объекта (человеческого бытия); когда стало понятно, что именно возможно подвергнуть исследованию, стали выявляться детерминанты социокультурных процессов. Оказалось, что ценности, статусы, роли не только могут быть измерены, но и исследованы в номотетическом поле, и эти закономерности могут быть формализованы. Самым показательным с этой стороны – математической верификации социогуманитарных исследований – научным проектом является лонгитюд ценностей, осуществленный под руководством Р. Инглхарта, который охватил почти 50 лет (с 1970 по 2018 г., имея в виду его работу в проекте «Евробарометр» и руководство проектом Всемирного исследования ценностей World Values Survey), более 100 стран и более 90 % населения Земли [21]. С другой стороны, развитие научного метода в естествознании предложило новую систему исследовательских объектов, охватывающую и феномены естественного мира, и феномены человеческого бытия. С этой новой позиции демаркационная линия стала пролегать не в оппозиции материальное/идеальное, естественное/искусственное, а в иерархической сетке структурно организованных объектов: системы простые, сложные и сверхсложные (саморазвивающиеся). В этой системе исследовательских координат не существует принципиальной разницы между явлениями природы и явлениями человеческого бытия; существует восходящий уровень сложности. Это означает, что верификационные процедуры и методологические средства, найденные для таких объектов, являются общими для всего класса явлений, что выводит социогуманитарное знание из зоны исключительности, позволяет применить общенаучный стандарт мышления и исследовательские программы к феноменам человеческого бытия – обществу, культуре, ценностям.

Заключение. Современный этап развития науки также не довольствуется картезианскими упрощениями, так как реальность, ставшая предметом исследования современной науки, слишком сложна для картезианского метода. Катафатический взгляд на мир был важнейшим основанием классической науки и составной частью картезианского мышления. Но упомянутое упрощение оказалось серьезным ограничением в современном пространстве науки и в гносеологических потребностях цивилизации, имеющей дело со сложными вызовами, процессами и объектами. Говоря о современном состоянии науки, главный редактор журнала «Философская антропология» пишет: «Нельзя отрицать, что современная филосо-

фия, как и современная наука, в противовес катафатической модели Просвещения тяготеет к апофатике... Но можно ли говорить об универсальности апофатического метода в науке и философии? Безусловно, нет. Критики апофатического метода отмечают его провокативный и нигилистический характер, подчеркивая опасности, которые влечет за собой сам процесс деконструкции» [22, с. 23]. Социогуманитарное знание не избежало этой опасности, в своем стремлении подчеркнуть свою «особость», отличность от типичного для естествознания номотетического подхода, порожденного первоначальной неспособностью найти верный способ обобщения, оно стало превращаться в копилку мнений и позиций.

Однако картезианский метод не то, чтобы исчерпал себя совсем, в связи с проникновением науки в новые сферы бытия эти два взгляда на реальность находятся в диалектическом единстве. «Любой дискурс, – замечает исследователь, – тяготеет либо к позитивной описательности, прямому именованию, либо к апофатической указательности, негативному определению. Дискурс о чем угодно может быть построен либо катафатически – тогда он будет речью о предмете, либо апофатически – тогда он будет речью о чем-то другом, но приводящей к предмету. Сильная сторона катафатического подхода – прямота и ясность, но в том же и его слабость: когда нам рассказывают о чем-то “просто и ясно”, чаще всего мы имеем дело с упрощением и схематизацией, в которых куда-то пропадает сама вещь, о которой идет речь. Апофатика темна, это неудобный способ сообщения, но зато уж если она достигает цели, мы можем быть уверены, что восприняли что-то живое и настоящее» [23, с. 167]. В социогуманитарном праймериз исследователи выявили все отличительные особенности этой области познания, пора строить обобщения, которые позволят использовать науку по прямому назначению – отвечать на вызовы и формировать гуманитарные программы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. / пер. Н. А. Федорова, Я. М. Боровского. М.: Мысль, 1977.
2. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. М.: АСТ, 2001.
3. Айдинян Р. М., Шипунова Т. В. Методологические тупики социологии // Проблемы теоретической социологии. 2003. Вып. 4. СПб.: НИИХ СПбГУ. С. 36–51.
4. Драч Г. В. Конститутивы культурологической теории // На пути к культурологической парадигме современного образования. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011.
5. Солонин Ю. Н., Тишкина А. Г. Культурология: возможность стать наукой // Инновационный потенциал культурологии и ее функции в системе гуманитарного знания: материалы второго собрания Российского культурологического общества и науч.-практ. семинара, СПб., 7–8 апреля 2008 г. / РХГА. СПб., 2008. С. 45–52.
6. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
7. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона; пер. с англ. А. Захарова. М.: Моск. школа полит. исслед., 2002.
8. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др. М.: АСТ, 2006.
9. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. 2-е изд. / пер. И Тюриной. М.: Академический Проект, 2005.
10. Федотова В. Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–27.

11. Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008.
12. Федотова В. Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016.
13. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2001.
14. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.
15. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
16. Рикёр П. История и истина / пер. с фр. И. С. Вдовиной, А. И. Мачульской. СПб.: Алетейя, 2002.
17. Степин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 37–44.
18. Лекторский В. А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 44–49.
19. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Введение в науки о духе / под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова; пер. с нем. под ред. Б. С. Малахова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
20. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова. М.: Республика, 1998.
21. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С. Л. Лопатиной. М.: Мысль, 2018.
22. Гуревич П., Спирова Э. Наука в горизонте апофатики // Философская антропология. 2019. Т. 5, № 1. С. 6–25. DOI: 10.21146/2414-3715-2019-5-1-6-25.
23. Михайлова М. Апофатика в постмодернизме // Символы, образы, стереотипы современной культуры. Вып. 7 / под ред. Л. Моревой. СПб.: Эйдос, 2000. С. 166–179.

Информация об авторе.

Плебанек Ольга Васильевна – доктор философских наук (2016), доцент (2004), профессор, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, д. 14, ул. Смолячкова, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 160 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, глобалистика, социальная философия.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 16.12.2022; принята после рецензирования 31.01.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.*

REFERENCES

1. Bacon, F. (1977), *Sochineniya* [Compositions], in 2 vol., vol. 1, 2nd ed., Transl. by Fedorov, N.A. and Borovskoi, Ya.M., Mysl', Moscow, USSR.
2. Kuhn, T.S. (2001), *The Structure of Scientific Revolutions*, Transl., AST, Moscow, RUS.
3. Aidinyan, R.M. and Shipunova, T.V. (2003), "Methodological dead ends of sociology", *Problemy teoreticheskoi sotsiologii* [Problems of theoretical sociology], iss. 4, NIIKh SPbGU, SPb., RUS, pp. 36–51.
4. Drach, G.V. (2011), "Constitutives of cultural theory", *Na puti k kulturologicheskoi paradigme sovremennogo obrazovaniya* [On the way to the cultural paradigm of modern education], Izd-vo SPbGUP, SPb., RUS.
5. Solonin, Yu.N. and Tishkina, A.G. (2008), "Cultural studies: an opportunity to become a science", *Innovatsionnyi potentsial kulturologii i ee funktsii v sisteme gumanitarnogo znaniya* [Innovative potential of cultural studies and its functions in the system of humanitarian knowledge], RKhGA, SPb., RUS, pp. 45–52.

6. Stepin, V.S. (2003), *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge], Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.
7. Harrison, L. and Huntington, S. (eds.) (2002), *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*, Transl. by Zakharov, A., Mosk. shkola polit. issled., Moscow, RUS.
8. Merton, R.K. (2006), *Social theory and social structure*, Transl. by Egorova, E.N. et al., AST, Moscow, RUS.
9. Giddens, E. (2005), *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*, 2nd ed., Transl. by Tyurina, I., Akademicheskii Proekt, Moscow, RUS.
10. Fedotova, V.G. (2000), "Typology of Modernizations and Ways to Study them", *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 3–27.
11. Fedotova, V.G., Kolpakov, V.A. and Fedotova, N.N. (2008), *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii* [Global Capitalism: Three Great Transformations], Kul'turnaya revolyutsiya, Moscow, RUS.
12. Fedotova, V.G. (2016), *Modernizatsiya i kul'tura* [Modernization and culture], Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.
13. Anderson, B. (2001), *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Transl. by Nikolaev, V., Kuchkovo pole, Moscow, RUS.
14. Brubaker, R. (2012), *Ethnicity Without Groups*, Transl. by Borisova, I., Izd. dom VShE, Moscow, RUS.
15. Berger, P. and Lukman, T. (1995), *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*, Transl. by Rutkevich, E., Medium, Moscow, RUS.
16. Ricoeur, P. (2002), *Histoire et vérité*, Transl. by Vdovina, I.S. and Machul'skaya, A.I., Aleteiya, SPb., RUS.
17. Stepin, V.S. (2004), "Genesis of social sciences and humanities (philosophical and methodological aspects)", *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 37–44.
18. Lektorskii, V.A. (2004), "Is it possible to integrate natural sciences and human sciences", *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 44–49.
19. Dilthey, W. (2000), *Gesammelte Schriften. Bd. 1. Einleitung in die Geisteswissenschaften*, in Mikhailov, A.V. and Plotnikov, N.S. (eds.), Transl. from German ed. by Malakhov, B.S., Dom intellektual'noi knigi, Moscow, RUS.
20. Rickert, H. (1998), *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft*, Transl., in Zotov, A.F. (ed.), Respublika, Moscow, RUS.
21. Inglehart, R. (2018), *Cultural Evolution. How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World*, Transl. by Lopatina, S.L., Mysl, Moscow, RUS.
22. Gurevich, P. and Spirova, E. (2019), "Science in the apophatic horizon", *Philosophical anthropology*, vol. 5, no. 1, pp. 6–25. DOI: 10.21146/2414-3715-2019-5-1-6-25.
23. Michailova, M. (2000), "Apophatics in post-modernism", *Symbols, images, stereotypes of contemporary culture*, iss. 7, in Moreva, L. (ed.), SPb., Eidos, RUS, pp. 166–179.

Information about the author.

Olga V. Plebanek – Dr. Sci. (Philosophy, 2016), Docent (2004), Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, University associated with IA EAEC, 14 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. The author of more than 160 scientific publications. Area of expertise: philosophy of science, globalism, social philosophy.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 16.12.2022; adopted after review 31.01.2023; published online 22.06.2023.

Оригинальная статья
УДК 101.8 (378.1)
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-18-31>

Университетская экосистема как предмет образовательной аналитики

**Ольга Дмитриевна Шипунова^{1✉}, Елена Геннадиевна Поздеева²,
Лидия Ивановна Евсеева³**

^{1, 2, 3}Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}o_shipunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8953-7434>

²elepzd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7128-857X>

³l.evseeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6025-2849>

Введение. Новые тренды в философском анализе развития высшей школы связаны с перспективами междисциплинарного подхода к организации согласованных процессов в многопрофильном вузе с учетом особенностей информационно-интеллектуальной технологии цифровой культуры. Университет в единстве его функциональных связей представляет собой сложную многоуровневую экосистему, состояние которой определяется пересечением интересов различных субъектов, включенных в систему профессиональной подготовки. Цель статьи – исследование процессов конвергенции в экосистеме университета, которые актуальны для планирования образовательной стратегии, в частности, согласование целей вуза с ожиданиями работодателей и выпускников.

Методология и источники. Исследование опирается на системную методологию и принципы теории коммуникативного действия. В экосистеме университета ключевую роль в организации функциональных связей играют процессы конвергенции в отношении намерений участников взаимодействия в образовательном пространстве, выявление установок, мотивирующих сотрудничество и взаимное подкрепление оптимальных поведенческих стратегий. Эмпирическую основу составляет статистический материал ряда социологических опросов, проведенных в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого, а также данных исследования целевых установок компаний в организации взаимодействия с вузами.

Результаты и обсуждение. Сравнение уровня согласованности запросов компаний в поиске сотрудников и образовательных целей вуза показало общее стремление к формированию высокого потенциала будущих работников, которое требует педагогических технологий, мотивирующих и развивающих способности к проективно-конструктивной деятельности. В развитии вуза важным фактором становится формирование общего поля целей и ожиданий, реализуемых в модели выпускника с учетом отраслевых знаний и освоения новых технологий, а также навыков, характеризующих потенциал саморазвития в будущей профессии.

Заключение. Развитие экосистемного подхода в анализе деятельности современного университета выявило перспективы соединения университетского знания с практическими навыками в планировании разных форм партнерских отношений с бизнесом и другими представителями профессионального сообщества. Процессы

© Шипунова О. Д., Поздеева Е. Г., Евсеева Л. И., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

конвергенции в университетской экосистеме обеспечивают взаимопроникновение педагогических технологий и стратегий агентов в достижении высокого качества профессиональной подготовки.

Ключевые слова: философская аналитика, высшая школа, междисциплинарная методология, экосистема университета, конвергентные процессы, модели сетевого взаимодействия

Для цитирования: Шипунова О. Д., Поздеева Е. Г., Евсеева Л. И. Университетская экосистема как предмет образовательной аналитики // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 18–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-18-31

Original paper

Ecosystem of the University as a Subject of Educational Analytics

Olga D. Shipunova^{1✉}, **Elena G. Pozdeeva**², **Lidiya I. Evseeva**³

^{1, 2, 3}*Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*o_shipunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8953-7434>*

²*elepzd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7128-857X>*

³*l.evseeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6025-2849>*

Introduction. New trends in the philosophical analysis of higher education development are associated with the prospects for an interdisciplinary approach to organizing coordinated processes in the multidisciplinary university, taking into account the peculiarities of information and intellectual technology of digital culture. The University with the unity of its functional connections presents a complex multilevel ecosystem, which state is determined by the intersection of the interests of various subjects included into the vocational training system. This article examines the convergence processes in the university ecosystem associated with educational strategy planning, in particular with the coordination process between the university goals and expectations of employers and graduates.

Methodology and sources. The research is based on the system methodology and principles of the communicative action theory. In the university ecosystem, the key role in the functional connections organization is played by the processes of convergence in relation to the intentions of the participants of interaction in the educational space, the identification of attitudes that motivate cooperation and mutual reinforcement of optimal behavioral strategies. The empirical basis is the statistical data from a number of sociological surveys conducted at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, as well as research data on the target attitudes of companies in their interaction with universities.

Results and discussion. Comparison of the level of consistency of companies' requests in finding employees and the educational goals of the university showed a common desire to form a high potential of future employees, which requires pedagogical technologies to motivate and develop project skills and constructive activities. In the university development, an important factor is the formation of a common field of goals and expectations realized in the graduate model, with account of the industry knowledge and new technologies development, as well as formation of skills that characterize the potential of self-development in the future profession.

Conclusion. The development of an ecosystem approach in the analysis of modern university activities has revealed prospects for combining university knowledge with practical skills in planning various forms of partnership with business and other representatives of the professional community. Convergence processes in the university ecosystem ensure the interpenetration of pedagogical technologies and agent strategies in achieving high-quality professional training.

Keywords: philosophical analytics, higher education, interdisciplinary methodology, university ecosystem, convergent processes, network interaction models

For citation: Shipunova, O.D., Pozdeeva, E.G. and Evseeva, L.I. (2023), "Ecosystem of the University as a Subject of Educational Analytics", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 18–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-18-31 (Russia).

Введение. Тенденции развития информационного общества XXI в. определяются возрастанием роли высоко интегрированных систем и расширением конвергенции технологий в профессиональных средах и повседневной жизни [1, с. 60]. Создание интерактивных мультиагентных сред, внедрение информационных и интеллектуальных технологий в процесс обучения вносит существенные коррективы в задачи профессиональной подготовки. В этой связи подчеркивается проблема разобщенности научного знания в образовательном процессе и необходимость подготовки междисциплинарных специалистов [2].

Образовательная среда университета в цифровую эпоху представляет собой сложно организованную саморазвивающуюся платформу, которая обладает всеми признаками экосистемы в виде жизненного пространства для функционально связанных участников процесса обучения, представленных разными статусами субъектности [3]. Представление об экосистеме вуза [4], позволяет формировать новое отношение к результатам образования, подчеркивая их устойчивость под воздействием ситуационных факторов. В этой связи актуальным предметом образовательной аналитики становятся процессы конвергенции, которые играют важную роль в обеспечении гибких стратегий адаптации вуза к меняющимся глобальным условиям и коммуникативным практикам [5].

На первом плане образовательной стратегии и смешанной модели учебного процесса, таким образом, оказывается не только технологическое развитие электронной среды университета, но и ее гармоничное включение в многопрофильную систему профессиональной и социальной деятельности. Концепция университетской экосистемы позволяет рассматривать такие факторы развития образовательной среды, которые связаны с интересами комплекса агентов (семья, сообщества, бизнес, государственные органы), обладающих собственным профессиональным, социальным и культурным капиталом.

Задачи образовательной аналитики в рамках экосистемного подхода к распространенной среде современного университета связаны с выявлением уровней согласованности целей и действий участников взаимодействия в процессе профессионального обучения в высшей школе. Целью данного исследования является анализ процессов конвергенции в сетевых взаимодействиях агентов университетской экосистемы на основе мониторинга целей и ожиданий (перспектив) работодателей и студентов российских вузов.

Методология и источники. В качестве концептуального основания данного исследования выступает теория коммуникативного действия и системная методология. В теории Ю. Хабермаса [6] онтологическое основание коммуникативного действия трактуется через категории «система», «жизненный мир» и новый конструкт «публичная сфера» [7]. Структуры общения, процессы оформления смыслов и согласования действий социальных субъектов в экосистеме университета разворачиваются в коммуникативном пространстве публичной сферы. Акцентирование конвергентных процессов в экосистеме университета с этой точки зрения подчеркивает режим функционирования участников в организации

образовательной деятельности, который должен соответствовать принципам коммуникативной рациональности. Эти принципы выражены в установках на публичное представление взаимодействия субъектов, на сложившуюся систему норм и ценностей, на учет ожиданий в соответствии с целями иных субъектов, на согласование целевых установок во взаимодействии, прогнозировании и коррекции своих планов.

Современные авторы связывают познавательную стратегию экосистемного подхода с новым трендом в развитии высшего профессионального образования [8]. В контексте междисциплинарной системной методологии университет рассматривается как социальный объект, представленный совокупностью автономных организаций, производящих взаимодополняющие компоненты ценности, формирующие определенную структуру отношений и координации без необходимости вертикальной интеграции [9]. Так, трансформации системы образования, происходящие в условиях пандемии, активизировали технологический переход к интерактивной форме электронного обучения, а также использование сетевых сервисов, которые в мире повседневности уже глубоко укоренены в медиакультуре [10, 11]. Опыт деятельности университета в условиях пандемии показал, что электронное обучение (Electronic Learning) является, по сути, обучающей экосистемой [12].

Основные принципы экосистемы в образовании изложены в работе [13]:

1. Экосистемы отвечают реальным нуждам и запросам сообщества.
2. Экосистемы имеют многоуровневый взаимосвязанный характер: они возникают одновременно на личностном, локальном и глобальном уровнях. Реализуя целостную фрактальную динамику благодаря одновременному проживанию процессов на всех масштабах, экосистемы становятся инструментом совместно осуществляемой социальной трансформации.
3. Экосистемы строятся на системном воздействии, провоцируют широкое и глубокое преобразование в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе.
4. Для них характерен сознательный выбор экономических моделей.
5. Одной из основ является распределенное руководство и контроль.
6. Обучение есть на каждом уровне.
7. Разработка ведется в целостности. Экосистемные инициативы всегда предполагают взаимосвязь и целостность.
8. Внедряется адаптивное обучение, направленное в будущее. Экосистемы создают образовательную среду, позволяющую совместно тестировать технологические, экономические, социальные и культурные модели будущего с помощью прототипов.
9. Экосистемы обеспечивают образование, поддерживающее благополучие.

Реализация модели экосистемы в высшем образовании способствует созданию сети более широких познавательных возможностей учащихся в междисциплинарном и общекультурном пространстве знаний, особенно в связи с использованием цифровых технологий. Основной характеристикой специалиста нового типа выступает «агентность», подразумевающая способность к самоорганизации и самостоятельной ориентации в многослойных информационно-технологических средах профессиональной деятельности, а также способность субъекта к планированию собственной жизненной стратегии [14, 15]. В дополнение к интеллектуальному потенциалу работника и высокой профессиональной квалификации

востребованными на рынке труда качествами становятся гибкие навыки, определяющие способность профессионала к творческому мышлению и непрерывному обучению [16, 17].

Концепция университетской экосистемы подчеркивает фундаментальную роль конвергентных процессов между сообществами учащихся и поставщиками образования, предполагает интеграцию знаний и вовлечение учащихся через коммуникационные платформы [18, 19]. Конвергенция в коммуникациях характеризует сближение в одной точке намерений участников, вытекающих из общих потребностей, установок, интересов, целей, общих тем, отражающих их заинтересованность в успешных взаимодействиях. Поле конвергенции формирует условную ситуацию максимальной согласованности поведенческих стратегий под влиянием контекстной среды, которая вовлекает участников общения и побуждает их к организации места общения в пространстве взаимодействия.

В данной работе исследование процессов конвергенции в университетской экосистеме направлено на выявление областей схождения/расхождения ожиданий и результатов обучения у выпускников и работодателей. Ориентация на требования работодателей и современного рынка труда подчеркивает установку вуза на сближение целей агентов образовательного процесса в широком поле взаимодействий.

Эмпирической основой настоящего исследования является статистический материал ряда социологических опросов, проведенных в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого методом онлайн с использованием гугл-форм. Выборка исследования – случайная, релевантная для разведывательного исследования.

В задачи исследования входило:

- уточнение представлений выпускников и работодателей о требуемых компетенциях;
- оценка соответствия знаний и практических навыков рыночным ориентирам и требованиям, предъявляемым работодателями к претендентам на предлагаемые рабочие места.

Опрос выпускников СПбПУ и работодателей проходил в период пандемии, в мае 2020 г. Выборка выпускников СПбПУ составила 980 чел., работодателей – 68 чел. (представители различных компаний и организаций).

В онлайн-опросе, который проводился по методике нарастания участников («снежный ком»), приняли участие выпускники 2020 г. инженерно-технических, экономических и социогуманитарных профилей подготовки в рамках образовательных программ СПбПУ. Технологически проведение опроса опиралось на цифровые инструменты и программные продукты портала Открытый Политех. В исследовании использовались программа Microsoft Teams, сетевые каналы коммуникации, в частности, социальная сеть «ВКонтакте», электронная почта.

Результаты и обсуждение. Опрос выпускников СПбПУ, проведенный в период пандемии 2020 г., выявил достаточно высокий уровень их информированности о задачах своей будущей профессиональной деятельности, знаниях и навыках, необходимых на рабочем месте, а также о требованиях, предъявляемых к специалистам в своей области. Анализ ответов респондентов показывает, что почти половина выпускников (45 %) достаточно хорошо знакомы с основными задачами и возможными проблемами своей будущей профессиональной деятельности, при этом более половины (63 %) заявили, что им знаком характер задач, которые предстоит решать на рабочем месте.

Оценивая образовательную программу по выбранному направлению, респонденты выразили уверенность в достаточно высоком соответствии сформированных в процессе обучения компетенций требованиям своей профессии. Подавляющее большинство респондентов (86 %) отметили, что практические навыки, полученные в вузе, соответствуют требованиям для трудоустройства. При этом о полной готовности к самостоятельной работе по специальности заявили 33 % опрошенных респондентов, о частичной готовности – 46 % (табл. 1).

Таблица 1. Уровень соответствия компетентности выпускников профессиональным требованиям выбранного профиля подготовки в оценках выпускников и работодателей (по результатам опроса в СПбПУ)

Table 1. The level of compliance graduates' competence with the professional requirements of the chosen training profile in the assessments of graduates and employers (according to the results of a survey in SPbPU)

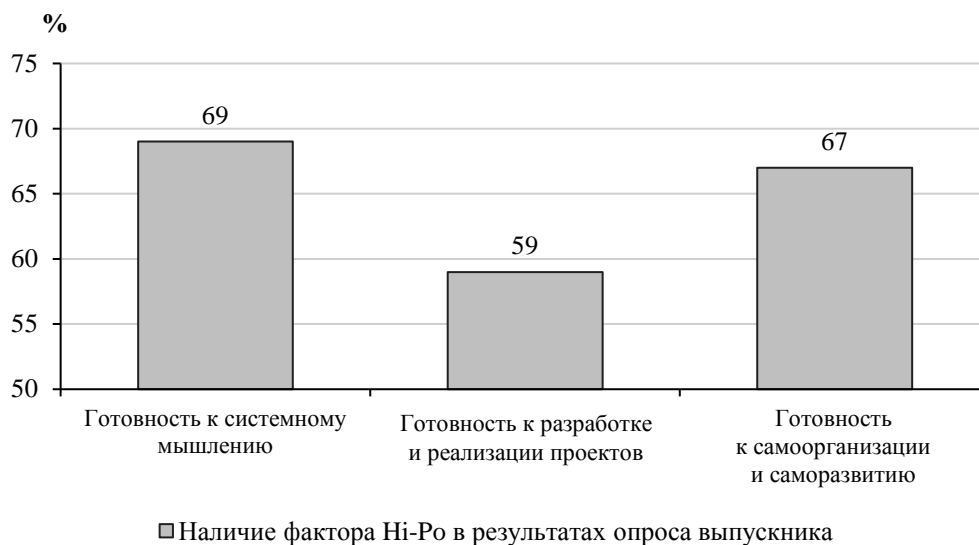
Показатели	Самооценка выпускников, %	Оценка работодателей, %
Соответствие полученных компетенций выбранной специальности	86	65
В том числе:		
– полное соответствие;	33	49
– частичное соответствие	46	23
Уровень готовности к самостоятельной работе в выбранной профессии	79	86 – теоретический; 51 – практический

Цель социологического опроса работодателей заключалась в выявлении уровней соответствия профессиональным требованиям и компетенциям выпускников, обучающихся по соответствующим образовательным программам в Санкт-Петербургском Политехническом университете. 65 % работодателей дали положительный ответ относительно уровня соответствия компетенций выпускников требованиям выбранной профессии (см. табл. 1). Однако была разница в оценках: 49 % опрошенных дали ответ «в основном соответствует», 23 % указали на частичное соответствие, никто не выбрал вариант «полностью не соответствует», 12 % опрошенных не ответили на вопрос.

Опрос показал, что оценки работодателями качества подготовки выпускников находятся в диапазоне уровней «средний и выше среднего». Данная оценка интегрируется из показателей оценки знаний, умений и навыков, продемонстрированных выпускниками: удовлетворенности уровнем теоретической и практической подготовки, а также уровнем сформированных коммуникативных навыков в коллективной работе.

Оценки работодателей теоретической и практической подготовки выпускников коррелируют с высокой оценкой самими выпускниками степени своей готовности к работе. 86 % опрошенных работодателей удовлетворены уровнем теоретической подготовки выпускников, половина (51 %) полностью или в большей степени удовлетворены уровнем готовности к практической работе.

Больше половины работодателей отметили также наличие высокого потенциала (Hi-Po) выпускников СПбПУ для самореализации в профессиональной деятельности, который включает такие качества личности, как готовность к системному мышлению (69 %), разработке и реализации проектов (59 %), стремление к самоорганизации и саморазвитию (67 %) – см. рис.

Оценка работодателями потенциала саморазвития выпускников в профессиональной деятельности
Employers' assessment of graduates' self-development potential towards the professional activity

Исследование позволило сравнить оценки компетенций, полученных в процессе освоения программы профессиональной подготовки, выпускниками и работодателями, выявить уровень соответствия запросов компаний при поиске работников образовательным целям вуза. Результаты опроса показали, что как работодатели, оценивающие качество подготовки выпускников, так и выпускники удовлетворены уровнем профессиональных компетенций, полученных в процессе освоения образовательной программы вуза. Однако они подчеркивают необходимость в большей степени учитывать отраслевую специфику в теоретической и практической подготовке выпускника. Помимо профессиональных качеств, работодатели высоко ценят в выпускниках навыки работы в команде, инициативу и способность к саморазвитию [20]. Согласно исследованию Career.ru [21], посвященному мониторингу запросов работодателей на поиск специалистов, приоритетным условием отбора является наличие высокого потенциала будущего работника. Таким образом, компании придают большое значение soft skills, которые выпускники также определяют как сильные стороны полученного обучения.

В исследованиях Career.ru был проведен опрос (2018 г.) среди работодателей и HR-рекрутеров для выявления целевых установок при взаимодействии с учебными заведениями. Сопоставление этих результатов с данными исследования, проведенного на базе СПбПУ, позволяет увидеть проблемные моменты в согласовании целей агентов в университетской экосистеме (табл. 2).

По данным Career.ru почти половина опрошенных российских работодателей косвенно подтверждают необходимость взаимодействия работодателей и представителей вузов в виде регулярных стажировок и мастер-классов. Еще одна тенденция касается влияния размера и уровня компании на ее потребность в активном общении с вузами: здесь по мере увеличения численности сотрудников растет доля компаний, сотрудничающих с учебными заведениями, – 78 % крупных, 64 % средних, а 43 % малых уже наладили такое сотрудничество.

Таблица 2. Согласованность целей компании и вуза при взаимодействии
Table 2. Consistency of the company and the university goals in the interaction

Цели компании (приоритет по данным опроса в РФ) [21]	Наличие согласованности. Конвергенция целей	Цели вуза в профессиональной подготовке (СПбПУ) в оценке работодателей
Поиск высокопотенциальных (Hi-Po) выпускников – 65 %	Наличие фактора Hi-Po у выпускника	Формирование гибких навыков: – системное мышление – 69 %; – проектная деятельность – 59 %; – самоорганизация и саморазвитие – 67 %
Пополнение кадрового резерва – 57 %	Средний уровень соответствия компетенции выпускников профессиональным требованиям: профильные знания и навыки	Профессиональные компетенции выпускников (средний уровень и выше среднего)
Привлечение студентов на практику – 51 %	Сотрудничество, предоставление студентам мест стажировок и практик, совместные проекты в рамках малых предприятий на территории вуза	Профильная теоретическая (86 %) и практическая (51 %) подготовка
Изучение настроений будущих соискателей – 8 %	Низкий уровень согласования	Информированность выпускников о задачах и проблемах будущей профессиональной деятельности

В исследовании 2021 г., проведенном по программе АНО «Россия – страна возможностей», акцентирована роль надпрофессиональных компетенций. Авторы на основании опросов в 19 российских университетах выделили 11 ключевых компетенций. Однако единомыслие студентов, представителей вузов и работодателей было выявлено только по 5 позициям. В топ рейтинга среди всех трех групп респондентов попали 5 компетенций: 1) партнерство/сотрудничество; 2) анализ информации и выработка решений; 3) коммуникативная грамотность; 4) планирование и организация; 5) саморазвитие [22, с. 14]. Это обстоятельство создает для рынка труда проблему разрыва между требованиями работодателей к выпускникам и приоритетной установкой на развитие надпрофессиональных навыков, характерной для педагогов университета и студентов.

Необходимость определения пространства требуемых различного рода компетенций выпускников и направленности ожиданий работодателей вызвано проблемами как в теоретической, так и в эмпирической плоскости. С одной стороны, нет обоснованной унифицированной системы ориентиров, отражающих принципы деятельности специалистов в условиях динамичных сложных систем. С другой стороны, нет устоявшейся практики оценки эмпирическими индикаторами компетенций, получаемых выпускниками образовательных организаций. Ведется научный поиск комплексного подхода и методик, что отчасти отражено в понятии «пространство возможностей» и подчеркивает важность выявления точек сопряжения устремлений агентов образовательного пространства. Это проявляется в более активном привлечении работодателей к разработке образовательных программ, участию в образовательном процессе и процедуре государственной итоговой аттестации. Свой вклад вносит расширение практики проектной деятельности, научных исследований, ведущихся в рамках НИОКР.

Развитие университетской экосистемы в этом направлении – открытое поле для междисциплинарных исследований. Представление об уровне достигнутой конвенциональности между целями и ориентирами студентов вуза и необходимым для профессионала набором знаний и навыков складывается на основании сопоставления самооценки студентов и мнений работодателей об общем уровне их профессиональных компетенций. Опрос мнений, основанный на шкальных значениях оценки, и выявление уровня удовлетворенности способствует формированию картины общего поля заинтересованности и выяснению проблемных областей.

Концепт экосистемы, который активно вводится в социальную и экономическую теорию, позволяет интерпретировать связи в сетевых формах, которые соединяют разные цепочки технических, природных и социальных систем, отмечает Г. Б. Клейнер [2]. Принципом организации университетской экосистемы в образовательной аналитике выступает поддержание собственного функционирования на базе внутреннего ценностного вектора, определяющего ее эволюцию и саморазвитие. Создание совместных ценностей в социально-экономических экосистемах направлено на консолидацию организационных единиц и индивидуальных участников деятельности, поддержание ее устойчивой динамики в глобальном мире за счет распределения кластеров, внутренних сетей и платформ. От сотрудничества системы образования и представителей рынка труда зависят перспективы развития кластеров инновационной активности [23, с. 9].

Поставив перед собой цель создания и развития экосистемы, вузы активно пересматривают и адаптируют идеи интеграции и конвергенции к новым задачам, что позволяет реализовать возросшую потребность в достижении синергетических эффектов [24, 25]. Пока не существует универсальных аналитических метрик, адекватно отражающих особенности и эффективность элементов экосистемы и самой системы в целом. На данный момент исследования конвергенции запросов и ожиданий агентов в университетской экосистеме ограничиваются анализом отдельных случаев [26–28].

Модели вариантов развития образовательных программ в многопрофильном вузе инженерной направленности определяет ориентация на актуализацию проектной деятельности, в которой согласовываются требования и ожидания агентов процесса обучения, реализующих практико-ориентированную программу профессиональной подготовки. В контексте развития экосистемы университета не менее важной ориентацией в стратегии ее деятельности является согласованность надпрофессиональных компетенций. Выявление набора таких компетенций составляет содержание междисциплинарного подхода в философии и социологии образования. В плане моделирования образовательной среды такой набор может стать фактором обновления программ профессиональной и общей подготовки будущих специалистов широкого профиля.

Заключение. Концепция университетской экосистемы в контексте образовательной аналитики выделяет функциональные связи, которые выступают важными факторами в корректировке стратегии распространенной среды профессиональной подготовки в высшей школе. Среди таких факторов оказываются не только конвергентные процессы, формирующие общее поле ожиданий в отношении оперативных отраслевых знаний и навыков освоения новых технологий, но также требование коммуникативных компетенций, необходимых для успешной работы и адаптации в профессиональном коллективе.

Внедрение цифровых технологий и мультиагентных платформ в процесс профессиональной подготовки требует реструктуризации образовательного пространства вуза в сторону гибких форм, сетевых моделей, альянсов, виртуальных корпораций, объединяющих кластеры активного сотрудничества для обмена передовым опытом и разработками. Проведенное исследование показало согласованность ожиданий в отношении развития высокого потенциала инициативной, конструктивной творческой деятельности будущих профессионалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Castells M. *The Internet galaxy. Reflections on the Internet, business and society*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
2. Клейнер Г. Б. Современный университет как экосистема: институты междисциплинарного управления // *J. of Institutional Studies*. 2019. № 115 (3). С. 54–63. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.054-063.
3. Panychev A., Pokrovskaya O. *The Third-Generation University Ecosystem in the Context of Global Digitalization* // *International Scientific Siberian Transport Forum TransSiberia–2021*. Vol. 1. P. 100–108. Cham: Springer, 2022. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-96380-4_12.
4. Райхельхаус Л. Б. Устойчивость образовательных результатов как новый принцип современной дидактики // *Ярославский педагогический вестн.* 2019. № 4 (109). С. 8–14. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10446.
5. Convergence of employers' and students' expectations in the educational environment of the agricultural university / E. Razinkina, E. Zima, E. Pozdeeva et al. // *E3S Web of Conferences 2021*. Vol. 258: 10019. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125810019>.
6. Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие* / пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2000.
7. Вербилевич О. *Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал* // *Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади*. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013. С. 35–52.
8. Изотова А. Г., Гаврилюк Е. С. Экосистемный подход как новый тренд развития высшего образования // *Вопросы инновационной экономики*. 2022. Т. 12, № 2. С. 1211–1226. DOI: <https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114869>.
9. Jacobides M. G., Cennamo C., Gawer A. *Towards a theory of ecosystems* // *Strategic Management J.* 2018. Vol. 39, iss. 8. P. 2255–2276. DOI: 10.1002/smj.2904.
10. Jenkins H. *Convergence culture: where old and new media collide*. NY: NY Univ. Press, 2006.
11. Elliott A., Urri J. *Mobile Lives*. London: Routledge, 2010.
12. Uden L., Wangsa I. T., Damiani E. *The Future of E-Learning: E-Learning Ecosystem* // 2007 Inaugural IEEE-IES Digital EcoSystems and Technologies Conference. Cairns. 21–23 February 2007. P. 113–117. DOI: 10.1109/DEST.2007.371955.
13. Спенсер-Кейс Д., Лукша П., Кубиста Д. *Образовательные экосистемы: возникающая практика для будущего образования*. М.: Московская школа управления СКОЛКОВО и Global Education Futures, 2020.
14. Dannenberg S., Grapentin T. *Education for Sustainable Development – Learning for Transformation. The Example of Germany* // *J. of Futures Studies*. 2016. Vol. 20, № 3. P. 7–20. DOI: 10.6531/JFS.2016.20(3).A7.
15. Evans K. *Taking Control of their Lives? Agency in Young Adult Transitions in England and the New Germany* // *J. of Youth Studies*. 2002. Vol. 5, iss. 3. P. 245–269. DOI: <https://doi.org/10.1080/1367626022000005965>.

16. Education quality as a factor of modern student's social success / Razinkina E., Pankova L., Pozdeeva E. et al. // E3S Web of Conferences 2020. Vol. 164: 12008. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016412008>.

17. Affective and Cognitive Factors of Internet User Behavior / I. Berezovskaya, O. Shipunova, S. Kedich, N. Popova // Knowledge in the Information Society. 2021. Vol. 184. P. 38–49. Cham: Springer, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-65857-1_5.

18. Ainamo A., Pikas E., Mikkela K. University Ecosystem for Student Startups: A 'Platform of Trust' Perspective // Educating Engineers for Future Industrial Revolutions 2020. 2021. Vol. 1329. Springer, Cham. P. 269–276. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-68201-9_28.

19. Influence of Entrepreneurship Education and University Ecosystem on Individual's Entrepreneurship Readiness / S. Kumar, Z. A. Paray, N. Sharma, A. K. Dwivedi // Entrepreneurship and Regional Development. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. P. 305–322. DOI: 10.1007/978-3-030-45521-7_16.

20. Степанова Ю. Б. Молодые специалисты с высшим образованием и работодатели: взаимные ожидания в практике социологического изучения // Вестн. Поволжского ин-та управления. 2018. Т. 18, № 2. С. 95–103. DOI: <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-2-95-103>.

21. Работодатели и учебные заведения: как добиться взаимодействия? // HH.ru. 12.03.2018. URL: <https://spb.hh.ru/article/22034> (дата обращения: 11.12.2022).

22. Степашкина Е. А., Суходоев А. К., Гужеля Д. Ю. Исследование профиля надпрофессиональных компетенций, востребованных ведущими работодателями при приеме на работу студентов и выпускников университетов и молодых специалистов. М.: НИУ ВШЭ, 2022.

23. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы / Н. К. Емелина, К. В. Рожкова, С. Ю. Рощин и др. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022.

24. Bacs S., Günther M., Stummer C. Stimulating academic patenting in a university ecosystem: an agent-based simulation approach // The J. of Technology Transfer. 2019. Vol. 44, iss. 2. P. 434–461. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10961-018-9697-x>.

25. Дёрина Н. В., Савва Л. И., Рабина Е. И. Университетская экосистема как экологический вектор высшего образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/10PDMN320.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

26. Mangram M. E. A simplified perspective of the Markowitz portfolio theory // Global J. of Business Research. 2013. Vol. 7, no. 1. P. 59–70.

27. Wells R., Wells C. Academic program portfolio model for universities: Guiding strategic decisions and resource allocations // Research in Higher Education Journal. 2011. Vol. 11. URL: <https://www.aabri.com/manuscripts/11745.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

28. Hayter C. S. A trajectory of early-stage spinoff success: the role of knowledge intermediaries within an entrepreneurial university ecosystem // Small Business Economics. 2016. Vol. 47. P. 633–656. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-016-9756-3>.

Информация об авторах.

Шипунова Ольга Дмитриевна – доктор философских наук (2004), профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. Автор 158 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия познания, теория коммуникации, образовательная аналитика.

Поздеева Елена Геннадиевна – кандидат социологических наук (1994), доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. Автор 142 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология коммуникаций, цифровизация в образовании, структура социального пространства.

Евсеева Лидия Ивановна – кандидат философских наук (1985), доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. Автор 162 научных публикаций. Сфера научных интересов: аналитика образовательной среды, политическая коммуникация, цифровизация социального пространства.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 26.12.2022; принята после рецензирования 07.03.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.

REFERENCES

1. Castells, M. (2001), *The Internet galaxy. Reflections on the Internet, business and society*, Oxford Univ. Press, Oxford, GBR.
2. Kleiner, G.B. (2019), "University as an Ecosystem: Institutes of Interdisciplinary Management", *J. of Institutional Studies*, no. 115 (3), pp. 54–63. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.054-063.
3. Panychev, A. and Pokrovskaya, O. (2022), "The Third-Generation University Ecosystem in the Context of Global Digitalization", *International Scientific Siberian Transport Forum TransSiberia-2021*, vol. 1, Springer, Cham, CHE, pp. 100–108. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-96380-4_12.
4. Raikhelgauz, L.B. (2019), "Resistance of educational results as a new principle of modern didactics", *Yaroslavl pedagogical bulletin*, no. 4 (109), pp. 8–14. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10446.
5. Razinkina, E., Zima, E., Pozdeeva, E., Evseeva, L. and Tanova, A. (2021), "Convergence of employers' and students' expectations in the educational environment of the agricultural university", *E3S Web of Conferences*, vol. 258: 10019. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125810019>.
6. Habermas, Yu. (2000), *Moralbewusstsein und Kommunikatives Handeln*, Transl. by Sklyadnev, D.V. (ed.), Nauka, SPb., RUS.
7. Verbilovich, O. (2013), "Theory of communicative action: key categories and cognitive potential", *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keis-stadi* [Public sphere: theory, methodology, case studies], Moscow, RUS, pp. 35–52.
8. Izotova, A.G. and Gavriilyuk, E.S. (2022), "Ecosystem approach as a new trend in the development of higher education", *Russian J. of Innovation Economics*, vol. 12, no. 2, pp. 1211–1226. DOI: <https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114869>.
9. Jacobides, M.G., Cennamo, C. and Gawer, A. (2018), "Towards a theory of ecosystems", *Strategic Management J.*, vol. 39, iss. 8, pp. 2255–2276. DOI: 10.1002/smj.2904.
10. Jenkins, H. (2006), *Convergence culture: where old and new media collide*, NY Univ. Press, NY, USA.
11. Elliott, A. and Urri, J. (2010), *Mobile Lives*, Routledge, London, GBR.
12. Uden, L., Wangsa, I.T. and Damiani, E. (2007), "The Future of E-Learning: E-Learning Ecosystem", *2007 Inaugural IEEE-IES Digital EcoSystems and Technologies Conference*, Cairns, USA, 21–23 February 2007, pp. 113–117. DOI: 10.1109/DEST.2007.371955.
13. Spencer-Keyse, J., Luksha, P. and Cubista, J. (2020), *Obrazovatel'nye ekosistemy: vznikayushchaya praktika dlya budushchego obrazovaniya* [Learning Ecosystems: an Emerging Praxis for the Future of Education], Moscow School of Management SKOLKOVO & Global Education Futures, Moscow, RUS.
14. Dannenberg, S. and Grapentin, T. (2016), "Education for Sustainable Development – Learning for Transformation. The Example of Germany", *J. of Futures Studies*, vol. 20, no. 3, pp. 7–20. DOI: 10.6531/JFS.2016.20(3).A7.
15. Evans, K. (2002), "Taking Control of their Lives? Agency in Young Adult Transitions in England and the New Germany", *J. of Youth Studies*, vol. 5, iss. 3, pp. 245–269. DOI: <https://doi.org/10.1080/1367626022000005965>.

16. Razinkina, E., Pankova, L., Pozdeeva, E., Evseeva, L. and Tanova, A. (2020), "Education quality as a factor of modern student's social success", *E3S Web of Conferences 2020*, vol. 164: 12008. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016412008>.

17. Berezovskaya, I., Shipunova, O., Kedich, S. and Popova, N. (2021), "Affective and Cognitive Factors of Internet User Behavior", *Knowledge in the Information Society 2021*, vol. 184, Springer, Cham, CHE, pp. 38–49. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-65857-1_5.

18. Ainamo, A., Pikas, E. and Mikkelä, K. (2021), "University Ecosystem for Student Startups: A 'Platform of Trust' Perspective", *Educating Engineers for Future Industrial Revolutions 2020*, vol. 1329, Springer, Cham, CHE, pp. 269–276. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-68201-9_28.

19. Kumar, S., Paray, Z.A., Sharma, N. and Dwivedi, A.K. (2021), "Influence of Entrepreneurship Education and University Ecosystem on Individual's Entrepreneurship Readiness", *Entrepreneurship and Regional Development*, Palgrave Macmillan, Cham, CHE, pp. 305–322. DOI: 10.1007/978-3-030-45521-7_16.

20. Stepanova, Yu.B. (2018), "Young Specialists with Higher Education and Employers: Mutual Expectations in Sociological Research Practices", *Bulletin of the Volga region Institute of Administration*, vol. 18, no. 2, pp. 95–103. DOI: <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-2-95-103>.

21. "Employers and educational institutions. How to achieve interaction?" (2018), *HH.ru*, 12.03.2018, available at: <https://spb.hh.ru/article/22034> (accessed 11.12.2022).

22. Stepashkina, E.A., Sukhodoev, A.K. and Guzhel, D.Yu. (2022), *Issledovanie profilya nadprofessional'nykh kompetentsii, vostrebovannykh vedushchimi rabotodatelayami pri prieme na rabotu studentov i vypusnikov universitetov i molodykh spetsialistov* [Study of the profile of cross-professional competencies demanded by leading employers when hiring students and university graduates and young professionals], NRU HSE, Moscow, RUS.

23. Emelina, N.K., Rozhkova, K.V., Roschin, S.Yu. et al. (2022), *Vypusniki vysshego obrazovaniya na rossiiskom rynke truda: trendy i vyzovy* [Higher Education Graduates in the Russian Labor Market: Trends and Challenges], Izd. dom VShE, Moscow, RUS.

24. Backs, S., Günther, M. and Stummer, C. (2019), "Stimulating academic patenting in a university ecosystem: an agent-based simulation approach", *The J. of Technology Transfer*, vol. 44, iss. 2, pp. 434–461. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10961-018-9697-x>.

25. Dyorina, N.V., Savva, L.I. and Rabina, E.I. (2020), "University ecosystem as an ecological vector of higher education", *World of Science. Pedagogy and psychology*, no. 3, available at: <https://mir-nauki.com/PDF/10PDMN320.pdf> (accessed 11.12.2022).

27. Mangram, M.E. (2013), "A simplified perspective of the Markowitz portfolio theory", *Global J. of Business Research*, vol. 7, no. 1, pp. 59–70.

27. Wells, R. and Wells, C. (2011), "Academic program portfolio model for universities: Guiding strategic decisions and resource allocations", *Research in Higher Education J.*, vol. 11, available at: <https://www.aabri.com/manuscripts/11745.pdf> (accessed 11.12.2022).

28. Hayter, C.S. (2016), "A trajectory of early-stage spinoff success: the role of knowledge intermediaries within an entrepreneurial university ecosystem", *Small Business Economics*, vol. 47, pp. 633–656. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-016-9756-3>.

Information about the authors.

Olga D. Shipunova – Dr. Sci. (Philosophy, 2004), Professor at the Department of Social Sciences, Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of 158 scientific publications. Area of expertise: philosophy of cognition, theory of communication, educational analytics.

Elena G. Pozdeeva – Can. Sci. (Sociology, 1994), Associate Professor at the Higher School of Media Communications and Public Relations, Peter the Great St Petersburg Polytechnic

University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of 142 scientific publications. Area of expertise: sociology of communications, digitalization in education, structure of social space.

Lidiya I. Evseeva – Can. Sci. (Philosophy, 1985), Associate Professor at the Higher School of Media Communications and Public Relations, Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of 162 scientific publications. Area of expertise: analytics of the educational environment, political communication, digitalization of social space.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 26.12.2022; adopted after review 07.03.2023; published online 22.06.2023.*

Оригинальная статья
УДК 130.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-32-43>

«Человек, ищущий веру в Бога» С. Кьеркегора как культурно-антропологический тип

Людмила Александровна Клюкина

*Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия,
klyukina-la77@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4843-9357>*

Введение. В статье предпринимается попытка представить образ «человека, ищущего веру в Бога» Сёрена Кьеркегора в виде культурно-антропологического типа, самостоятельно выстраивающего опыт самопонимания в измерении своего собственного существования.

Методология и источники. В работе используются следующие источники: произведения С. Кьеркегора «Страх и трепет», «Евангелие страданий», «Болезнь к смерти»; работы дореволюционных и современных отечественных авторов Л. И. Шестова, Н. А. Бердяева, Б. Э. Быховского, П. П. Гайдено, С. С. Хоружего, Е. Н. Левичевой, В. А. Подороги, В. Д. Губина, К. В. Зенина, Л. А. Клюкиной; тексты зарубежных ученых У. Хуббена, Т. В. Щитцовой. В ходе исследования и описания опыта становления человека в «движении веры» Кьеркегора использовались идеи оригинального феноменологического подхода М. К. Мамардашвили.

Результаты и обсуждение. В статье демонстрируется, что именно поиск веры, а не сама вера, является целью философии Кьеркегора и смыслом его существования, так как только в таком «движении веры» у человека появляется возможность реализовать свое внутреннее во внешнем, т. е. встретиться с самим собой, ищущим Бога. Примером такого воплощения, по Кьеркегору, является образ Христа. Посредством символа Христа человек может осмыслить бессмертие души как метафизическое измерение человека. В контексте феноменологического подхода Мамардашвили автор статьи показывает, что понимание символа Христа как реализации человеком себя во всей полноте своих сил может интерпретироваться как опыт различения в области сознания символов времени и вечности. Сама ситуация понимания различения времени и вечности и необходимости выбора между ними обозначается в статье понятием «динамической вечности», которое эквивалентно понятиям «движение веры», «мгновения» Кьеркегора.

Заключение. Автор приходит к выводу, что в ситуации постмодернизма, когда современный человек остро переживает утрату такой фундаментальной ценности, как автономная индивидуальность, а в культуре происходит разрушение личностного начала, что приводит к дегуманизации и дезинтеграции общества, образ «человека, ищущего веру в Бога» С. Кьеркегора может использоваться в качестве ориентира в деле построения индивидуального опыта мышления и обретения целостности личности.

Ключевые слова: абсурд, вера, вечность, время, культурно-антропологический тип, Мераб Мамардашвили, Сёрен Кьеркегор

Для цитирования: Клюкина Л. А. «Человек, ищущий веру в Бога» С. Кьеркегора как культурно-антропологический тип // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 32–43. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-32-43.

© Клюкина Л. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Søren Kierkegaard's "Man in Search of God" as a Cultural and Anthropological Type

Lyudmila A. Klyukina

*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia,
klyukina-la77@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4843-9357>*

Introduction. This article attempts to present Søren Kierkegaard's "man in search of God" as a cultural and anthropological type of a person that shapes their self-cognition independently in the dimension of their existence.

Methodology and sources. The following sources are referred to in this article: "Fear and Trembling" and "The Gospel of Sufferings" by Søren Kierkegaard; works of ante-revolutionary and modern Russian authors L.I. Shestov, N.A. Berdyaev, B.E. Bykhovsky, P.P. Gidenko, S.S. Khoruzhy, E.N. Levicheva, V.A. Podoroga, V.D. Gubin, L.A. Klyukina; texts by researchers foreign to Russia, such as U. Hubben, T.V. Schitsova. To research and describe the experience of a person's self-actualization in Kierkegaard's "movement of faith", the ideas of M.K. Mamardashvili's phenomenological approach have been employed.

Results and discussion. This article demonstrates that it is not faith but search for faith that is the aim of Kierkegaard's philosophy and meaning of his existence. This is because only in the "movement of faith" is a person able to actualize their inner self in their outer self, or face their own self that searches for God. For Kierkegaard, the example of this is Jesus Christ. With the help of Christ as symbol, a person is capable of comprehending the soul's immortality as the metaphysical dimension of a human being.

In the context of Mamardashvili's phenomenological approach, the author of this articles shows that understanding Christ as the symbol of a person's self-actualization and self-fulfillment can be interpreted as the experience of distinguishing between the symbols of time and infinity in consciousness. This very reality of distinguishing between time and infinity and having to choose between them is referred to in this article as "dynamic infinity", which is equivalent to Kierkegaard's notions of "movement of faith" and "moment".

Conclusion. The author concludes that in post-modern world, when a typical person is experiencing acutely the loss of fundamental autonomous individuality while the erosion of personal origin in culture is leading to dehumanization and disintegration of society, Søren Kierkegaard's "man in search of God" can become a reference point for developing an individual thinking and integral personality.

Keywords: absurdity, faith, eternity, time, cultural and anthropological type, Merab Mamardashvili, Søren Kierkegaard

For citation: Klyukina, L.A. (2023), "Søren Kierkegaard's "Man in Search of God" as a Cultural and Anthropological Type", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 32–43. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-32-43 (Russia).

Введение. Традиционно философию датского мыслителя Сёрена Кьеркегора характеризуют как иррациональную. Один из первых исследователей его текстов Л. И. Шестов писал, что Кьеркегор искал истину в абсурде [1, с. 390], а не в разуме, так как именно в этом случае человек осознает бесосновность своей свободы. Поэтому датский философ противопоставил свое учение всей классической философии от Платона до Гегеля и назвал его экзистенциальным, утверждая, что истина должна быть непременно воплощена в жизни

ищущего ее человека [1, с. 392]. Примером такого воплощения истины, по его мнению, является «движение веры», постоянное возобновление состояния веры в Бога, когда конечный индивид парадоксальным образом обретает смысл жизни в бесконечном. По Кьеркегору, потеря веры в Бога сопровождается состоянием, называемым им страхом, растерянностью и бессилием перед «Ничто», осознанием собственной конечности. Учение об Angst (страхе) стало популярным в Европе в начале XX в., а сам Кьеркегор, по замечанию Н. А. Бердяева, стал властителем дум того времени [2, с. 487]. Бердяев считал, что потеря веры в Бога привела к потере веры в человека, в его творческую силу. Однако человек не может жить без веры, поэтому он впадает в идолатрию, поклонение технике. Рационализация и технизация жизни привела к доминированию принципов насилия и авторитета, к поглощению личности коллективом, к распространению таких идеологий, как фашизм, коммунизм, национал-социализм, экономический материализм [2, с. 487]. Все это свидетельствовало о духовном кризисе европейской культуры, кризисе самого человека, выход из которого Бердяев видел в развитии философской и религиозной антропологии на основе христианства [2, с. 522].

В конце XX в. философию Кьеркегора исследователи характеризуют эгоцентричной. Так, Б. Э. Быховский процитировал дневниковые записи датского мыслителя, в которых тот признается, что все его творчество есть размышления о себе самом [3, с. 35–36]. Так как в текстах мыслителя нет ни слова о великих исторических событиях того времени, которые сотрясали всю Европу, а присутствует призыв к отрешению от мирской жизни, Быховский делает вывод об асоциальном характере фидеизма Кьеркегора, о безразличном отношении к судьбе угнетенных народных масс [3, с. 199–200]. П. П. Гайденко, напротив, высказывает мысль о пророческом значении взглядов Кьеркегора, в которых отразилась критика современной ему эпохи, осмысленная как распад цельного личностного начала в европейской культуре [4, с. 13]. Гайденко подчеркивает несводимость учения Кьеркегора к какой-то идеологии, поскольку вся его философия состоит из неразрешимых противоречий, не подлежащих ни снятию, ни объяснению природы их происхождения, но открывающих путь к трансцендентному как «вере в абсурд» [4, с. 12].

В современной философской традиции утвердился взгляд на философию Кьеркегора как на антропологическую по своей сути, так как понимание проблемы самоопределения человека у него не исчерпывается отношением человека к Богу, но имеет значение и отношение человека к себе самому, ищущему Бога. Как отмечал С. С. Хоружий, Кьеркегор выстраивал свое антропологическое учение на основе категорий, применяемых к отдельному человеку, который мыслился в его обособленности от всего остального, в его сингулярности [5, с. 155]. По мысли Хоружего, Кьеркегор осуществил первый вариант протестной антропологии [5, с. 154], т. е. отказался отождествлять человека с какой-то универсальной его идеей, как это было принято в классической философии, а стал рассматривать человека как проблему, исходя из его внутренних состояний, описать которые невозможно посредством логических категорий, но лишь путем не прямой коммуникации или в контексте экзистенциальной диалектики.

Т. В. Щитцова смысл философии Кьеркегора видит в особой практике экзистенциальной терапии, т. е. преобразования единичного индивидуума через понимание себя в конкретной исторической эпохе, через преобразование себя в ответственное существо [6, с. 86].

Она утверждает, что Кьеркегор изобрел новый способ философствования для осуществления этой практики. Использование непрямой коммуникации или, по словам Щитцовой, экзистенциальной маевтики позволяет философу развить у самого себя и у читателя его текстов способность становиться самостью, т. е. способность выстраивания личностного самоопределения по отношению к окружающей культурно-исторической обстановке. Непрямая коммуникация датского философа трактуется исследователем опытом экзистенциально-феноменологической редукции, нацеленной на преобразование этического сознания индивида [6, с. 87]. В результате внутреннего преобразования индивида, его освобождения от «духа времени» происходит «экзистенциальная реабилитация современности» (Щитцова) в виде обновления исторической жизни на уровне индивидуального сознания, что всегда является практической работой, описать которую невозможно в рамках социальной теории [6, с. 88].

Опыт самоопределения человека в виде выстраивания его самостоятельного отношения к культурно-исторической ситуации, на который обращает внимание Щитцова, с нашей точки зрения, следует укрупнить и рассмотреть в контексте феноменологического подхода, поскольку опыт самопонимания Кьеркегора осуществляется в измерении сознательной жизни. Однако подход Э. Гуссерля для решения этой задачи не подходит, так как в его феноменологии сохраняется позиция абсолютного наблюдателя. У Кьеркегора истина не конструируется субъектом, а случается в виде события, которое превращается в новую форму понимания опыта единичного человека. М. Хайдеггер, различая понятия «сущее» и «бытие», считал, что индивидуальное существование ориентировано на бытие, а осмысление бытия как целого и есть понимание. Схожие интенции высказывал М. К. Мамардашвили. Его неклассический феноменологический подход больше подходит для исследования текстов Кьеркегора, чем подход Хайдеггера, так как Мамардашвили бытие человека трактует как личное бытие, которому присуща способность выстраивать отношение к бытию. «Личное бытие не есть ни эмпирическое существование, ни чистое трансцендентальное Я, ни субъективность как таковая. По существу это теологическое основание нетеологического универсума, трансцендентное в имманентном» [7, с. 36].

Включающие в себя рефлексивные акты сознания, вместе с тем сами не поддающиеся рефлексии, Мамардашвили в соавторстве с А. М. Пятигорским называет состоянием сознания. Авторы акцентируют мысль о том, что состояние сознания не привязано к конкретному содержанию, что для него являются равноценными положительные и отрицательные психологические содержания [8, с. 60]. В акте индивидуального мышления человек доопределяет мир посредством своей интерпретации психологических содержаний, совершая акт индивидуации. Тем самым он переосмысливает и дополняет традицию, а не только сохраняет ее, в результате чего он занимает уникальное место в истории общества, создавая условия для конституирования новых социальных отношений [9, с. 131–133]. В данной статье предпринимается попытка представить и описать «движение веры» Кьеркегора в виде состояния сознания в контексте феноменологического подхода Мамардашвили, в чем проявляется научная новизна работы.

В ситуации постмодернистской культуры опыт экзистенциальной терапии Кьеркегора становится как нельзя более востребованным и актуальным. Слияние человека и техники породило новую реальность и новую антропологию. Замена естественных человеческих

процессов искусственными, сосуществование человеческого сознания с искусственным интеллектом приводит к усилению солипсизма, что препятствует обретению человеком этической самости и реализации ее в реальности. Это оборачивается потерей нравственных ценностей, дезинтеграцией и дегуманизацией общества, деградацией человека. В такой ситуации для построения опыта самоидентификации человека в новых условиях имеет смысл обратиться к реконструкции образа «человека, ищущего веру в Бога» Кьеркегора и представить его в виде культурно-антропологического типа. Поскольку ученый пытался осмыслить свой личный опыт через аналогию с сюжетами мифов, религиозных и литературных текстов, в данной статье предпринимается попытка выявить в текстах философа те образы человека, посредством которых он описывал «движение веры» и выстраивал опыт самопонимания. В этой связи целью статьи было представить образ «человека, ищущего веру в Бога» Сёрена Кьеркегора в виде культурно-антропологического типа, выявить и описать состояния сознания, соответствующие этому типу в контексте феноменологического подхода М. К. Мамардашвили, показать значимость данного типа человека в контексте духовного кризиса современной культуры.

Методология и источники. Из текстов С. Кьеркегора [10, 11] были выбраны те, где, с нашей точки зрения, образы «человека, ищущего веру в Бога» показаны наиболее выпукло. Ветхозаветный верующий человек показан в образе Авраама в произведении «Страх и трепет». Новозаветный образ верующего человека дан в образе Христа в книге «Евангелие страданий». Проблемы христианской психологии изложены в «Болезни к смерти». Автор статьи использовал историко-философский подход при исследовании творчества Кьеркегора, в ходе применения которого среди многочисленных трудов были отобраны работы следующих мыслителей: Л. Шестов [1] и Н. А. Бердяев [2] первыми назвали философию Кьеркегора экзистенциальной; Б. Э. Быховский [3] охарактеризовал учение датского философа как эгоцентричное. Диалогичный стиль мышления Кьеркегора и сформулированные им противоречия, составившие основу его учения, были изучены П. П. Гайденок [4], У. Хуббенот [12], В. Д. Губиным, К. В. Зениным [13]. В качестве антропологической философию мыслителя рассмотрели С. С. Хоружий [5], Т. В. Щитцова [6], Е. Н. Левичева [14], В. А. Подорога [15], Л. А. Ключкина [16].

В ходе исследования и описания опыта становления человека в «движении веры» Кьеркегора использовались идеи оригинального феноменологического подхода М. К. Мамардашвили. Философ считал, что свою экзистенцию человек может обнаружить в акте трансценденции, а не с позиции наблюдателя. Трансценденцией он называл выход человека за пределы психологической и культурно-исторической ситуации, в которую он включен [9, с. 99]. Речь идет не о трансцендировании к предметам, но об осознании возможности выбора другого опыта понимания, т. е. об осознании опыта свободы. Достижение такого понимания осуществляется путем феноменологической редукции, вынесением за скобки культурных и психологических представлений [9, с. 99–100]. Пониманием он считал способность человека в ходе рефлексии над каким-то содержанием удерживать в мышлении и позицию, посредством которой он осмысливает это содержание [9, с. 90]. В ходе коммуникации или автокоммуникации содержание состояния сознания доопределяется в конкретной интерпретации и преобразуется в структуру сознания, которая рассматривается содержа-

нием сознания, уже не связанным с субъектом, т. е. феноменом. Если в момент интерпретации это содержание случайно сцепилось в сознательном опыте с каким-то предметом, то в результате такой кристаллизации содержание превратилось в символ. Обращаясь снова и снова к этому символу, человек может воспроизводить у себя соответствующие состояния сознания и встраивать опыт индивидуального существования в социокультурное измерение [9, с. 131–133]. При интерпретации текстов Кьеркегора применялся герменевтический и семиотический подходы.

Результаты и обсуждение. Датский религиозный философ XIX в. Сёрен Кьеркегор инициирует новую парадигму человека, в рамках которой предлагает рассматривать человека в его единичности, индивидуальности, сингулярности. Полагая, что человеческое существование есть прежде всего свобода, он ставит вопрос о том, как выстроить стратегию жизни, осознавая свободу как нечеловеческую инаковость, экзистенцию. С точки зрения Кьеркегора, экзистенция человека осуществляется в его отношении к Богу, вызывающем в его душе экзистенциальный страх и трепет. Он считал, что только в опыте христианской веры человек может стать чем-то или кем-то большим, чем просто человек: он становится уникальным и неповторимым индивидом, который «в качестве единичного стоит в абсолютном отношении к абсолюту» [11, с. 52]. По его мнению, вера в Бога и любовь к Богу и есть основания человеческого бытия, придающие смысл жизни отдельному индивиду. Под верой и любовью он понимает чистые состояния веры и любви, не связанные со своим объектом, хотя он и подразумевается, но важны именно сами состояния, которые недостижимы. Главное условие понимания этих состояний – это способность быть индивидуальным, неповторимым, экзистирующим человеком [13, с. 49].

Обращаясь к ветхозаветной и новозаветной традициям, философ показывает образы верующего человека, претворившего свою внутреннюю реальность в подлинную. Согласно Кьеркегору, ветхозаветные герои Авраам и Иов постигли смысл жизни путем веры в абсурд. Любовь к Богу безусловна, поэтому праведники были подвергнуты испытанию их веры путем страданий. Авраам и Иов – христиане, потому что ни при каких обстоятельствах не утратили веру в Бога, сумев принять абсурд жизни как свободу, а веру и любовь к Богу – как смысл жизни. Вместе с тем сам мыслитель отмечал, что он не может осуществить опыт Авраама, так как не может понять его. «Я могу *мысленно войти* в героя, но только не в Авраама; стоит мне достигнуть этой высоты, как я падаю вниз, поскольку то, что мне предлагается, – это парадокс. Но я никоим образом не думаю поэтому, что вера – это нечто незначительное; напротив, она есть самое высокое; наконец, со стороны философии нечестно предлагать нечто иное, что способно было бы занять ее место и унижать веру» [11, с. 29]. Кьеркегор не может осмыслить опыт чистой религиозности Авраама в терминах этики и эстетики. Авраам через преступление переходит к безумию, а затем обретает веру в абсурд и вместе с ней радость и счастье в этой земной жизни. Идя на убийство сына, Авраам переживает состояние самоубийства, убийства себя как личности. Свою уникальность и индивидуальность Авраам осознает в этом мгновении смерти, которое В. А. Подорога называет предельным сжатием экзистенциального времени [15, с. 466]. Понять Авраама, с точки зрения Подороги, можно в терминах дыхательной физиологии. Мгновение смерти, переживаемое Авраамом, он сопоставляет с глубокой задержкой дыхания, не надеясь на то, что оно

может возобновиться [15, с. 466]. Для Кьеркегора эта ситуация является неприемлемой, так как в этом случае невозможно построить коммуникацию с Богом. Поэтому смысл веры он видит в бесконечном движении в конечном [11, с. 33]. Это можно объяснить тем, что, по мысли философа, состояние веры достигается тогда, когда человек, веруя в Бога как в недостижимое на земле совершенство и любя Бога, должен в этом несовершенном мире реализовывать свою любовь и утверждать свою веру таким образом, чтобы эта вера и любовь были истинными и достойными своего предмета, т. е. Бога. Но чтобы поместить бесконечное движение в конечном, нужно обратиться к мысли о Боге, так как «тот, кто любит Бога, веруя, рефлектирует о Боге» [11, с. 32]. Однако для такой процедуры подходит не теоретическая рефлексия, а мысль, которая «требует страсти» [11, с. 38]. Живая, конкретная мысль о Боге должна обязательно воплотиться в этом земном мире.

Примером такого воплощения является образ Христа, описанный Кьеркегором в «Евангелии страданий». Образ Христа «вознесен превыше небес, но который столь человечен, что он может служить примером для человека, и этот Образ именуется высочайшим и на небе, и на земле» [10, с. 49]. Философ утверждал, что смысл жизни верующего заключается в том, чтобы взять свой крест и нести его, следуя за Христом [10, с. 39]. «Следовать за Христом» означает самоотвержение, т. е. отречение от всего временного ради жизни в вечности, отказ от всех привязок к земной жизни [10, с. 43–44]. Подтвердить подлинность самоотвержения может только суд Бога, на котором Бог спросит каждого верующего о том, «какое богатство собрал ты на Небесах; о том, сколь часто ты побеждал свой грех; о том, насколько ты господствовал над собою, или же ты был себе рабом; о том, сколь часто ты владел собою в самоотвержении, или же ты никогда не делал этого; о том, сколь часто ты, отвергаясь себя, готов был на жертву ради хорошего дела, или же ты никогда не был на это готов; о том, сколь часто ты, отвергаясь себя, прощал своего врага – до семи ли раз, или до семидесяти раз; о том, сколь часто ты, отвергаясь себя, терпеливо переносил оскорбления; о том, в чем ты пострадал не ради себя, не ради своих корыстолюбивых намерений, но в чем ты, отвергаясь себя, пострадал ради Бога» [10, с. 45]. Мыслитель считал, что, следуя за Христом, человек способен воплотить в себе высочайшее, и это доступно каждому человеку [10, с. 51]. Путь следования за Христом осуществляется только в измерении вечности.

Впервые различение понятий времени и вечности сформулировал как философскую проблему и предложил ее решение Августин Аврелий. Согласно Августину, время существует как феномен духовной жизни человека, испытывающего нехватку существования и вынужденного осмысливать свою жизнь в понятиях прошлого, настоящего и будущего. Сущностью Бога-Творца он мыслил вечность, так как только Бог есть полнота бытия. «Длительное время делает длительным множество преходящих мгновений, которые не могут не сменять одно другое; в вечности ничто не преходит, но пребывает как настоящее во всей полноте; время, как настоящее, в полноте своей пребывать не может» [17, с. 215]. С точки зрения Кьеркегора, человеческая природа состоит из временного и вечного: «Временное и вечное – это в духовном смысле величины, вес которых должен быть соизмерен» [10, с. 226]. Вместе с тем у человека есть выбор, в каком соотношении эти две величины будут влиять на него. Человек, по Кьеркегору, «должен быть чем-то третьим или должен обладать чем-то третьим по отношению к этим двум величинам. Это третье – выбор: человек соизмеряет

вес, он взвешивает, он выбирает» [10, с. 226]. Однако, выбирая, человек должен понимать, что эти две величины неравнозначны. Вечность всегда будет иметь перевес как абсолютное перед относительным, как совершенное перед несовершенным. Также невозможно сделать окончательный выбор, в каждом конкретном случае решение придется принимать заново и прилагать новые усилия.

Проблема несоразмерности вечности и времени решалась современниками философа двумя способами. Одни считали, что человек должен выбрать долг и терпеть страдания в несовершенной земной жизни, чтобы обрести спасение после смерти. Другие сомневались в возможности спасения, поэтому видели смысл в получении удовольствия от жизни и старались избегать страданий. Мыслитель считал, что осознающий разницу между временным и вечным не должен думать о воздаянии за страдания после смерти, ведь именно осознание этого различия порождает человечность в человеке и веру в Бога. Российский мыслитель XX в. М. К. Мамардашвили отмечал, что в новоевропейской философии Кьеркегор был первым, кто обратился к антропологической проблематике, к проблеме самоопределения как феномена человеческого бытия. Он отмечает: «После рассуждения о важности напряжения и серьезности выбора Кьеркегор пишет, что главное – это пребывание в различии, удержание различия добра и зла, а не сам выбор. Эта энергия держания различия и есть самая главная вещь в жизни, потому что главная задача – это победить, завоевать самого себя, говорит Кьеркегор» [18, с. 322].

Решая вопрос об оправдании страдания в земной жизни, Кьеркегор цитирует апостола Павла: «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» [19, с. 1264] (2 Кор. 4,17). По его мнению, под «кратковременным легким страданием» апостол Павел имеет в виду на самом деле тяжкое страдание, которое может длиться всю жизнь. Однако это – ничто в сравнении с верой в бессмертие души, рождающейся из любви к Богу, т. е. из любви к настоящему, благородному, возвышенному добру. Вера в бессмертие души, перевешивающая все страдания, и есть тот атом вечности, который может быть снова и снова воспринят как миг, как «проблеск истины» в этом мире. Поэтому требуются усилия, чтобы попадать в такие состояния заново. Страдание ценно не само по себе, испытывая его человек приобретает опыт присутствия в реальности, осознавая свою индивидуальность и неповторимость. В таких состояниях человек приобретает чувство бессмертия души, несмотря на страдания, его жизнь становится осмысленной. Мамардашвили такие состояния сознания осмысливает в понятии «динамической вечности». «Мы хотим прежде всего *жить*, но жить так, чтобы быть принятыми миром и другими людьми именно в том, что мы считаем в себе самым живым, искренним и честным. Вот этот клубок вещей условно можно назвать динамической вечностью, потому что мы, как конечные существа, не можем пребывать внутри этой вечности, не совершая усилия» [18, с. 208].

Понимание вечности как «мига», «мгновения», осуществляющегося в «движении веры», является одним из ключевых понятий философского мышления Кьеркегора и озвучено в его произведении «Страх и трепет». Подлинная реальность, по его мнению, – это внутренний мир человека, его Я. Я у него – это не субстанция, а акт самопонимания, поддерживаемый интенцией сознания, направленной на самого себя. «Я – это отношение, относящее себя к себе самому, – иначе говоря, оно находится в отношении внутренней ориентации такого

отношения, то есть Я – это не отношение, но возвращение отношения к самому себе» [11, с. 292]. Чтобы поддерживать интенцию самого себя, необходимо отношение Я к Другому, где Другой является Богом. Так как Бога познать невозможно, то для мыслителя прежде всего важно само напряжение, возникающее с возобновлением отношения к Богу, в котором он обретает себя, свою веру в абсолютность возвышенного. Кьеркегор «ставит целью не встречу с Богом, а с самим собой, ищущим Бога. В каждом своем новом произведении он снова и снова осуществляет “движение веры”, чтобы вновь найти себя как Другого, пережившего силу события и длительность его воздействия. Кьеркегор предлагает радикальную постановку вопроса о человеке. Человек есть то, что он понимает о себе, исходя из его отношения к Богу (ценностям), которое устанавливается через постоянное испытание свободой» [16, с. 33]. Таким образом, пребывание в вечности он мыслит как предельную концентрацию экзистенции, совмещение субъекта и объекта в едином акте сознания, обретение целостности личности. Именно отношение человека к себе, ищущему Бога, оказывается в центре внимания Кьеркегора, и он пытается определить условия этого поиска.

Отношение с Богом мыслитель понимает как «свободное бытие перед лицом Бога» [14, с. 14–15]. «Не выбрав добровольно и сознательно себя как субъекта, имеющего высшее предназначение, невозможно вступить в свободные отношения с Богом» [14, с. 14]. Такой опыт показан философом в образе Иисуса Христа в его «Евангелии страданий». В этом образе воплощается символ чистого страдания, пережить и понять которое человек не в состоянии. Сам символ не вызывает страдания, но настраивает сознание на понимание его смысла. Человек не в силах повторить подвиг Христа, но он может поверить в бессмертие души и понять, что любовь к Богу и абсолютное добро возможны уже в этой жизни, несмотря на то, что она наполнена страданиями. В этом и заключается смысл жизни, когда «человек с чистым сердцем и свободный способен, страдая, лишиться мир власти над собой и что он силен превратить бесчестье в честь, поражение в победу» [10, с. 271]. Через любовь к Богу человек обретает основания своего бытия. Страдания, переплавленные в веру и любовь к Богу, превращают тело человека в «метафизическую плоть», в живое сознание, открывающее вечность. Сознание человека приобретает плотность и телесность, такая телесная память, связанная со страданиями, погружает человека в реальность, организует встречу человека с самим собой как высшим судьей, т. е. Богом. Человек, ищущий встречи с Богом, совершает поступки, не совместимые с прагматикой жизни, а соответствующие представлениям о независимых ни от чего любви, добре, истине.

У. Хуббен отмечает, что в понимании верующего человека у Кьеркегора не существует чего-то промежуточного между Христом и Антихристом. Подлинный человек – это всегда человек, следующий за Христом, воплощающий себя в реальности [12, р. 49]. Размышления Кьеркегора о себе, ищущем Бога, можно интерпретировать как размышления человека о себе, каждый раз устанавливающим отношение к ценностям. Собственно, именно само отношение к ценностям, возобновляемое каждый раз в новом усилии, и есть то, что делает ценность ценностью, а человека человеком. Это означает, что у Кьеркегора человек является основанием как собственного бытия, так и ценностей, подобно Богу. Поэтому философ считает первичной человеческую реальность, находящуюся в коррелятивных отношениях с иным, Богом (ценностями), посредством веры.

Заключение. В настоящее время антропоцентризм сменяется мировоззрением, связанным с переживанием экзистенциального кризиса. В эпоху Нового времени человек рассматривался как творец своей судьбы, истории и культуры. В ситуации постмодернизма была провозглашена «смерть человека», так как человек перестал быть творческим существом. Субъективность стала производиться анонимными надындивидуальными структурами, росту которых способствовал научно-технический прогресс. В тотальном информационном пространстве современный человек подвергается явной и скрытой манипуляции. Он остро переживает утрату такой фундаментальной ценности, как автономная индивидуальность. Разрушение личностного начала в культуре приводит к дегуманизации и дезинтеграции общества. В этой ситуации образ «человека, ищущего веру в Бога» С. Кьеркегора может использоваться в качестве ориентира в деле построения индивидуального опыта мышления и обретения целостности личности. В статье образ «человека, ищущего веру в Бога» Кьеркегора представлен в виде культурно-антропологического типа, для которого характерны состояния сознания, переживаемые в символах времени и вечности, порождающие такие личностные качества, как ответственность, совесть, заботу, чувство долга. Именно они способствуют сохранению общества как духовного организма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шестов Л. Кьеркегард – религиозный философ // Кьеркегор С. Наслаждение и долг / пер. с датс. П. П. Ганзена. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 384–411.
2. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. М.: Искусство, 1994.
3. Быховский Б. Э. Кьеркегор. М.: Мысль, 1972.
4. Гайденок П. П. Трагедия эстетизма: о мирозерцании Сёрена Кьеркегора. М.: Республика, 1997.
5. Хоружий С. С. Неотменимый антропоконтур. 4. Философия Кьеркегора как антропология размыкания // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 152–166.
6. Щитцова Т. В. Экзистенциальная терапия, или Как практикуют философию: к актуальности Кьеркегора в современную эпоху // Логос. 2006. № 6. С. 84–99.
7. Файбышенко В. Ю. Встреча с феноменом: воплощение и развоплощение. О некоторых чертах феноменологического проекта М. К. Мамардашвили // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 3 (12). С. 35–40.
8. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические размышления о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
9. Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии: опыт физической метафизики. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2019.
10. Кьеркегор С. Евангелие страданий / пер. с датс. А. В. Лызлова. М.: Свято-Владимирское изд-во, 2011.
11. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с датс. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М.: Культурная революция, 2010.
12. Hubben W. Dostoevsky, Kierkegaard, Nietzsche, and Kafka: four Prophets of our Destiny. NY: Collier Books, 1974.
13. Губин В. Д., Зенин К. В. Проблема человеческой экзистенции в философии С. Кьеркегора // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 10 (132). С. 46–56.
14. Левичева Е. Н. Религиозная антропология Сёрена Кьеркегора: автореф. дис. ... канд. филос. наук / МГУ. Москва, 2006.

15. Подорога В. А. Авраам как Problemata. Сёрен Кьеркегор и непрямая коммуникация // Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с датс. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М.: Культурная революция, 2010. С. 443–488.

16. Ключкина Л. А. С. Кьеркегор и М. Мамардашвили: поворот к человеку // Неклассический XX век. Ч. I. Антропологическая проблематика в творчестве скандинавских и русских философов и писателей / В. В. Дудкин, Л. А. Ключкина, С. В. Васильева, И. А. Спиридонова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 24–39.

17. Августин Аврелий. Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеенко. М.: Канон+: Реабилитация, 2000.

18. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Моск. школа полит. исслед., 2001.

19. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1989.

Информация об авторе.

Ключкина Людмила Александровна – доктор философских наук (2011), профессор кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, пр. Ленина, д. 33, Петрозаводск, 185910, Россия. Автор 4 монографий и около 90 научных статей. Сфера научных интересов: философская антропология, теория и история культуры, отечественная культура.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.02.2023; принята после рецензирования 05.03.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.*

REFERENCES

1. Shestov, L. (1998), "Kierkegaard – religious philosopher", *Kierkegaard S. Enten – Eller*, Transl. by Ganzen, P.P., Feniks, Rostov-na-Donu, RUS, pp. 384–411.

2. Berdyaev, N.A. (1994), *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [Philosophy of creativity, culture and art], vol. 1, Iskustvo, Moscow, RUS.

3. Bykhovskii, B.E. (1972), *K'erkegor* [Kierkegaard], Mysl', Moscow, RUS.

4. Gaidenko, P.P. (1997), *Tragediya estetizma: o mirosozertsanii Serena Kirkegora* [The Tragedy of Aestheticism: On the Worldview of Søren Kierkegaard], Respublika, Moscow, RUS.

5. Khoruzhy, S.S. (2010), "Irreplaceable anthropocontour. 4. Philosophy of Kierkegaard as anthropology of breaking", *Voprosy Filosofii*, no. 6, pp. 152–166.

6. Shchittsova, T.V. (2006), "Existential Therapy, or How Philosophy Is Practiced: Toward Kierkegaard's Actuality in the Modern Age", *Logos*, no. 6, pp. 84–99.

7. Faybyshenko, V.Yu. (2013), "Encountering Phenomenon: Realization and De-realization: On Merab Mamardashvili's phenomenology", *International J. of Cultural Research*, no. 3 (12), pp. 35–40.

8. Mamardashvili, M.K. and Pyatigorskii, A.M. (1999), *Simvol i soznanie. Metafizicheskie razmyshleniya o soznanii, simvolike i yazyke* [Symbol and consciousness. Metaphysical reflections about consciousness, symbolism and language], Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", Moscow, RUS.

9. Mamardashvili, M.K. (2019), *Vil'nyusskie lektsii po sotsial'noi filosofii: opyt fizicheskoi metafiziki* [Vilnius lectures on social philosophy: experience of physical metaphysics], Azbuka, Azbuka-Attikus, SPb., RUS.

10. Kierkegaard, S. (2011), *Gospel of Sufferings: Lidelsernes Evangelium*, Transl. by Lyzlov, A.V., Svyato-Vladimirskoe izd-vo, Moscow, RUS.

11. Kierkegaard, S. (2010), *Frygt og bæven*, Transl. by Isaeva, N.V. and Isaev, S.A., Kul'turnaya revolyutsiya, Moscow, RUS.

12. Hubben, W. (1974), *Dostoevsky, Kierkegaard, Nietzsche, and Kafka: four Prophets of our Destiny*, Collier Books, NY, USA.

13. Gubin, V.D. and Zenin, K.V. (2014), "The problem of human existence in the philosophy of S. Kierkegaard", *RSUH/RGGU Bulletin. Ser. Philosophy. Sociology. Art studies*, no. 10 (132), pp. 46–56.

14. Levicheva, E.N. (2006), "The Religious Anthropology of Søren Kierkegaard", Abstract of Can. Sci. (Philosophy) dissertation, Moscow State Univ., Moscow, RUS.

15. Podoroga, V.A. (2010), "Abraham as Problemata. Søren Kierkegaard and indirect communication", *Kierkegaard S. Frygt og skælven*, Transl. by Isaeva, N.V. and Isaev, S.A., *Kul'turnaya revolyutsiya*, Moscow, RUS, pp. 443–488.

16. Klyukina, L.A., (2014), "S. Kierkegaard and M. Mamardashvili: turning to a human being", *Neklassicheskii XX vek. Chast' I. Antropologicheskaya problematika v tvorchestve skandi-navskikh i russkikh filosofov i pisatelei* [The Nonclassical XX century. Part I. Anthropological problems in the works of Scandi-navian and Russian philosophers and writers], Dudkin, V.V., Klyukina, L.A., Vasil'eva, S.V. and Spiridonova, I.A., *Izd-vo PetrGU, Petrozavodsk*, RUS, pp. 24–39.

17. Augustine Aurelius (2000), *Confessio*, Transl. by Sergeenko, M.E., *Kanon+: Reabilitatsiya*, Moscow, RUS.

18. Mamardashvili, M.K. (2001), *Estetika myshleniya* [Aesthetics of thinking], Mosk. shkola polit. Issled., Moscow, RUS.

19. *Bibliya. Knigi svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Bible. Holy Scriptures of the Old and New Testaments] (1989), *Izдание Moskovskoi Patriarkhii*, Moscow, RUS.

Information about the author.

Lyudmila A. Klyukina – Dr. Sci. (Philosophy, 2011), Professor at the Department of Philosophy and Culturology at the Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, 33 Lenina avn., Petrozavodsk 185910, Russia. The author of 4 monographs and about 90 scientific articles. Area of expertise: philosophical anthropology, theory and history of culture, Russian culture.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 06.02.2023; adopted after review 05.03.2023; published online 22.06.2023.

Перевод
УДК 316.4
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-44-59>

Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёиком¹. Часть 1

Маркус Бьёик¹, Оле Нимоен²

¹Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс, США

²Независимый журналист, Йена, Германия

¹marcus.boeick@rub.de

²oleundwolfgang@gmail.com

Вниманию читателей представляется первая часть перевода интервью, которое было взято в октябре 2020 г. у немецкого историка доктора Маркуса Бьёика. Интервью посвящено истории организации Тройханданштальт (Treuhandanstalt), через которую осуществлялась приватизация восточногерманских предприятий после ликвидации ГДР как государственной структуры. В первой части интервью идет речь о том, для чего изначально задумывался Тройханданштальт, во что он превратился впоследствии, а также том, с какими проблемами столкнулись восточные немцы в новой объединенной Германии.

Ключевые слова: приватизация, Восточная Германия, ГДР, объединение Германии, Тройханд, Тройханданштальт, плановая экономика, рыночная экономика

Для цитирования: Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёиком. Часть 1 / пер. с нем. и коммент. В. А. Миронова // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 44–59. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-44-59.

Translation

The Talk about the History of the Treuhandanstalt. Interview with Markus Böick. Part 1

Markus Böick¹, Ole Nymoen²

¹Harvard University, Cambridge, MA, USA

²Freelance Journalist, Jena, Germany

¹marcus.boeick@rub.de

²oleundwolfgang@gmail.com

The readers are presented with the first part of the translation of an interview that was taken in October 2020 from the German historian Dr. Markus Böick. The interview is devoted to the history of such an organization as Treuhandanstalt, through which the privatization of

© Ole Nymoen, Markus Böick, 2023

© Миронов В. А., пер. с нем., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

¹<https://www.youtube.com/watch?v=JuK500XEHns>

East German enterprises was carried out after the liquidation of the GDR as a state structure. The first part of the interview talks about what Treuhandanstalt was originally created for, what it later turned into, as well as what problems East Germans faced in the new united Germany.

Keywords: privatization, East Germany, GDR, German unification, Treuhand, Treuhandanstalt, planned economy, market economy

For citation: "The Talk about the History of the Treuhandanstalt. Interview with Markus Böick. Part 1", Transl. by Mironov, V.A. (2023), *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 44–59. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-44-59 (Russia).

Оле Нимоен (О. Н.): Здравствуйте, уважаемые слушатели. Здравствуйте, доктор Маркус Бьёик.

Маркус Бьёик (М. Б.): Да, здравствуйте, добрый день.

О. Н.: Маркус Бьёик – историк. Область его научных интересов – организация Тройханданштальт, о которой наши молодые слушатели в большинстве своем имеют довольно смутное представление, тогда как представители старшего поколения довольно легко смогут вкратце объяснить, что Тройханданштальт был учреждением, которое отвечало за интеграцию восточногерманских предприятий в рыночную экономику ФРГ прежде всего через их приватизацию, т. е. через поиск частных инвесторов для распродажи этих предприятий. Также стоит отметить, что работа данной организации была буквально вся опутана разного рода скандалами. Господин Бьёик, как бы вы могли охарактеризовать работу данной организации?

М. Б.: Это была особенная организация, которая занимает особое место в немецкой, европейской и, возможно, даже мировой истории. Подобного рода организаций было не так уж и много, по крайней мере, в XIX и XX вв., а именно таких краткосрочных, с таким большим количеством импровизации, таких хаотичных организаций, которые бы распоряжались таким чрезвычайно большим промышленным сектором. В сферу ответственности данной организации входило около 8 тыс. предприятий и 4 млн рабочих и служащих. Все это необходимо было в очень короткие сроки перевести с плановых на рыночные рельсы, т. е. в очень короткие сроки создать капитализм из социализма, и все это нужно было сделать очень-очень быстро, без какой бы то ни было подготовки, без продуманной стратегии, без готового рецепта, и такая задача была нестандартной. Современники и свидетели тех событий воспринимали эту задачу как уникальную. Таким же образом эту задачу воспринимали руководители и сотрудники Тройханданштальт. Как только начался процесс приватизации, сразу же стали возникать конфликты и столкновения между сторонниками и противниками этого процесса. Я бы сказал, что Тройханданштальт вплоть до настоящего времени, по крайней мере для восточных немцев среднего и старшего возраста, является главным объектом жарких политических и экономических дискуссий. После воссоединения Германии вся восточногерманская экономика оказалась под полным контролем Тройханда. Во власти этой организации оказались не только все производственные силы Восточной Германии, но и весь культурно-досуговый сектор, который был напрямую связан с каждым восточногерманским предприятием. Для многих восточных немцев Тройханд является символом того, что процессы объединения двух Германий после 1990 г. не оправдали их надежд и ожиданий.

Именно поэтому Тройханданштальт является самой громкой, спорной и неоднозначной организацией в новейшей истории Германии. Это делает Тройханд очень сложным, но в то же время очень увлекательным объектом изучения для историка. И даже не только с точки зрения истории, но также и...

О. Н.: Вы были ребенком, когда берлинская стена пала?

М. Б.: Да.

О. Н.: По какую сторону от стены вы выросли? В каком возрасте вы узнали или, может быть, столкнулись с работой Тройханданштальт? Ведь в вашей семье наверняка были те, кто пострадал от приватизации, или же вы выросли на Западе и поэтому для вас эта тема не имела кого-либо особого значения?

М. Б.: Да, надо сказать, я тогда, в 1990 г., еще ходил в детский сад, а уже в 90-х начал ходить в начальную школу. И, конечно, тогда тема Тройханда для меня была далеко не на первом месте. И я не проявлял активности в изучении этой темы. Все эти события я, конечно, воспринимал, но воспринимал весьма опосредованно. Ведь тогда, в силу моего возраста, меня интересовали совершенно иные вещи, и это понятно, однако, конечно, тогда чувствовалась неуверенность в завтрашнем дне у моих родителей, бабушек и дедушек, и у других взрослых... а самыми животрепещущими и актуальными темами моей юности были темы безработицы, будущих перспектив и эмиграции. Я вырос в восточном Гарце, нынешняя Саксония-Анхальт. Об этом мне стоит рассказать поподробнее. В Восточной Германии я жил в регионе, на который огромное влияние оказали добыча полезных ископаемых и тяжелая промышленность, и именно здесь должны были произойти наиболее значительные структурные изменения и потрясения в экономике и социальной сфере. Поэтому приватизация повлияла на этот регион непосредственно и сразу.

Конечно, это коснулось и меня, я хоть и обрывисто, но все-таки помню, как люди агрессивно спорили и выходили на протесты по поводу закрытия большого завода в моем родном городе Хеттштедте. Конфронтация шла, как и полагается, еще и в средствах массовой информации. Например, в коммуне Бишоффероде летом 1993 г. был большой голод, вернее, голод был не столько большим, сколько громким из-за начавшейся там массовой голодной забастовки, прогремевшей тогда на весь мир. Забастовку организовали шахтеры предприятия по добыче калия. Тогда это было на слуху, и я это помню. Но, разумеется, будучи ребенком, школьником или же юным подростком, нельзя было полностью прочувствовать, осознать и пережить это все так же, как это переживали те взрослые люди, которые непосредственно пострадали от таких преобразований.

Поэтому могу сказать, что я имею свое личное представление о тех событиях, но я не был активным участником и не перенес каких-либо сильных эмоциональных потрясений в связи с теми событиями. Для меня все это прошло несколько иначе. После окончания школы я уехал из новых федеральных земель, чтобы поступить в университет на территории Западной Германии, т. е. в старых федеральных землях. Я остался и живу здесь уже очень давно, и конечно, мой взгляд о состоянии новых федеральных земель отличается от взгляда людей, не уезжавших оттуда. Но несмотря на это, я пытался сделать свою работу качественной и информативной, а насколько у меня это получилось, судить, конечно, уже не мне. Вердикт о качестве моей работы должны вынести другие люди. Но таковой была моя

попытка разобраться с исследуемым мной предметом не с точки зрения очевидца, а с точки зрения историка.

О. Н.: Каково было состояние экономики ГДР, о которой вы сейчас упомянули? Ведь народное плановое хозяйство ГДР должно было быть перенаправлено в русло капиталистической экономической системы. Каким было состояние экономики ГДР и, особенно, состояние промышленности в тот переломный период?

М. Б.: Этот вопрос до сих пор является причиной очень жарких споров. Ну, можно сказать, что на сегодняшний день написано много о том, представляли ли собой какую-либо ценность народные предприятия ГДР или нет. И этот спор под собой имеет не только материальную основу, но также и символическую, т. е. в таких спорах в первую очередь речь идет о том, что собой представляла ГДР и что именно восточные немцы имели на момент объединения: представляла ли из себя промышленность ГДР груды металлолома или же было в ней что-то стоящее. Сейчас если в процессе споров одной из сторон удастся доказать или показать, что в разрушенной приватизацией экономике ГДР было действительно что-то стоящее, то пострадавшим от приватизации этот факт причиняет еще большую боль. И это лишь малая часть из всего того, что относится к этой очень болезненно воспринимаемой теме.

Я думаю, что, оценивая те события с экономической и исторической точек зрения, необходимо выносить взвешенные суждения и отделять мух от котлет. Несомненно, в плановой экономике было много проблем, которые постоянно возникали в ее основных отраслях, а именно в металлургии, машиностроении, химической промышленности, горнодобывающей промышленности, текстильной промышленности, машиностроении, судостроении и т. д. А некоторые ошибки и сбои в этих сферах накапливались десятилетиями.

Национализация очень крупных предприятий проводилась в несколько этапов. В сороковых годах Советы провели национализацию, потом этот процесс продолжился в пятидесятых и еще раз в семидесятых годах. В 1970-х гг., во времена правления Эриха Хонеккера, процесс национализации закончился, после чего не осталось ни частной собственности, ни предпринимателей. В тот период за экономику ГДР отвечал сильный политик – Гюнтер Миттаг, который сделал еще большую ставку на крупные комбинаты. Миттаг выстроил огромный промышленный комплекс по всей территории ГДР, части которого были тесно переплетены друг с другом и были взаимозависимыми. Возникали так называемые полные производственные цепочки, объединенные в отдельные большие комбинаты. Позже руководитель Тройханда Детлев Роведдер стал называть эти комбинаты динозаврами плановой экономики.

И это действительно были экономические гиганты, но гигантами они были весьма условно, ведь они были несамостоятельными и управлялись из одного центра – Восточного Берлина. Экономика функционировала через планирование, планы... пятилетние планы, семилетние планы, в рамках которых предпринимались попытки рассчитать, сколько обуви и всего остального нужно произвести для собственной страны и для внешней торговли со странами Восточной Европы, т. е. со странами, входящими в Совет экономической взаимопомощи во главе с Советским Союзом. Именно в рамках СЭВ у ГДР были договоренности в сфере внешней торговли, в котором решили, что, например, автобусы будут производиться в Венгрии, а в ГДР будут производиться разного рода станки и машинное оборудование. Все это обменивалось на продукцию из других стран СЭВ. Такой была плановая экономика,

которая контролировалась сверху, и также сверху в ней все было распланировано на длительный срок. По крайней мере, так было на бумаге. На практике же все было намного сложнее, потому что предприятия не могли и не всегда хотели строго исполнять то, что было спущено сверху, и даже в некоторой степени пытались как-то обойти строгие предписания, чтобы хоть немного упростить свою работу.

Все предприятия стремились к большей самостоятельности и пытались сделать плановые разрядки, насколько это возможно, более мягкими. Иначе говоря, чем меньше и проще плановое техзадание, тем проще было ему соответствовать, и для предприятий был смысл упрощать свою работу, чтобы выполнить план. Это, знаете, как в университете, когда студенты договариваются об условиях и сроках сдачи зачета или экзамена с преподавателем, вот примерно так и обстояло дело с предприятиями и плановыми разрядками. Тогда у народных предприятий не было правильной рыночной конкуренции, не было возможности свободно устанавливать цены, не было никаких стимулов интенсивно внедрять инновации или повышать эффективность производственного процесса. Эти факты всем хорошо известны. То есть народные предприятия пребывали в совершенно иных условиях, отличных от условий, в которых функционировали западногерманские предприятия. И эта разница за несколько десятилетий стала весьма существенной. Гигантские предприятия, или, как их тогда называли, комбинаты, постоянно укрупнялись, привлекая все больше и больше рабочей силы, накапливая материалы, необходимые для производства, и, конечно же, при этом накапливались и проблемы. В первую очередь технологические проблемы, например, предприятия были в значительной степени отрезаны от западных технологий, и речь здесь идет не только об американских технологиях, но и о технологиях западноевропейских держав. Плюс к этому в 1970-х и 1980-х гг. все более ярко стали проявляться экологические проблемы. Некоторые производства к тому времени разрослись так, что уже больше не было возможности контролировать их пагубное влияние на окружающую среду.

Но еще в этот период произошли и перемены в мировой экономике: мировые производственные мощности стали переноситься в Восточную Азию, а производственные мощности, расположенные в Европе, стали уступать свои позиции на мировом рынке, т. е. тогда произошли структурные изменения в мировой и европейской экономике, последствия которых в Западной Германии мы можем сейчас наблюдать в Руре и в Сааре. Естественно, все эти преобразования не были никак восприняты странами Восточной Европы, экономики которых имели не рыночное, а централизованное управление, которое всегда было под охраной со стороны политиков. Режим СЕПГ без тени сомнений при возникновении, так сказать, ситуации выбора между удержанием власти и ростом экономической эффективности всегда выбирал удержание власти, и это, если можно так выразиться, было известно и очевидно всем.

Режим СЕПГ обещал своему населению следующее: мы обеспечим вас всем необходимым, т. е. жилплощадью, товарами широкого потребления и простыми продуктами питания. Продукты питания должны были быть очень и очень дешевыми и цены на них в значительной степени дотировались со стороны государства. Сложнее дело обстояло с более качественными товарами широкого потребления, автомобилями и т. д. С такого рода товарами дела шли уже сложнее. В плановой экономике нельзя было просто взять и купить автомобиль, вместо этого людям приходилось стоять в очереди за автомобилями десятилетиями,

например, за Трабантом или Вартбургом. Причем эти автомобили по своему качеству были застрявшими на уровне 1960-х гг., потому что у страны просто не хватало ресурсов на их усовершенствование. И ради такого потребления, ради безопасности такого потребления была принесена в жертву политическая свобода. Суть договоренности состояла в том, что мы заботимся о вас, но у вас не будет возможности участвовать в свободных выборах и не будет разрешено свободно пересекать границу с Западной Германией.

Но эта договоренность на фоне мирового экономического кризиса с 1970-х гг. начала давать сбои, и с этого времени все интенсивнее росло технологическое отставание, за которым следовало накопление экологических проблем и проблем со снабжением, которые увеличились настолько, что в итоге большое количество предприятий простаивало, потому что некоторых компонентов производственных цепочек просто не было в наличии. При этом в народе росло недовольство, ведь, с одной стороны, по западному телевидению показывали высокий уровень благосостояния Западной Германии, о том же рассказывали те, кто побывал за западной границей. С другой стороны, восточные немцы сталкивались все с большим количеством проблем в экономике, и становилось понятно, что режим не в состоянии создать необходимые условия для поддержания высокого уровня жизни собственного населения.

Такое положение дел стало особенно критическим в 1980-х гг. Конечно, не без влияния общемировых факторов, а именно разного рода международных конфликтов, нефтяного кризиса, войны в Афганистане, и к тому же в 1980-х гг. у Советского Союза уже возникли большие проблемы с собственной экономикой, которые уже не позволяли, так скажем, плотно заниматься проблемами своих сателлитов, в том числе и проблемами стран Восточной Европы. В условиях плановой экономики большинство предприятий, как правило, сталкивается со значительными проблемами, и как следствие при этом растет неудовлетворенность рабочих таких предприятий. Так у людей возникало чувство, что надо что-то менять, что так долго продолжаться не может, и такие настроения преобладали в умах людей в конце 1980-х гг. Все понимали, что необходимы перемены, но какие именно – никто толком не знал. По большому счету, люди хотели открыть свой собственный бизнес, хотели конкуренции, и чтобы труд рабочих оплачивался по достоинству. Рабочие были недовольны тем, что их зарплата не менялась в случаях, когда они работали больше и лучше. Они рассуждали примерно так: зачем мне перетруждаться, если я, по большому счету, все равно получу столько же, сколько и мой коллега. У меня нет никакого стимула для того, чтобы работать эффективнее. В итоге все эти проблемы превратились к 1990 г. в один большой снежный ком, игнорировать который было уже нельзя. Плановая экономика за одну ночь была переведена на законы рыночной экономики, и вслед за этим последовали массовые, лавинообразные увольнения и закрытия предприятий, и именно в этот момент в игру вступил Тройханд.

О. Н.: Прежде чем мы поговорим о Тройханде, я бы хотел с вами обсудить некоторые аспекты, если можно так сказать, некоторые проблемы экономики ГДР. Например, каким был уровень квалификации специалистов, получивших свое образование в ГДР? Просто я был в прошлом году на конференции по истории, и там были доклады на эту тему, в которых говорилось о том, что в экономической системе ГДР профессии и специальности были относительно незыблемыми, может, не с такими возможностями успешного продвижения по службе, как сейчас, но все равно специальности, полученные в профессиональных учебных

заведениях, оставались востребованными на протяжении долгого времени. Но оказавшиеся уже в объединенной Германии такие специалисты на рынке труда оценивались крайне низко либо же вообще оказались никому ненужными, вследствие того, что экономики двух стран были настолько разными, что в капиталистической Германии даже не существовало некоторых профессий, которые до «объединения» существовали и были востребованы в ГДР.

М. Б.: Да.

О. Н.: В действительности на учет в службу занятости вставляли те, кто искал работу, но им там отвечали, что таких профессий по их специальности не существует. Это было полным обесцениванием профессионального опыта восточных немцев. Действительно ли качество подготовки специалистов в ГДР было настолько плохим?

М. Б.: Это, конечно, очень и очень важный вопрос, который необходимо проговорить. Ну, как обстояли дела с экономикой ГДР, я уже сказал, да... так сказать, в сфере промышленности было много проблем, но, конечно, и там было не все так уж беспросветно. Там были и предприятия, которые вполне могли конкурировать с западными, по крайней мере, до валютного союза.

До так называемой «шоковой терапии», вызванной валютным союзом, ряд ГДРовских предприятий производил продукцию, пользовавшуюся спросом как в Западной Германии, так и Западной Европе. В первую очередь это были предприятия с многовековыми промышленными традициями, располагавшиеся на территории таких центральногерманских регионов, как Саксония и Тюрингия. На основе опыта таких предприятий впоследствии была выстроена вся промышленность ГДР, части из которой удалось захватить небольшие сегменты западного рынка. Разного рода прорывные технологии, ноу-хау, разработанные простыми рабочими и инженерами из ГДР, были, и этого тоже нельзя отрицать. В 1990-х тема уровня квалификации восточногерманских специалистов была объектом жарких споров, но на сегодняшний день уже очевидно, что сотрудники ГДРовских предприятий были высококвалифицированными специалистами. Но, как вы уже отметили, это совершенно непростая история. Ведь некоторые ГДРовские профессии на момент воссоединения Германий уже в принципе не существовали в Западной Германии и в Западной Европе, исчезли даже сами понятия таких профессий вследствие...

О. Н.: Вследствие изменений, которые произошли в промышленности?

М. Б.: Именно. Вследствие структурных изменений в западноевропейской промышленности, т. е. вследствие переноса большого количества производственных мощностей за пределы Европы. Прежде всего в Азию, и классический пример, я бы даже сказал, экстремальный пример, – это перенос текстильной промышленности, которая была очень сильно развита здесь, в Вестфалии в районе Вупперталя и т. д. и т. п. Но уже к 1960–1970-м гг. эта отрасль уже почти полностью исчезла в Западной Германии, тогда как в рамках социализма, в рамках плановой экономики все отрасли промышленности, в том числе и текстильная, были закапсулированы и ограждены от общемировых экономических процессов.

Таким образом, на момент воссоединения Германий, это была, так скажем, устаревшая и законсервированная модель экономики, часть которой продолжала функционировать, несмотря на то, что вследствие ускорившихся процессов глобализации, технологического скачка, компьютеризации и т. д. в передовых капиталистических странах ряд отраслей

претерпел очень сильные изменения, по крайней мере в Западной Германии, Западной Европе и в Соединенных Штатах.

Но все эти изменения в мировой экономике произошли тогда, когда социализм был еще в расцвете. Резкие структурные изменения в плановой экономике могли негативно сказаться на социальной защищенности населения, а это было недопустимо для социалистических стран, так как социальная защищенность населения была ядром социалистической идеологии. Поэтому со стороны соцблока не было проявлено никакого интереса к тому, чтобы идти в ногу с мировыми тенденциями. Как вы верно отметили, в рамках социализма право на труд было закреплено в конституции, а социалистические предприятия помимо всего прочего выполняли перед населением еще и важнейшие культурные и социальные задачи, т. е. предприятия не только отвечали, так скажем... не только за производительность труда и эффективность производственного процесса, но в значительной степени являлись еще и культурными и социальными центрами, которые отвечали еще за массу разных направлений, помимо производственных. У предприятий в ГДР были свои дома отдыха, спортивные клубы и кружки, театры, детские сады и ясли и т. д. и т. п... футбольные клубы... И этот список можно продолжать еще очень и очень долго...

О. Н.: Еще предприятия обеспечивали жилплощадью, например.

М. Б.: Жилплощадью.

О. Н.: В прошлом году я побывал в качестве туриста в саксонском городе Хойерсверда, и то, о чем вы сейчас сказали, было и в Хойерсверде. Это был чисто промышленный город, куда, насколько мне известно, каждое утро издалека приезжали рабочие, которые работали на угольных шахтах. И специально для этой огромной массы людей как будто бы из ниоткуда появлялись целые жилые кварталы.

М. Б.: Да, так и было. Таким же, как и в случае с Хойерсвердой, является впечатляющий пример с Галле-Новым городом. Там были также построены жилые кварталы для работающих в тяжелой и химической промышленности. Также стоит упомянуть Айзенхюттенштадт – город, выстроенный вокруг сталелитейного завода. Впоследствии такого рода города лягут тяжелым бременем на плечи новой Германии. Это были города, в которых крупное градообразующее предприятие оказывало огромное влияние почти на все сферы жизни горожан. Там работала большая часть населения города, для которой на базе предприятия создавались разного рода культурные и социальные учреждения.

В таких условиях люди чувствовали себя неотъемлемой частью предприятия. Это было не просто местом работы, для большого количества сотрудников работа на предприятии была семейным, можно сказать, династическим делом, ведь там часто работали целыми семьями и на протяжении нескольких поколений, для которых перемены, вызванные крушением социализма, были очень глубокими и всесторонними.

Волна потрясений, накрывшая Восточную Германию в 1990-е гг., не только покончила с рабочими местами, но, если можно так выразиться, тогда был разрушен весь привычный уклад жизни, весь выстроенный вокруг промышленности мир. Все изменилось за одну ночь, все прекратило свое существование всего за одну ночь. И до сих пор на территории Восточной Германии огромное количество людей не имеет постоянной работы.

Если все выразить в двух словах, то резкое крушение социализма обесценило все, что было до объединения... Прежние заслуги, прежний опыт работы стали никому не нужны

в новой объединенной Германии. Люди видели, что во всех этих процессах важную роль играет Тройханд, за что сразу эта организация стала ненавистной большинству восточных немцев. Со стороны все это виделось так, что именно представители Тройханда принимали важнейшие решения, которые в конечном счете привели к ликвидации крупных градообразующих предприятий и обесцениванию всех на тот момент имевшихся трудовых и жизненных достижений восточных немцев. Последствия этих решений до сих пор дают о себе знать.

О. Н.: Можете описать в общих чертах, как работал Тройханд? Что представляло собой это учреждение, в собственности которого оказались все предприятия народного хозяйства? Насколько мне известно, Тройханд должен был распродавать эти предприятия через привлечение инвесторов. Главным условием проведения приватизации ГДРовских народных предприятий было привлечение инвесторов, которые должны были вложить свои средства в развитие этих предприятий, чтобы сохранить рабочие места, к примеру, ну и сохранить сами эти предприятия, т. е. не допустить их остановки или закрытия. Ведь было очевидно, что никто не поедет из Западной Германии работать или делать бизнес в экономически мертвую Восточную Германию. Как изначально планировалось провести приватизацию?

М. Б.: Знаете, это очень интересный вопрос, которым я на протяжении долгого времени занимался. И часть ответа на данный вопрос состоит в том, что изначально Тройханд и не задумывался как площадка для распродажи восточногерманских предприятий. Германия создала ту уникальную модель приватизации, аналогов которой не было в странах Восточной Европы. Там все выглядело совершенно иначе, но здесь, в Германии, создали Тройханд.

Тройханд в самом начале своего существования был совершенно не таким, каким его запомнило большинство населения бывшей ГДР. Он был создан довольно быстро за февраль–март 1990 г. правительством Модрова по предложению Вольфганга Ульмана о необходимости создания новой структуры, которая бы позаботилась о народной собственности. Тогда это была небольшая организация с количеством сотрудников менее ста человек, которая в первую очередь должна была опекать и поддерживать восточногерманские предприятия. Тройханд был попечительским учреждением, на которое должны были переписать все народное богатство ГДР, и в первую очередь 8500 предприятий с четырьмя миллионами сотрудников, так как была опасность, что все это могут растащить либо западные капиталисты, либо восточные чиновники и партийные функционеры. Так было создано это учреждение, которое на первых порах должно было только сберечь от расхищения народную собственность, а затем восточногерманская оппозиция хотела эту собственность разделить между гражданами ГДР, выдав удостоверения о долевой собственности населению.

Но у правительства Модрова были совсем другие планы на восточногерманские предприятия. Предприятия должны были стать предметом торга, своеобразным козырем во время будущих переговоров с ФРГ. Бурной весной 1990 г. проходят выборы в Народную палату ГДР, в новом составе Народная палата голосует за объединение с ФРГ, после этого молниеносно проходят переговоры между Бонном и Восточным Берлином, с новым правительством Лотара де Мизьера. Объединение началось с экономики, и первого июля был объявлен валютный и социальный союз двух Германий. В ходе дальнейших переговоров было принято решение, что надо будет каким-то образом использовать это странное попечительское учреждение, на которое совсем недавно были переписаны все восточногерманские

предприятия. И правительство ФРГ уже придумало, как оно будет использовать это попечительское учреждение – Тройханданштальт.

В Бонне христианско-либеральное правительство ФРГ выдвинуло следующие условия: вы, восточные немцы, получаете нашу западную Дойч-марку и нашу успешную модель экономического процветания, но за это вам придется жить по нашим правилам, т. е. по правилам социальной рыночной экономики. А правила социальной рыночной экономики таковы: наличие и приоритет частной собственности, конкуренция, второстепенная роль государства в экономике, т. е. на государство возлагается только роль контроля за соблюдением законов. И еще западная сторона сказала, что надо как-то организовать процесс передачи собственности ГДР, но под это отдельное министерство создаваться точно не будет. Также нежелательно все оставлять в Восточной Германии, ведь там предприятия каким-то образом еще продолжают свою работу, и, скорее всего, старые генеральные директора попытаются остаться на своих местах и стать предпринимателями. А это недопустимо. Они сказали: мы не просто приберем к рукам ваше попечительское учреждение – Тройханд, но и посадим туда на руководящие должности опытных западногерманских руководителей из числа менеджеров и предпринимателей. Никаких бюрократов и политиков там не должно быть, нам нужны только опытные рыночные экономисты. Эти экономисты должны были действовать максимально независимо, насколько это возможно. Но при этом перед ними стояла парадоксальная задача: они должны были создать рыночную экономику по воле государства, что противоречило чистой рыночной экономической теории.

Это действительно была парадоксальная задача, в условиях которой, с одной стороны, государство указывало, как все должно функционировать, но, с другой стороны, оно не брало на себя ответственность за определение того, какой инвестор лучше и т. д. и т. п. В самом начале считалось, что промышленный комплекс ГДР представляет большую ценность, но как потом оказалось, это было не так, особенно после заключения валютного союза ценность всего этого промышленного комплекса резко и сильно упала.

В августе 1990 г. в Тройханданштальт приходят менеджеры во главе с Детлевом Карстенем Роведдером. Это был волевой человек, опытный менеджер сталелитейной промышленности, политик из Рурского промышленного района, из Северного Рейна-Вестфалии. И вот он уже ставит свою печать и свою подпись на документах этого попечительского учреждения. Придя в Тройханд, он сказал: «Ну, что ж, нам нельзя действовать как какому-нибудь государственному органу, поэтому здесь не должно быть никаких бюрократов-чиновников. И я не бюрократ, я менеджер, я коммерсант и я привел с собой менеджеров, которые должны будут выполнять функции временных управляющих на вверенных им предприятиях. А те из них, кто будет во главе филиалов Тройханда, войдут в совет директоров. Мы хотим создать именно такую компанию, такой вид предприятия. Мы создадим такой холдинг, который не будет обладать полномочиями государственного ведомства, но при этом он должен будет действовать смело, динамично и к делу должен будет подходить творчески. Он должен будет принимать свои решения очень смело, быстро и в очень короткие сроки».

И действительно, цель Тройханда была не в том, чтобы на долгое время оставить эти предприятия в государственной собственности для последующей их реструктуризации в относительно спокойных условиях, а в том, чтобы как можно быстрее привлечь западных

инвесторов, частных инвесторов, которые с помощью собственных денег, современных передовых технологий самостоятельно провели бы реструктуризацию и обновление этих предприятий. Изначально никто не хотел руководить и направлять процесс приватизации восточногерманских предприятий, но, как выяснилось позже, взять его под контроль было уже невозможно силами Тройханда, который на конец 1990 г. имел в общей сложности не более 1 тыс. сотрудников, в 1992 г. – около 4 тыс. сотрудников¹. Как с четырьмя тысячами сотрудников провести реструктуризацию 8500 предприятий... Это было просто невыполнимо.

Эта задача была гигантской по своему масштабу. Одни проблемы решались через директивные указания сверху-вниз, другие проблемы корректировались через сигналы снизу-вверх, но чаще всего проблемы решались внизу, на местах. Все было организовано согласно идеологии чистой приватизации, которая считалась наиболее эффективной формой реструктуризации и обновления предприятий. «Приватизация должна пройти как можно быстрее» – именно на этом настаивал и это пропагандировал Роведдер весной 1991 г. После его убийства в апреле 1991 г. эту же политику продолжила его преемница, Биргит Бройль. Она говорила: «Мы должны как можно быстрее привлечь частных инвесторов. Вообще, Тройханд не продает предприятия, Тройханд покупает инвесторов». Эти слова отражали суть стратегии ускоренной массовой приватизации, которая была в первую очередь направлена на привлечение западногерманских инвесторов, что впоследствии вызвало серьезные споры и огромное негодование и жуткое недовольство у восточных немцев. У людей естественным образом возникали вопросы: Зачем так спешить? Почему все отдается на откуп западногерманским инвесторам? В чем необходимость проведения такой быстрой приватизации? Почему государство отстранилось от всего? Не лучше ли ему принять активное участие в этих процессах, дать больше времени на адаптацию предприятий к новым рыночным условиям?... Все эти и другие вопросы не потеряли своей остроты и сегодня.

Но Тройханданштальт по своей сути выступал в роли некоего «санитара», ну или «реаниматора», восточногерманской экономики, маскируясь под вид обычного предприятия. С 3 октября 1990 г. Тройханд перешел под прямое подчинение Министерству экономики ФРГ. Однако несмотря на подчинение Министерству экономики, которое никогда не оставалось в стороне от того, как проходит приватизация, Тройханду, особенно в 1991–1992 гг., была дана максимальная самостоятельность, и он работал так, будто он и в самом деле – обычная частная компания. Главным идеологическим принципом Тройханда было как можно скорее привести частных предпринимателей и как можно быстрее передать им из своих запасов имеющиеся предприятия. Считалось, что чем дольше они простаивают и висят мертвым грузом на балансе Тройханда, тем меньше шансов у таких предприятий остаться на плаву в долгосрочной перспективе.

О. Н.: Вы сказали, что Тройханд был публично-правовой компанией и одновременно с этим эта компания управлялась менеджером, что вполне соответствует духу того времени. Существует левая критика неолиберализма, которую мы в определенной степени тоже

¹ Здесь Маркус Бьёик сотрудниками Тройханда называет тех людей, которые непосредственно занимались процессом приватизации, распродавали, модернизировали или же закрывали восточногерманские предприятия. Иными словами, 4,5 млн работников восточногерманских предприятий, формально входивших в юрисдикцию Тройханда, Маркус Бьёик не относит к сотрудникам Тройханданштальт (*прим. переводчика*).

разделяем. Левые политики и теоретики критикуют неолиберализм за слепой приоритет частной собственности и личных интересов над государственными, за нападки на государство при покровительстве ветреных и безответственных предпринимателей.

Ну, еще и за то, что для меня было, кстати, тоже крайне удивительным, что Тройханд с самого начала стал платить умопомрачительные деньги различным экономическим советникам. Сегодня политики нуждаются в разного рода советниках и платят им огромные суммы за их услуги, фактически выбрасывая деньги на ветер. Надо сказать, и в случае с Тройхандом не обошлось без скандалов, связанных с необоснованно завышенными выплатами подобным консультантам. И вот у меня возник вопрос, такие скандалы были уже тогда обычным делом, или, может быть, эти скандалы стали следствием того, что Тройханд в итоге стал ускорителем унификации двух экономических систем ради будущего развития новой объединенной Германии?

М. Б.: Я думаю, что вы использовали очень удачное слово – ускоритель. И как мы можем заметить, Тройханданштальт стал явлением не только Восточной Германии. Он стал не только средством оздоровительной трансформации восточногерманской экономики, но и причиной очень глубокого разлома, очень серьезного конфликта между Восточной и Западной Германией. И здесь дело не столько в том, что в Тройханде западные немцы занимали руководящие должности, а восточные были рядовыми сотрудниками, а в том, к каким последствиям приведет работа этого попечительского учреждения. И здесь есть за что критиковать работу этого учреждения. С этим я с вами абсолютно согласен.

Роведдер в самом начале пригласил знаменитого консультанта Роланда Бергера и сказал ему: «Помогите мне, дайте мне хотя бы пару вариантов того, как мне надо организовать этот процесс, ведь мне вообще никаких методичек не дали и никакой концепции у нас на руках нет». Согласно позиции Федерального правительства, все советы и предложения о том, как должен быть организован процесс приватизации, мы должны получать от третьих лиц и уже на ходу импровизировать. Тогда наступила эра консультантов, экономических советников, которые приходили, давали советы, вносили предложения о том, как все должно быть организовано, и все в таком духе. И такая неразбериха, конечно, ускоряла процесс приватизации. И в то же время предприниматели и экономические советники в тот период оказались в центре общественного внимания, в центре внимания СМИ, чего, я полагаю, с ними раньше не случалось, по крайней мере в 1980-е гг.

Но правительство ФРГ в Бонне оставалось в тени этих процессов и никак не запачкало свою репутацию в публичном пространстве. И да, вы попали в яблочко: Тройханданштальт полностью соответствовал духу времени, времени, когда государство воспринимается как одна большая проблема, а рынок – как тот инструмент, который может эту проблему решить. Иными словами, государство тогда ассоциировалось с бюрократией, неэффективностью, громоздкостью и чрезмерной убыточностью. Тогда как гибкие рынки связывались, так сказать, с великой надеждой на светлое будущее. И именно в это время эта парадигма, которую часто называют неолиберальной, постоянно была недосказанной. Я считаю, что само понятие неолиберализма скрывает под собой большое количество элементов, которые никак не соотносятся друг с другом и которые вообще нельзя класть в одну корзину. Но в любом случае основным идеологическим принципом того времени было: рынок – это то, где мы

хотим оказаться (в области экономики), а государство – это то, от чего мы хотим уйти. И Тройханданштальт, по крайней мере на ранней стадии своего формирования, работал в полном соответствии с этим идеологическим принципом, собственно, как и его менеджеры, которые, приехав из Западной Германии, быстро пробрались на руководящие должности в Тройханде и стали формировать это учреждение в соответствии со своими неолиберальными взглядами. Они не хотели становиться политиками и считали себя менеджерами, продавцами, бизнесменами и хотели, чтобы политики держались от них подальше.

И позднее Биргит Бройль ухватила суть этого идеологического принципа и стала мыслить исключительно рыночными категориями. По каждому предприятию она хотела знать, сколько там работает сотрудников, какие товары производятся, насколько предприятие жизнеспособно и кредитоспособно, окупятся ли вложенные средства через 5–10 лет. Теперь уже на основании этих данных аудиторы и экономические советники в довольно жесткой форме воплощали в жизнь свои неолиберальные принципы.

Но для начала нужно было все просчитать, однако не существовало никакой экономической статистики, которая соответствовала бы запросам западной рыночной системы. Поэтому сначала пришлось провести рыночный статистический анализ и составить начальный баланс всей восточногерманской экономики по рыночным правилам. Потребовалось почти три года, чтобы Тройханданштальт составил начальный баланс восточногерманской экономики.

Этот радикальный рыночный подход целиком и полностью соответствовал духу времени, времени, когда рынок считался эффективным инструментом для решения любых экономических проблем. Но многие восточные немцы, а также профсоюзы, левые, социал-демократы, представители Партии демократического социализма и Партии зеленых громко заявляли о том, что при построении рыночной экономики игнорируется специфика плановой экономики, которая была в ГДР. Если все предприятия одно за другим закрыть или сильно сократить их количество, то люди просто останутся ни с чем, у них не будет никаких перспектив на будущее, и никакого обещанного процветания и благополучия им вообще не светит. Этот конфликт между рыночной и плановой экономикой и, если так можно выразиться, между рыночным и плановым взглядами на хозяйственные процессы усугубился в 1992–1993 гг. В тот период критика рыночных преобразований на фоне громких скандалов была очень острой, конфликты тогда часто принимали форму открытого протеста.

В 1991–1992 гг. можно было наблюдать триумф рыночного неолиберального духа. Тройханд тогда был очень силен, он обладал всей полнотой власти, и, я бы даже сказал, он обладал полной свободой действий, которой его наделил Бонн, предпочтя оставаться в стороне от происходящего. Но потом стало заметно, что чем быстрее проходит приватизация, тем больше идет сопротивление этому, тем больше разочарования у людей, тем сильнее становятся позиции противников приватизации в политике, в СМИ и в принципе в обществе, а также укрепляются позиции среди некоторых экономистов-теоретиков. Все это делало Тройханд не только экономическим, но и политическим субъектом, который, я бы сказал, действовал очень радикально в период с 1992 по 1993 г. К концу 1992 г. Тройханданштальт, т. е. менее чем за два года, провел через процедуру приватизации около 80 % своих предприятий.

Это порядка 10 тыс. приватизаций, некоторые предприятия были поделены на более мелкие, чтобы их части можно было продать или приватизировать по отдельности. Тогда

работникам Тройханда казалось, что они на правильном пути, и они радовались тому, что уже избавились от 80 % своих предприятий. Такая сумасшедшая скорость позволила проводить в 1991–1992 гг. по 400–500 приватизаций в месяц. Это были чудовищные темпы приватизации, которых до этого еще никогда не было в истории рыночной экономики.

Как потом оказалось, эта скорость повлекла за собой огромные негативные последствия, нанеся глубокие социальные и культурные травмы пострадавшему от приватизации населению. С 1990 по 1994 г. все говорили про реиндустриализацию, говорили о промышленных ядрах, которые необходимо сохранить. И правительство той или иной восточной федеральной земли могло сказать, что определенные предприятия нельзя закрывать, даже если на них не найдутся инвесторы.

По изначальному замыслу, неолиберальные преобразования должны были привести к созидательному разрушению, так скажем, жестко встряхнуть восточногерманскую экономику, после чего должна была вырваться наружу новая рыночная энергия с бурно возникающими и развивающимися компаниями или с компаниями, спешно адаптирующимися к новым рыночным условиям. И менеджеры, несмотря ни на какие трудности, гнули свою линию, приближаясь, как они думали, к неолиберальной мечте. Собственно, поэтому с самого начала были востребованы кризис-менеджеры. Но вскоре все иллюзии у неолиберального руководства Тройханда рухнули, и всем стало понятно, что выбранная стратегия привела туда, откуда хотели уйти. Ведь в процесс вмешалось государство, стало появляться все больше государственных инвестиций и дотаций для крупных предприятий. И в такой ситуации Тройханд больше не мог закрывать фабрики и заводы, ссылаясь на то, что для них не нашлось инвесторов.

Комментарии

Данное интервью было взято в октябре 2020 г. у Маркуса Бьёика ютуб-блогером Оле Нимоеном на его канале “Wohlstand für alle”. Доктор Маркус Бьёик является автором исторического труда “Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990–1994” [1] (Тройханд. Идеи. Практика. Опыт. 1990–1994). Дословно die Treuhandanstalt (die Treuhand) переводится как «попечительское учреждение», «служба опеки», опеки за предприятиями, которые в свое время были включены в плановую экономику ГДР и еще не включены в рыночную экономику ФРГ. Эта организация выступала посредником между старым (ГДР) и новым собственниками (частными инвесторами). Слово «Treuhand» стало буквально именем собственным для восточных немцев, поэтому было решено оставить данное слово без перевода и взять полную кальку – Тройханд, а не дословный перевод – Опека. Дословный перевод также вносил бы существенную путаницу для русскоязычного читателя.

Изначально Тройханд задумывался восточногерманскими диссидентами как действительная опека над народной собственностью на время периода перехода плановой экономики Восточной Германии на рыночные рельсы. Предполагалось разделить всю «народную собственность» между гражданами ГДР, раздав населению Восточной Германии удостоверения о долевой собственности (аналогичные нашим ваучерам). Но после ликвидации ГДР как государственной структуры и вхождения Восточной Германии в юрисдикцию ФРГ западногерманское правительство решило использовать Тройханд в своих целях, минуя

интересы восточных немцев. В итоге процессом приватизации восточногерманской экономики управляли в подавляющем большинстве западные немцы, а восточным оставалось лишь наблюдать, как их предприятия ликвидируются или переходят в руки частных инвесторов с существенным сокращением штата сотрудников. Особый драматизм ситуации для восточных немцев заключался еще и в том, что на социалистических предприятиях лежала ответственность не только за производство продукции, но и за образование, спорт и досуг сотрудников. Поэтому при закрытии подобных предприятий рабочие оставались не только без работы, но и без учреждений социальной и культурной сферы. Однако даже после переезда в Западную Германию (в «старые федеральные земли»), где имелись свободные рабочие места, восточные немцы сталкивались с тем, что их образование и профессиональный опыт ценились значительно ниже, чем аналогичный опыт и образование выходцев со «старых федеральных земель».

Сегодня в Германии тема приватизации восточногерманских предприятий, проводившейся через Тройханд, не просто не теряет актуальности, а все больше и больше набирает остроту. Современный конфликт между восточными («осси») и западными («wessi») немцами заключается в том, что, с одной стороны, «осси» недовольны тем, что в Восточной Германии до сих пор большие проблемы с рабочими местами со времен приватизации, с другой стороны, «wessi» недовольны тем, что содержание значительной части безработных восточных немцев падает на их плечи. И эта пропасть взаимного непонимания между Востоком и Западом Германии с каждым годом все растет. Отсюда возникает потребность глубокого философского анализа данного конфликта, разрешение которого могло бы указать человечеству путь к наиболее сбалансированной модели нового прогрессивного и устойчивого общества.

Кратко о Маркусе Бьёике. Во времена крушения Берлинской стены Маркус Бьёик был еще маленьким ребенком и ходил в детский сад, во времена активной фазы приватизации уже начал посещать начальную школу. Все его старшие родственники – родители, бабушки и дедушки, дяди и тети – так или иначе пострадали от быстрой и бескомпромиссной приватизации и от связанных с ней массовых увольнений рабочих приватизируемых предприятий. После окончания школы М. Бьёик переезжает учиться в так называемые старые федеральные земли, т. е. в Западную Германию, и как лично, так и по документальным свидетельствам знакомится с позицией западных немцев в отношении приватизации восточногерманских предприятий. В связи с этим можно сказать, что М. Бьёик на момент написания книги уже был хорошо осведомлен с той позицией по приватизации, которой придерживалось как большинство восточных немцев, так и большинство западных немцев, а также западногерманские политики и экономисты. Такое знакомство с разными позициями послужило основой для представления разностороннего материала о работе Тройханда (по мнению переводчика интервью) без какого-либо значительного крена в ту или иную идеологическую сторону. Сегодня Маркус Бьёик является приглашенным исследователем в Центре Европейских Исследований и занимается изучением становления капитализма в Германии в XIX в.

Перевод с немецкого и комментарии канд. филос. наук В. А. Миронова.

Окончание интервью будет опубликовано в следующем номере журнала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Böick M. Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990–1994. Göttingen: Wallstein Verlag, 2018.

Информация об авторах.

Маркус Бьёик – стипендиат Мемориального товарищества Джона Ф. Кеннеди; приглашенный исследователь Центра Европейских исследований им. Минды де Гинцбург Гарвардского университета, Кембридж, Массачусетс, США.

Оле Нимоен – независимый журналист, Йена, Германия.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.02.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.*

REFERENCES

1. Böick, M. (2018), *Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990–1994*, Wallstein Verlag, Göttingen, DEU.

Information about the authors.

Markus Böick – John F. Kennedy Memorial Fellow; Visiting Scholar, Minda de Gunzburg Center for European Studies, Harvard University, Cambridge, MA, USA.

Ole Nymoен – Freelance Journalist, Jena, Germany.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.02.2023; published online 22.06.2023.*

Оригинальная статья
УДК 316.752.4
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-60-81>

Проблематика половой морали в сознании современной студенческой молодежи

Мария Евгеньевна Кудрявцева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
mashutka331@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9289-7454>*

Введение. В статье рассматривается проблема наличия в сознании современной студенческой молодежи определенных социальных стереотипов либерального толка, что представляется актуальным в связи с недавно принятым в Российской Федерации законом о запрете ЛГБТ-пропаганды как опасной для общества тенденции. Целью исследования было определить способность студенческой молодежи к размышлению о вопросах половой морали в социально-психологическом контексте и отследить сформированность либерального стереотипа о необходимости легитимации гомосексуальных отношений и возможности их демонстрации и продвижения.

Методология и источники. В статье использован социально-психологический подход к изучению либеральных стереотипов современной молодежи. Методология определена работами таких авторов, как И. С. Кон, Э. М. Думнова, А. В. Лубский и др. Были рассмотрены работы таких авторов, как М. Регенерус, В. Г. Лысов, Е. А. Мезенцев, А. Г. Щёлкин, Л. М. Богатова и др. Использовался также педагогический подход, с позиций которого сформулированы вопросы эмпирической части исследования, что обусловило его новизну.

Результаты и обсуждение. В эмпирической части исследования было опрошено 130 студентов петербургских вузов. Ответы на вопросы анкеты свидетельствовали о наличии в сознании некоторой части молодых людей логических сбоев, вызванных сформированным либеральным стереотипом, блокирующим возможность критического осмысления вопросов легитимации свободы полового поведения человека, в том числе его девиаций. Отмечается, что свидетельством закрепляющегося в сознании стереотипа является глухота к доводам разума, а также нелогичность его существования в контексте других суждений человека.

Заключение. Результаты исследования подтвердили наше предположение о наличии в сознании некоторой части студенчества либеральных стереотипов, в частности, стереотипа о нормальности однополых отношений и недопустимости запрета на их пропаганду, что не может не вызывать тревогу.

Ключевые слова: либеральные стереотипы, общественное мнение, свобода, пропаганда, половые девиации, критическое осмысление

Для цитирования: Кудрявцева М. Е. Проблематика половой морали в сознании современной студенческой молодежи // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 60–81. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-60-81.

© Кудрявцева М. Е., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Problems of Sexual Morality in the Consciousness of Modern Student Youth

Maria E. Kudryavtseva

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
mashutka331@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9289-7454>*

Introduction. The article deals with the problem of the presence in the minds of modern student youth of certain social stereotypes of a liberal persuasion, which seems relevant in connection with the recently adopted law in the Russian Federation banning LGBT propaganda as a trend dangerous to society. The purpose of the study is to determine the ability of student youth to think about issues of sexual morality in a socio-psychological context and to track the formation of a liberal stereotype about the need to legitimize homosexual relations and the possibility of demonstrating them.

Methodology and sources. The article uses a socio-psychological approach to the study of liberal stereotypes of modern youth. The methodology is defined by the works of such authors as I.S. Kon, E.M. Dumnova, A.V. Lubsy and others. The works of such authors as M. Regenerus, V.G. Lysov, E.A. Mezentsev, A.G. Shchelkin, L.M. Bogatova and others were considered. The author also used a pedagogical approach, from the standpoint of which the questions of the empirical part of the study were formulated, which led to its novelty.

Results and discussion. In the empirical part of the study, 130 students of St. Petersburg universities were interviewed. The answers to the questionnaire testified to the presence in the minds of some young people of logical failures caused by the already formed liberal stereotype, blocking the possibility of critical reflection on the issues of legitimizing the freedom of sexual behavior of a person, including his deviations. The article notes that the deafness to reasonable arguments, as well as the illogicality of its existence in the context of other person's judgments, is evidence of a stereotype that is fixed in the mind.

Conclusion. The results of the study confirmed our assumption that there exist liberal stereotypes in the minds of some students, in particular, the stereotype about the normality of same-sex relationships and the inadmissibility of a ban on their propaganda, which is definitely worrisome.

Keywords: liberal stereotypes, public opinion, freedom, propaganda, sexual deviations, critical reflection

For citation: Kudryavtseva, M.E. (2023), "Problems of Sexual Morality in the Consciousness of Modern Student Youth", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 60–81. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-60-81 (Russia).

Введение. В последние десятилетия в постсоветской России социальные процессы, идущие в разных сферах жизни, сопровождались ломкой самых разнообразных стереотипов – от политических и экономических до семейных и бытовых. Этому способствовала сама социально-политическая жизнь страны: падение советской системы, переход к рыночной экономике, либерализация всех общественных институтов, ведущая к расширению прав и свобод человека. В частной жизни людей все более утверждалась свобода индивидуального выбора, которая часто реализовывалась как процесс ослабления внутрисемейных связей, стремление ко все большему обособлению, решению всех личных вопросов исключительно по своему усмотрению, без оглядки на чье-либо мнение.

С нашей точки зрения, прошедшие с начала процесса всеобщей либерализации три десятилетия позволяют говорить о том, что отход и преодоление определенных социально-психологических стереотипов в большинстве случаев оборачиваются формированием зависимости от других, противоположных стереотипов, причем этому подвержены в первую очередь молодые люди. Механизм данного процесса обусловлен тем, что молодежь в силу присущего ей радикализма стремится к нарушению устоявшегося в культуре стереотипа как к самоцели, а не для реального решения жизненных проблем. Действительное освобождение от поведенческого стереотипа означало бы вариативность использования различных моделей поведения в зависимости от конкретных жизненных ситуаций, выбор же новой модели поведения только потому, что она находится в оппозиции к старой, свидетельствует о появлении, а потом и закреплении нового стереотипа.

В постсоветской России преодолевались как стереотипные такие модели личной и семейной жизни людей, как опора на родительский авторитет, совместное с родителями проживание повзрослевшего ребенка, необходимость регистрации брака, верность в браке (или хотя бы в свободном сожительстве) своему спутнику жизни. Изменилось и само отношение к совместному проживанию, которое стало восприниматься не как союз любящих людей на всю жизнь, а как временное, удобное в текущий момент жизни сожительство.

В какой-то момент в контексте всеобщей вестернизации в соответствии с мировыми тенденциями появилась и быстро набрала обороты тема однополых отношений и однополых сожительства, а потом и однополых браков. Однако, как отмечает О. А. Отраднова, речь идет не о внимании к феномену гомосексуальности, который существует с древнейших времен, речь идет о взгляде на гомосексуальность как «антропосоциокультурную проблему, основным субъектом которой является личность с ее гражданскими правами и свободами» [1, с. 26].

В европейском и американском обществе, как и следовало ожидать, очень быстро последовало (сначала в общественном мнении, а потом, в ряде стран, и в правовом отношении) признание однополых отношений как допустимых, а потом и нормальных. О том, как это происходило, красноречиво свидетельствует следующий факт. В 1992 г. Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) исключила гомосексуальность из списка психических расстройств международной классификации болезней (МКБ-10). Интересен тот факт, что это исключение из данного списка произошло совершенно необоснованно, путем голосования с перевесом всего лишь в один голос. Для принятия такого важного решения не было проведено никаких новых научных исследований, которые подтвердили бы нормальность гомосексуализма [2].

Это привело к тому, что все больше людей считает гомосексуальное поведение нормой. Более того, в ряде стран пытаются культивировать у детей гомосексуальные тенденции. Это свидетельствует о том, что гомосексуализм все больше продвигается во всем мире и навязывается детям и подросткам. В нашей стране эта тенденция проявилась в 2013 г. в связи с появлением известного проекта «Дети 404» – российский общественный интернет-проект поддержки гомосексуальных, бисексуальных и трансгендерных подростков [3]. Через несколько лет проект был заблокирован, однако данная тематика на различных интернет-площадках все еще продолжает циркулировать.

С нашей точки зрения, одним из новых, все прочнее укореняющихся стереотипов в сознании определенной (и немалой) части российской студенческой молодежи является опасный, деструктивный стереотип о нормальности однополых отношений и однополых браков. Заметим, что, в отличие от разумного суждения, сделанного на основании последовательно обоснованных тезисов, стереотип отличается эмоциональной оценочностью и зависимостью от общественного мнения, которое выступает в данной ситуации как мнение своей референтной группы. Свидетельством же закрепляющегося в сознании стереотипа является глухота к доводам разума (в том числе к результатам научных исследований), а также нелогичность его существования в контексте других суждений человека.

Целью нашего исследования было определить способность студенческой молодежи к размышлению о вопросах половой морали в социально-психологическом контексте и отследить сформированность либерального стереотипа о необходимости легитимации гомосексуальных отношений и возможности их демонстрации.

Новизной нашего исследования было то, что оно имплицитно носило педагогический характер – сам характер поставленных перед респондентами вопросов должен был актуализировать в сознании анкетированных соответствующую проблематику и возможность включения вопроса о сексуальных девиациях в ее контекст.

Методология и источники. Мы предположили, что наиболее продуктивной в данной статье будет связанная с работами И. С. Кона социальная концепция формирования молодежного сознания, границы содержания которой очерчены на базе социологического и психологического подходов к молодежи [4]. Отметим также, что в соответствии с этой концепцией нам ближе понимание молодежи как поколения, проходящего «через определенный этап жизненного цикла человека, стадию развития, связанную с наиболее активным периодом социализации личности, а приобретенные в ходе этого опыт и знания – как результат происходящих в обществе социально-исторических и социокультурных процессов» [5, с. 217].

В русле данной концепции, как представляется, можно найти объяснение некоторым актуальным для нашего исследования феноменам молодежного сознания. Так, И. С. Кон отмечал разноуровневость его развития, являющуюся особенностью и причиной противоречий юношеского периода [6, с. 92], Э. М. Думнова отмечает мозаичность молодежной ментальности как следствие его демократизации в конце XX – начале XXI вв. [7, с. 82]. А. В. Лубский, Н. А. Вялых и А. А. Зайцева пишут о зависимости ментальных программ молодых людей от социальной ситуации, интерпретация которых может носить как осознанный, так и неосознанный характер [8, с. 110]. С позиций указанной социальной концепции также находит объяснение и отмечаемый Э. М. Думновой феномен смены социальных стереотипов: «Социальные стереотипы, формируемые в среде молодежи, постепенно вытесняют общепринятые и занимают их ниши со сменой поколений» [7]. Оговоримся, что в понимании феномена стереотипа мы следуем за У. Липпманом, считавшим, в частности, что ограниченная компетентность в некоей ограниченной области «приводит к гипертрофии привычки втискивать в узкие рамки стереотипа то, что в него может быть втиснуто, и отбрасывать то, что в него не помещается» [9, с. 136].

Обращает на себя внимание также предложенный коллективом авторов метод парадигмального анализа ценностных ориентаций молодежи, в качестве основных объектов

которого выделяются «природа, другой человек и труд» [10, с. 122]. В контексте нашего исследования, в частности в ряде формулировок вопросов анкеты, данные объекты преломляются как «природа человека», «внутренний труд личности», «права другой личности и контроль за их соблюдением со стороны общественного мнения».

Концептуальная модель представлений студенческой молодежи относительно вопросов половой морали может быть представлена следующим образом. Противоречивое и мозаичное молодежное сознание, чутко реагирующее на современные социокультурные процессы, сочетающее в своем составе как рефлексивные, так и нерефлексивные компоненты, отвергая прежние, продуцирует новые социальные стереотипы, в частности стереотипы новой половой морали, объясняющиеся в том числе ограниченной компетентностью в данной сфере. Будучи способным отрефлексировать некоторые вопросы психофизиологической природы человека и необходимости его внутриличностного труда по преодолению социально неприемлемых инстинктов, молодежное сознание оказывается неспособным к рефлексии в проблемном поле нормативности социального бытия, в решении вопросов которого рефлексия часто уступает место эмоции.

Таким образом, в данной статье использован социально-психологический подход к изучению либеральных стереотипов современной молодежи. Кроме того, учитывая имплицитно заложенную в эмпирическое исследование педагогическую задачу, отметим педагогический подход, с позиций которого мы формулировали вопросы эмпирической части нашего исследования. Предложенные вопросы могут показаться избыточными, однако мы считаем их необходимыми для стимулирования размышления студентов на серьезные темы, учитывая избыточную, с нашей точки зрения, эмоциональную окрашенность их реакций на ЛГБТ-тематику.

Широко распространяющиеся в данное время идеи толерантности декларируются как призыв к терпимому отношению к людям, традиционно вызывавшим в силу некоторых своих особенностей если не осуждение, то во всяком случае настороженное отношение. Наиболее действенным механизмом формирования такого отношения выступает воздействие на эмоции, реализующееся, например, в утверждениях, что «все мы разные», что «мы не вправе человека осуждать за то, что он не похож на нас», что «каждый человек имеет право на личное счастье» и т. п. Трудно не согласиться с данными утверждениями, более того, нетерпимость, агрессия по отношению к человеческой непохожести на других, вне всяких сомнений, подлежит общественному порицанию. Отметим, однако, что благородный пафос защиты всех «униженных и оскорбленных» эмоционально комфортен для человека и в силу этого зачастую блокирует возможность трезвой оценки реальности.

В реальности же налицо факт смешения понятий «терпимость» и «толерантность». Е. А. Мезенцева отмечает: «Терпимость понимается как допустимость своего параллельного существования чужого, другого, иного, чем у нас, но в соответствии с нашей системой нравственных ценностей допустимого, без принятия этого нормой для себя, без приближения к себе и *пропускания* через себя. Терпимость не предполагает активного участия в утверждении чуждого. Толерантность подразумевает *принятие* иного как своего, снятие границы между *свое-чужое*, допустимость не только существования иного, но и активное соучастие в жизни иного и, достаточно часто, отказ от своего в пользу иного» [11, с. 11].

Особый драматизм этой путанице, как представляется, придает вопрос о том, насколько далеко мы готовы пойти в своем активном принятии иного как своего, не ожидает ли нас в дальнейшие десятилетия распространение толерантного отношения к педо-, зоо-, некро- и прочим сексуальным девиациям?

Формирование разумного суждения по поводу принятия обществом и легитимации нетрадиционных сексуальных отношений, с нашей точки зрения, невозможно без изучения широкого круга вопросов философской, социально-психологической, психофизиологической и даже нейрофизиологической тематики.

Совершенно очевидно, что тенденция продвижения однополых отношений и утверждение их как нормальных обусловлена уже не столько признанием и утверждением за человеком права на личный выбор в сфере личных отношений, сколько чисто идеологическими причинами (вполне вероятно, что это очередная, не менее эффективная, чем насаждение радикального феминизма, попытка снизить деторождение). Свойством идеологии является ее способность влиять на все сферы жизни, включая сферу научных исследований, которые могут одобряться или не одобряться научным сообществом по критериям соответствия или несоответствия идеологическому тренду. Об этом говорит, в частности, судьба исследования, проведенного еще в 2010 г. известным американским исследователем Марком Регенерусом. В его исследовании принимали участие 3 тыс. взрослых респондентов, выросших в однополых семьях. Регенерус оценивал уже взрослую жизнь своих респондентов по таким критериям: 1) высокий уровень венерического инфицирования; 2) неспособность хранить семейную верность; 3) психологические проблемы; 4) расстройство сексуальной самоидентификации; 5) суицидальные попытки; 6) социально-экономическая беспомощность. Результаты оказались впечатляющими [12]. По результатам данного исследования в целом можно было сказать, что человек, воспитывавшийся в однополых семье, оказывается в социально-психологическом плане гораздо более уязвимым, чем люди, выросшие в обычных семьях. Убедительность и обоснованность данного исследования, однако, была проигнорирована научным сообществом, находящимся под очевидным давлением, а сам Регенерус был назван гомофобом и подвергся травле. Следует отметить, что травматизацию сознания детей в однополых семьях в зарубежной науке зафиксировали также Р. Лопез и Р. Эдельман в книге «Иеффаевы дочери: невинные жертвы войны за семейное “равенство”» [13].

В отечественной научной литературе проблема однополых отношений наиболее полно, во множестве своих аспектов представлена в информационно-аналитическом докладе В. Г. Лысова «Риторика гомосексуального движения в свете научных фактов» объемом в 750 страниц. Как заявлено автором, мотивом к созданию этого текста стала необходимость срочных просветительских действий в условиях доминирования либеральной идеологии, оказывающей влияние на науку и интерпретацию научного знания в обществе [14]. Доклад, опубликованный в 2019 г., сосредоточен на научном анализе обоснованности аргументов, используемых ЛГБТ-активистами для пропаганды своих ценностей.

Автор статьи, посвященной либерализации половой морали, Д. А. Тихомиров в процессе широкого обзора социальных, правовых и политических аспектов указанного явления отмечает, что «выдвижение на передний план сюжетов, связанных с гомосексуальными

связями, принимает черты пропаганды этого социального явления» [15, с. 99]. Опираясь на американские социологические исследования, он приходит к выводу о том, что «гомосексуализм в общественном мнении переходит из разряда девиации и маргинального типа поведения, присущего незначительному числу индивидов, в норму, поскольку приобретает столь массовый характер в оценках респондентов» [Там же]. В данной статье приводятся также данные о взглядах в российском обществе на данную проблему. По результатам опроса «Левада-Центра», в 2013 г. 67 % респондентов поддержали закон о запрете пропаганды гомосексуализма, тогда как иной позиции придерживались только 14 %. По данным опроса ВЦИОМ, в 2013 г. введение запрета на пропаганду гомосексуализма в России поддерживали 88 % респондентов. Следует отметить, однако, что за прошедшие с момента этих опросов 9 лет результаты ощутимо изменились в пользу более лояльного отношения к ЛГБТ-сообществу, кроме того, следует учитывать известный радикализм, присущий молодым группам населения, всегда ориентированным на более либеральные ценности. Так, «Левада-Центр» в 2019 г. отметил рост толерантности к гомосексуалам и почти равное распределение ответов на вопрос о предоставлении равных прав. Эти данные демонстрируют самые высокие показатели поддержки равных прав с 2005 г., что отмечается в обзоре исследований репрезентации ЛГБТ+ сообщества в российских медиа, сделанном в 2020 г. [16]. И такие темпы роста лояльности к половым девиациям можно рассматривать как тревожные сигналы.

Размышляя о философских и психологических аспектах данного вопроса, необходимо отметить статью Л. М. Богатовой «Гендерные страсти у Notre-Dame de Paris: опыт социально-философского обобщения», в которой автор, ссылаясь на представителей клинической психиатрии, отмечает динамику психических расстройств и рост депрессивных состояний на сексуальной почве, опережающую по темпам роста сердечно-сосудистые и онкологические заболевания. По мнению автора, продолжающаяся в мире сексуальная революция «провоцирует и в определенном отношении нарочито насаждает нетрадиционную сексуальность, что приводит к ситуации, когда извращения тела непоправимо калечат душу» [17, с. 35]. Продолжая эту мысль, отметим, что извращения тела так или иначе оказываются связанными с глубинным влечением к нарушению табу, что представляется психологической подоплекой принятия в общественном мнении указанных процессов сексуального раскрепощения. Именно на это и делают ставку идеологи либерализма в своей ЛГБТ-пропаганде. «Инстинкт морально-общественного самосохранения силен, но не настолько, чтобы предохранить общество от этой опасности без помощи государственных законов, юридических норм и общепринятых приличий. Здоровый инстинкт силен, но когда с инстинкта сексуальной свободы срывается внешняя узда, этот второй инстинкт часто оказывается сильнее» [18].

Если говорить о биологических и физиологических аргументах, чаще всего принимающих вид широко распространенного обывательского мнения о непреодолимости врожденной гомосексуальности, то имеет смысл привести мнение доктора медицинских наук Г. С. Кочаряна: «Современные исследования свидетельствуют о том, что в ряде случаев можно говорить лишь о мягком предрасполагающем влиянии пренатальных биологических факторов, в то время как главную роль в возникновении гомосексуальности играют психологические и социальные факторы» [19].

Рассматривая проблему в социально-политическом плане, можно привести мнение авторов большой обзорной статьи, посвященной факторам патоморфоза расстройств половой идентификации и половых предпочтений, которые считают, что «навязывание обществу государственным аппаратом глобального изменения отношения к ряду видов отклоняющегося сексуального поведения в различных странах, в различных слоях общества <...> порождает раскол в общественном сознании и перерастает в массовые акции протеста» [20, с. 80]. В плане социально-правовых аспектов проблемы хотелось бы привести мнение А. Г. Щёлкина относительно ЛГБТ-браков и возможности воспитания детей в однополых семьях: «Старейший институт в человеческой истории (брак. – М. К.) не дает, как многие думают, право завести детей, а служит для обеспечения их длительного и стабильного развития». Легализация же однополых браков этому препятствует, поскольку «создает и воспроизводит массу вспыхивающих и дрейфующих по корпусу современной цивилизации точек разрыва “фамильной” диахронии социума» [21, с. 158]. В целом трудно не согласиться с выраженным в более ранней статье мнением А. Г. Щёлкина относительно социальных прав секс-меньшинств о том, что «фактически сегодня мы имеем чисто механическое и аддитивное наращивание “прав” тех или иных социальных групп, в результате чего под угрозой оказывается сам этот базисный концепт “прав человека”. Все желают привилегий по частным основаниям, в то время как речь должна идти о защите универсальных *humana conditio*» [22, с. 137]. Все это не может не вызывать тревогу как с точки зрения угрозы базовым ценностям, лежащим в основе существования человеческого общества, так и с точки зрения роста противостояния между общественными группами, вызванного неправомерными, с точки зрения либерально настроенной молодежи, принятыми властью запретительными законами.

В 2015 г. было проведено небольшое пилотажное социологическое исследование В. Г. Бажан, В. Ю. Севастьяновой и Л. В. Тимашевой, посвященное отношению студенческой молодежи к различным аспектам однополых браков и возможности их легализации на территории Российской Федерации, которое показало, что 100 % мужчин и 60 % женщин считают, что не нужно разрешать однополые браки в России. 40 % женщин думают, что нужно разрешить однополые браки в России [23]. Судя по тексту статьи, указанное исследование преследовало цель получить чисто количественные результаты.

Отметим также исследование Т. М. Петиневой и В. В. Гридиной 2018 г., посвященное дискурсивным практикам отношения к сексуальным меньшинствам в молодежной среде. Характерно, что при общем выводе о том, что общее отношение молодежи к людям с нетрадиционной ориентацией остается в России прежним, недостаточно толерантным, они отмечают, что «половина респондентов признает право представителей ЛГБТ-сообщества на открытое проявление своей истинной сексуальной ориентации» [24, с. 69].

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть обоснованность нашего тревожного взгляда на положение дел в данном вопросе, нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого было отследить и обосновать наличие стереотипа по интересующему нас вопросу.

Наше исследование не преследовало цель бесспорного доказательства выдвинутой нами гипотезы и носило, скорее, зондажный характер, поэтому статистическое подтвер-

ждение достоверности к нему неприменимо. Однако это не отрицает его достоверности. Предложенные нами вопросы были достаточно объемными и приглашали к размышлению, многие из них носили полузакрытый характер, т. е. предполагался в числе прочих и свободный ответ, чем и воспользовался целый ряд респондентов. Тот факт, что большое количество респондентов в ряде случаев выбрало вариант «затрудняюсь ответить», учитывая сложность предмета исследования, свидетельствует не о некорректности поставленных вопросов, а об определенной инфантильности большой части молодежи, не привыкшей задумываться о серьезных вопросах, что было вполне ожидаемым. Не являются также свидетельством недостоверности и логические нарушения в ответах респондентов, которые мы рассматривали как один из результатов, свидетельствующих о закреплении стереотипов, отслеживание которых было нашей задачей.

Результаты и обсуждение. Исследовалось мнение 130 студентов бакалавриата Санкт-Петербургских вузов, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью». В опросе принимали участие совершеннолетние (18+) респонденты, поэтому мы сочли допустимым в правовом и этическом аспектах ставить перед ними вопросы о половых девиациях, тем более что нашей педагогической задачей было навести их на серьезные философские и социально-психологические размышления, обеспечивающие необходимый контекст для формирования обоснованного мнения по указанным вопросам.

Предложенные возможные ответы в группе вопросов, посвященных общественным нормам и правилам, содержали в себе как «гражданские», так и «индивидуалистические» варианты, ответы же в группе вопросов, посвященных половому поведению человека, содержали как «консервативные», так и «либеральные» варианты.

Представим и прокомментируем далее результаты проведенного исследования.

Первая группа вопросов предполагала актуализацию в сознании молодого человека идеи ценности общественных интересов, важности развития общества, наличия определенных факторов, способствующих или препятствующих этому (рис. 1–8). Результаты ответов на эти вопросы оказались следующими:

Рис. 1. Может ли человек думать только о своем сегодняшнем существовании в узком кругу своих близких и друзей или он должен приподниматься до размышления о человеческом обществе в более широком контексте?

Fig. 1. Can a person think only about his current existence in a narrow circle of his loved ones and friends, or should it rise to reflect on human society in a larger context?

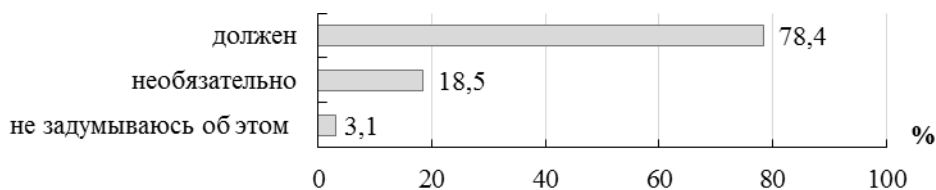

Рис. 2. Должен ли человек думать о будущих поколениях?

Fig. 2. Should a person think about future generations?

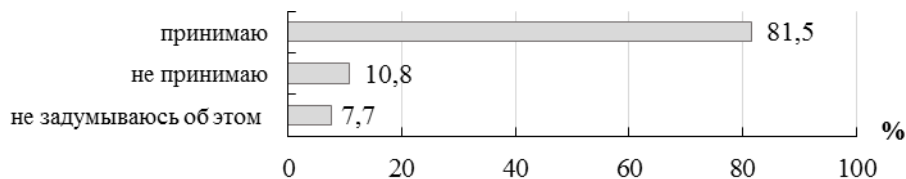

Рис. 3. Принимаете ли вы идею, что человеческое общество может развиваться, а с другой стороны, может деградировать?

Fig. 3. Do you accept the idea that human society can develop, and on the other hand, can degrade?

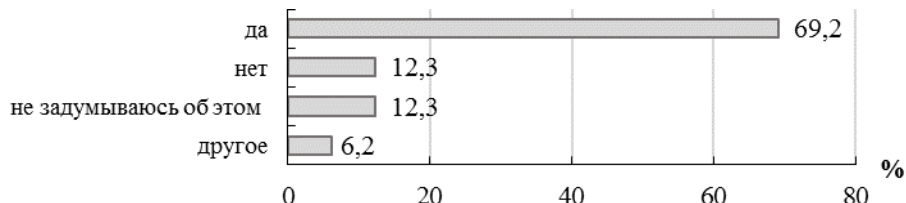

Рис. 4. Согласны ли вы с мыслью о том, что критерием правильности человеческого поведения является улучшение жизни не только отдельного человека, но и общества в целом?

Fig. 4. Do you agree with the idea that the criterion for the correctness of human behavior is the improvement of the life of not only an individual, but society as a whole?

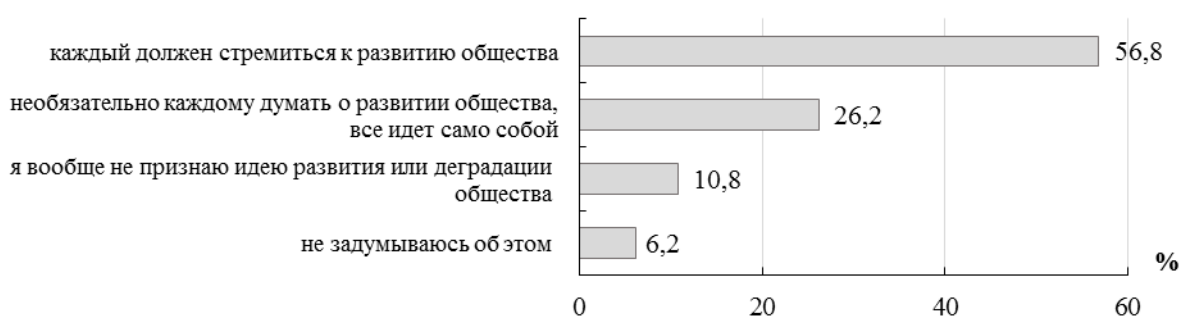

Рис. 5. Нужно ли стремиться к развитию общества и препятствовать его деградации?

Fig. 5. Is it necessary to strive for the development of society and prevent its degradation?

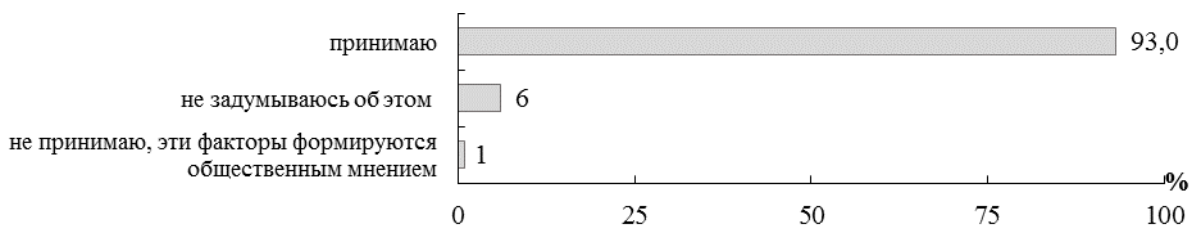

Рис. 6. Принимаете ли вы идею, что факторы развития и факторы деградации человека и общества и отдельного человека могут и должны изучаться в социальных науках?

Fig. 6. Do you accept the idea that the factors of human development and degradation and society and the individual can and should be studied in the social sciences?

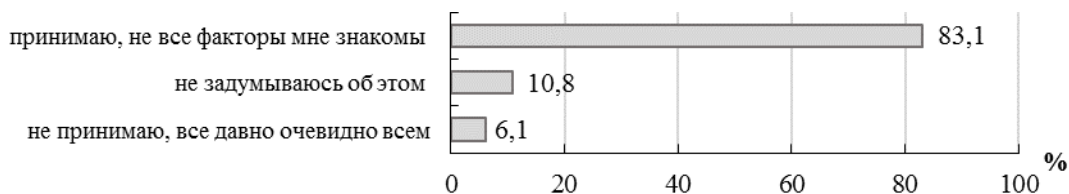

Рис. 7. Принимаете ли вы мысль о том, что не все из этих факторов вам знакомы?

Fig. 7. Do you accept the idea that not all of these factors are familiar to you?

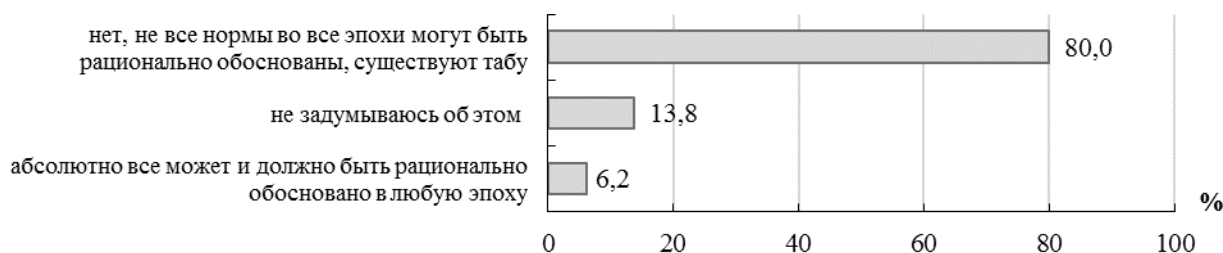

Рис. 8. Все ли нормы и правила во все эпохи могут быть на данном уровне развития науки рационально обоснованы? Существуют ли табу?

Fig. 8. Can all norms and rules in all eras be rationally substantiated at a given level of development of science? Are there taboos?

Распределение ответов на вопросы такого рода показывает, что большинство считает правильным занимать гражданскую позицию и готово думать о необходимости развития не только отдельного человека, но и общества в целом. Представляется тревожным, хотя и закономерным, учитывая длительный период активного распространения в обществе индивидуалистических ценностей, относительно большой процент респондентов, считающих, что забота о будущих поколениях необязательна, и еще больший процент респондентов, считающих, что общество развивается само по себе, без участия в этом процессе его членов. Заметим, что последнее ставит под сомнение объективность ответов на первый вопрос, хотя возможно, что понятие «думать об обществе в целом» не всегда связывается в сознании молодого человека с собственным активным участием в жизни общества. Вопрос же о критериях правильности человеческого поведения закономерно не нашел отклика более чем у 12 % респондентов, не имеющих желания в силу возраста задаваться серьезными социальными вопросами.

Абсолютное большинство респондентов считает, что факторы развития или деградации человека и общества могут и должны изучаться в общественных науках (98 %), хотя ощутимо меньшее количество респондентов считает, что не все из этих факторов им знакомы (83,1 %), и еще меньшее количество респондентов (80 %) считает, что не все из них могут быть рационально обоснованы, что существуют определенные табу (это снижение вполне ожидаемо и связано с продолжающейся тенденцией рационализации во всех сферах общественной жизни).

Следующая группа вопросов предполагала размышление над природой человека, необходимостью как внешнего, так и внутреннего труда личности для контроля над собственным поведением как члена общества, а также размышления над необходимостью контроля за поведением человека со стороны общества (рис. 9–14). Ответы на эти вопросы распределились следующим образом:

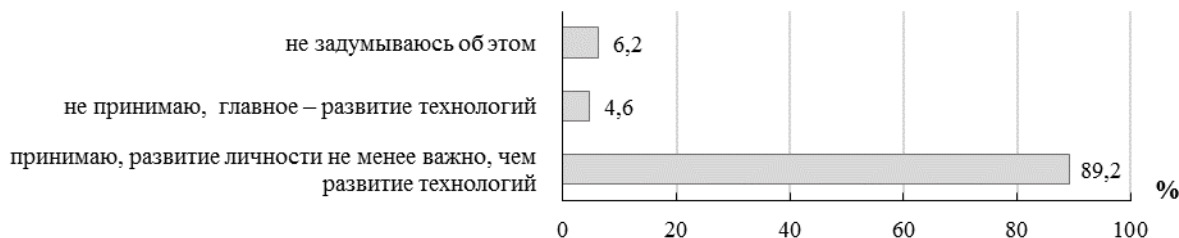

Рис. 9. Принимаете ли вы мысль, что развитие человеческого общества определяется не столько развитием его технологий, сколько развитием личности самого человека?

Fig. 9. Do you accept the idea that the development of human society is determined not only by the development of its technologies, but by the development of the personality of the person himself?

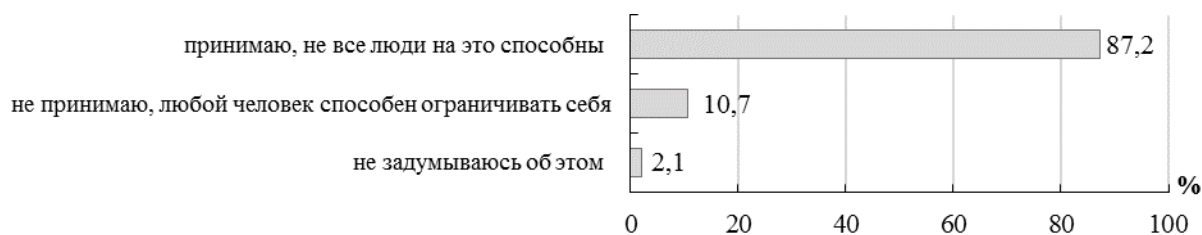

Рис. 10. Принимаете ли вы мысль о том, что не всегда и не все ли люди способны контролировать свое поведение с помощью только своих внутриличностных ограничений?

Fig. 10. Do you accept the idea that not always and not all people are able to control their behavior with the help of only their intrapersonal limitations?

Рис. 11. Принимаете ли вы мысль о том, что абсолютной и полной свободы поведения человека в обществе быть не должно?

Fig. 11. Do you accept the idea that there should not be absolute and complete freedom of human behavior in society?

Рис. 12. Принимаете ли вы мысль о том, что развитие общества невозможно без наличия норм и соблюдения определенных правил существования?

Fig. 12. Do you accept the idea that the development of society is impossible without the existence of norms and compliance with certain rules of existence?

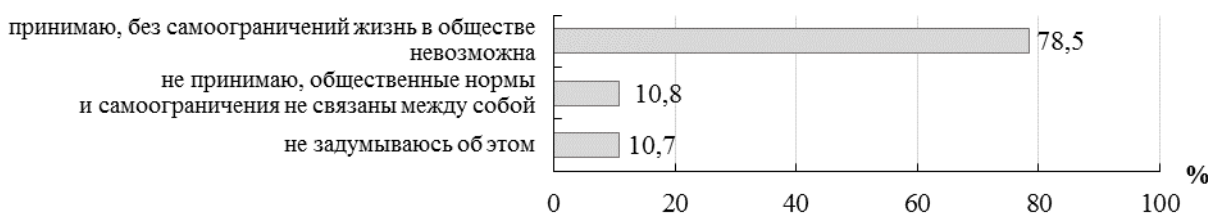

Рис. 13. Признаете ли вы мысль о том, что нормы и правила требуют от человека самоограничения?

Fig. 13. Do you accept the idea that norms and rules require a person to self-restraint?

Рис. 14. Должны ли быть в обществе, кроме правовых, другие механизмы контроля человеческого поведения? Должен ли быть институт общественного мнения?

Fig. 14. Should there be in society other than legal mechanisms for controlling human behavior? Should there be an institution of public opinion?

Ответы респондентов на вопросы этой группы распределились вполне ожидаемым образом и свидетельствовали о том, что большинство молодых людей признает необходимость развития личности, в том числе внутриличностных ограничений как важного фактора общественного развития, признает также необходимость наличия внешних норм и правил, ограничивающих поведение отдельной личности в силу ограниченности ее возможностей контролировать самое себя. Примечательно, что процент респондентов, признавших необходимость внешних норм и правил, существенно выше (87,7 %), чем процент признающих необходимость ограничения свободы поведения человека в обществе (70,8 %). Вероятно, это обусловлено своеобразной сакрализацией понятия свободы, что в сознании молодого человека вполне может уживаться с трезвым осознанием необходимости внешних норм и правил. Можно предположить, что такого рода сакрализация свидетельствует о закреплении в сознании определенного стереотипа о свободе как вседозволенности и любых покушениях на нее как преступлении.

Неожиданным оказалось, что всего 47,7 % респондентов признают необходимость наличия института общественного мнения (напомним, что опрос проходил среди студентов направления «реклама и связи с общественностью»). Мы предположили, что это обусловлено отчасти тем, что изучалось мнение в основном студентов младших курсов, отчасти – ошибочным выбором будущей профессии, непониманием ее сущности. Однако в целом ответы респондентов на вопросы этой группы показывают достаточно адекватное представление современной студенческой молодежи о поведении человека в обществе.

Следующая группа вопросов (рис. 15–32) предполагала размышление над правомерностью использования механизмов общественного мнения в решении вопроса сексуальных девиаций и признания/непризнания их нормативными, размышление о роли медиа в данном вопросе, а также над вопросами брачно-семейных отношений вообще. Результаты оказались следующими:

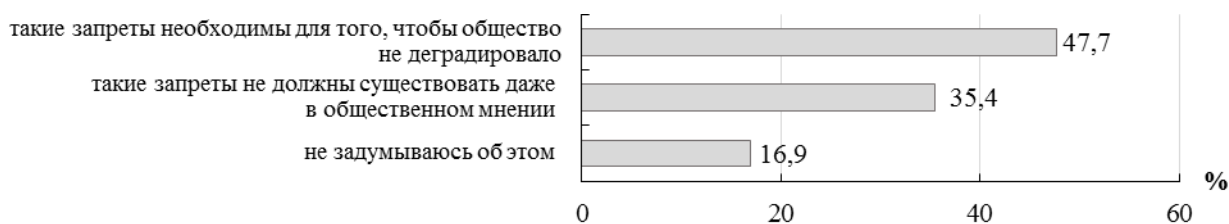

Рис. 15. Как вы считаете, должны ли существовать запреты (не законодательные, а негласные, общественные) на половое поведение человека?

Fig. 15. Do you think there should be prohibitions (not legislative, but unspoken, public) on a person's sexual behavior?

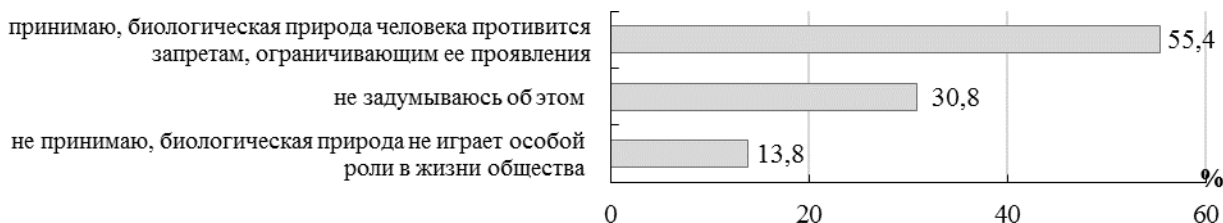

Рис. 16. Принимаете ли вы мысль о том, что снятие запретов на некоторые формы полового поведения для человека особенно привлекательно из-за его биологической природы?

Fig. 16. Do you accept the idea that the removal of prohibitions on certain forms of sexual behavior is especially attractive for a person because of his biological nature?

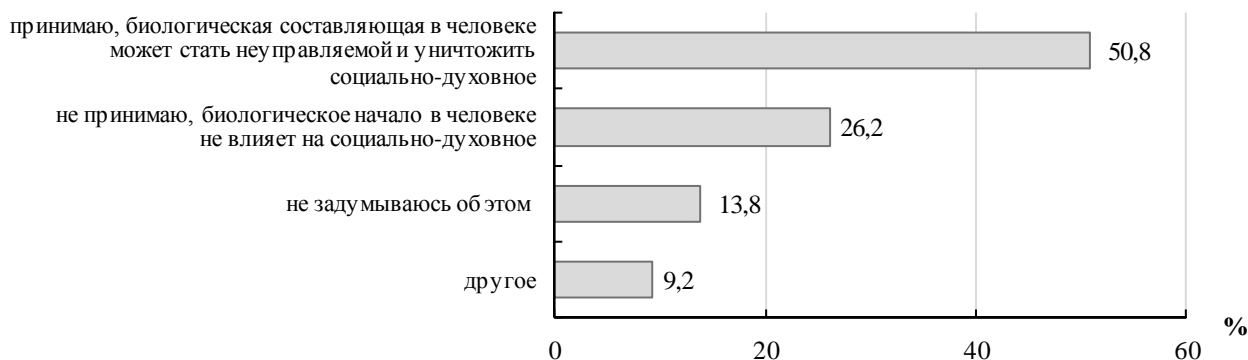

Рис. 17. Принимаете ли вы мысль о том, что увеличение биологической составляющей в человеческом поведении происходит в ущерб его социально-духовной составляющей?

Fig. 17. Do you accept the idea that the increase in the biological component in human behavior comes at the expense of its socio-spiritual component?

В свободных вариантах ответа на 17-й вопрос содержались сомнения относительно правомерности формулировки вопроса.

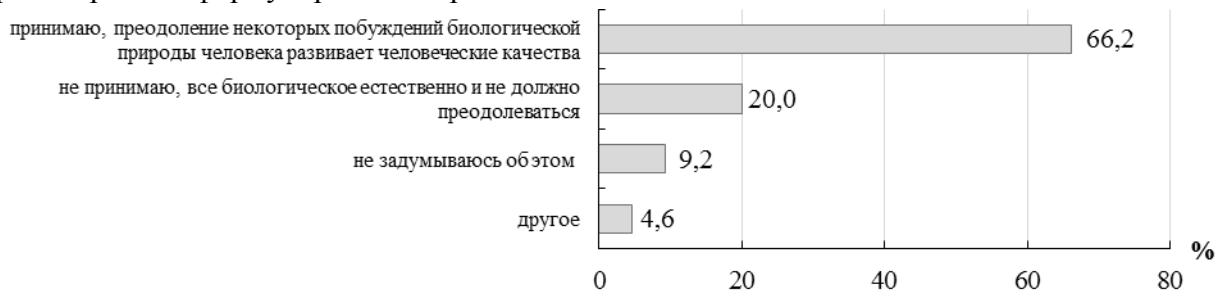

Рис. 18. Принимаете ли вы мысль, что развитие в человеке чисто человеческих моральных и интеллектуальных качеств связано с преодолением побуждений его биологической природы?

Fig. 18. Do you accept the idea that the development of purely human moral and intellectual qualities in a person is connected with overcoming the impulses of his biological nature?

В свободных вариантах ответа на 18-й вопрос содержались сомнения относительно правомерности формулировки вопроса.

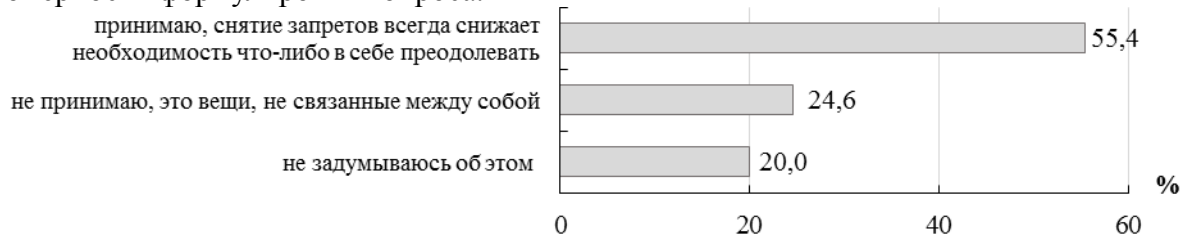

Рис. 19. Принимаете ли вы мысль о том, что снятие запретов на некоторые формы сексуального поведения освобождают человека от необходимости внутренних запретов на них?

Fig. 19. Do you accept the idea that the removal of prohibitions on certain forms of sexual behavior frees a person from the need for internal prohibitions on them?

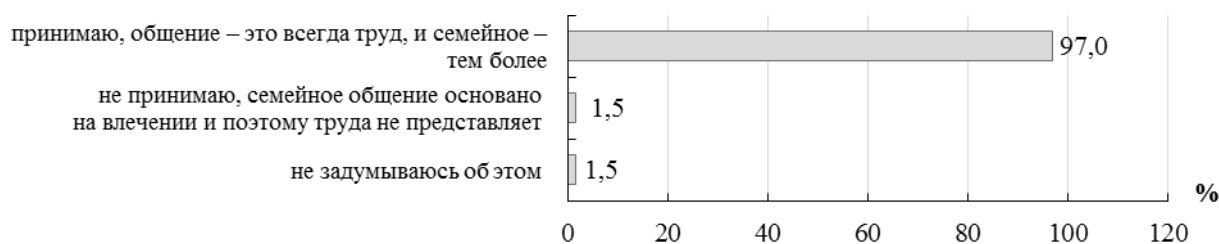

Рис. 20. Принимаете ли вы мысль о том, что общение, выстраивание отношений, в том числе семейных, также представляет собой труд?

Fig. 20. Do you accept the idea that communication, building relationships, including family ones, is also work?

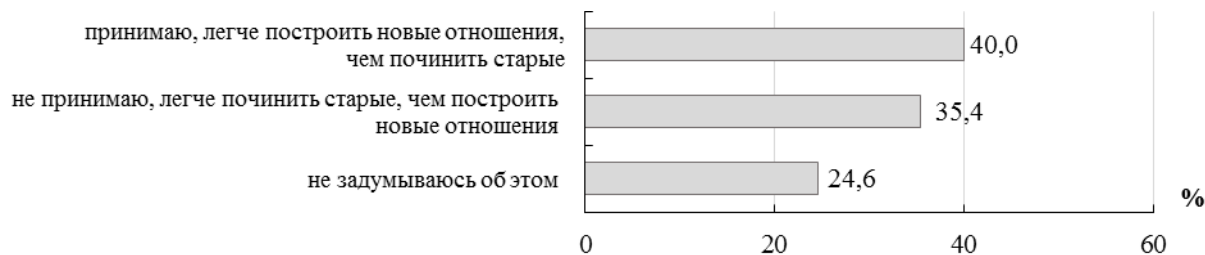

Рис. 21. Принимаете ли вы мысль о том, что построить новые семейные отношения проще, чем решать проблемы уже имеющихся отношений?

Fig. 21. Do you accept the idea that it is easier to build a new family relationship than to solve the problems of existing relationships?

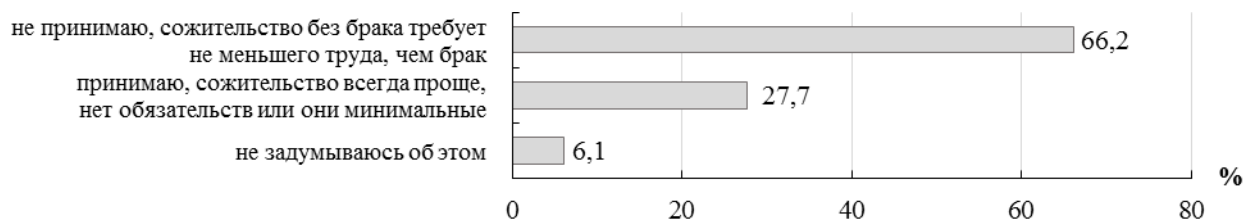

Рис. 22. Принимаете ли вы мысль о том, что сожительство без брака проще, чем построение семейных отношений?

Fig. 22. Do you accept the idea that cohabitation without marriage is easier, than building a family relationship?

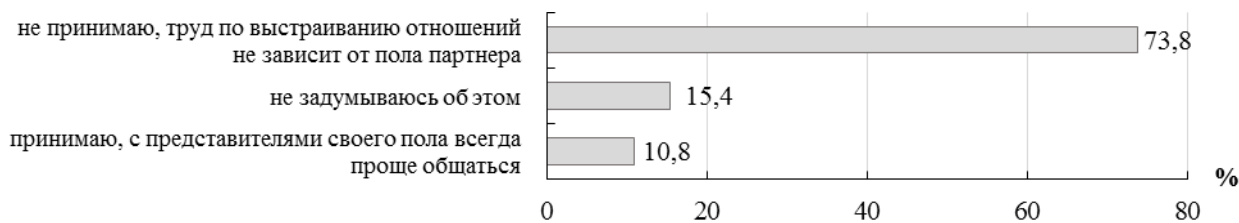

Рис. 23. Принимаете ли вы мысль о том, что коммуникация в однополых парах требует меньшего труда для выстраивания отношений?

Fig. 23. Do you accept the idea that communication in same-sex couples requires less work to build relationships?

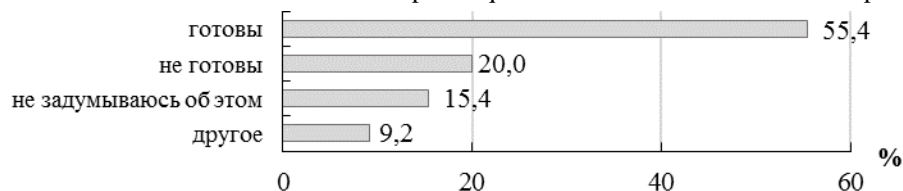

Рис. 24. Готовы ли вы принять дальнейший пересмотр моральных норм сексуальной свободы?

Fig. 24. Are you ready to accept further revision of the moral standards of sexual freedom?

В свободных ответах на 24-й вопрос респонденты так или иначе ставили свое отношение к возможному пересмотру моральных норм сексуальной свободы в зависимости от того, в каком направлении он пойдет.

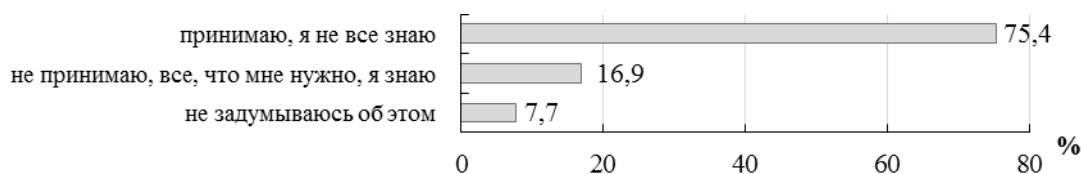

Рис. 25. Принимаете ли вы мысль о том, что вам не все известно о психофизиологической природе влечения к представителям своего пола (и других вариантов полового влечения)?

Fig. 25. Do you accept the idea that you do not know everything about the psychophysiological nature of attraction to members of the same sex (and other variants of sexual attraction)?

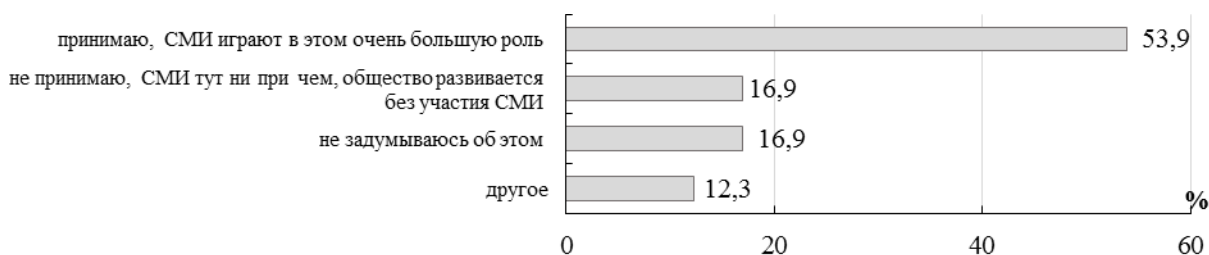

Рис. 26. Принимаете ли вы мысль о том, что большую роль в распространении идеи половой свободы играют СМИ?

Fig. 26. Do you accept the idea that the media play a big role in spreading the idea of sexual freedom?

В свободных ответах на вопрос 26 респонденты так или иначе высказывали мысль о том, что СМИ не столько продвигают идею половой свободы, сколько освещают то, что всегда было и есть, но ранее не освещалось по цензурным соображениям.

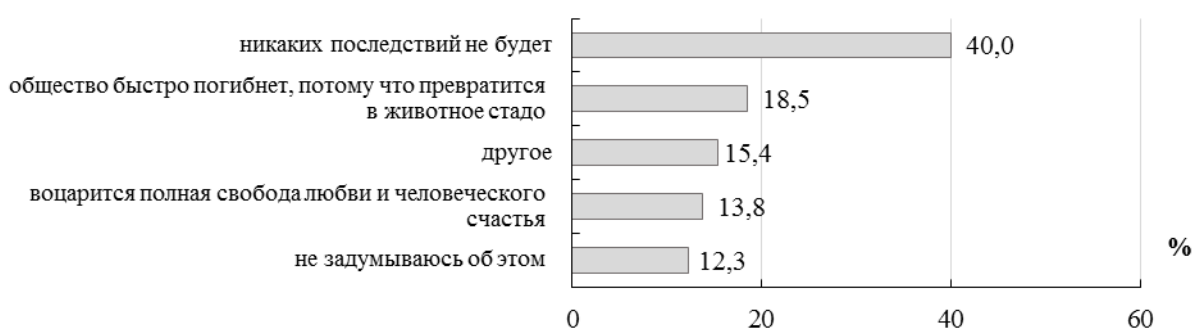

Рис. 27. Как вы думаете, какими могут быть отдаленные последствия снятия норм и правил сексуального поведения для общества?

Fig. 27. What do you think, what could be the long-term consequences of the removal of the norms and rules of sexual behavior for society?

Из свободных ответов следует то, что в качестве последствий респонденты ожидают, в частности, следующее: повсеместное признание легитимности однополых браков, транс-сексуальность, смена пола, возможность заключения брака не только двумя людьми, но и большим числом людей. От оценочных суждений эти респонденты воздерживаются.

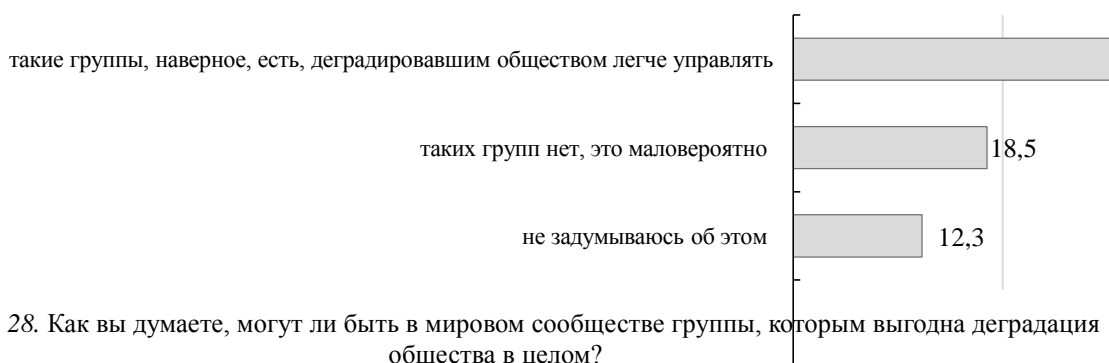

Рис. 28. Как вы думаете, могут ли быть в мировом сообществе группы, которым выгодна деградация общества в целом?

Fig. 28. What do you think, can there be groups in the world community that benefit from the degradation of society as a whole?

В свободных ответах респондентов на 28-й вопрос звучит мысль о том, что сама возможность бесконтрольного употребления населением алкоголя и сигарет «в бешеном количестве» свидетельствует о том, что большинству государств выгодна деградация общества.

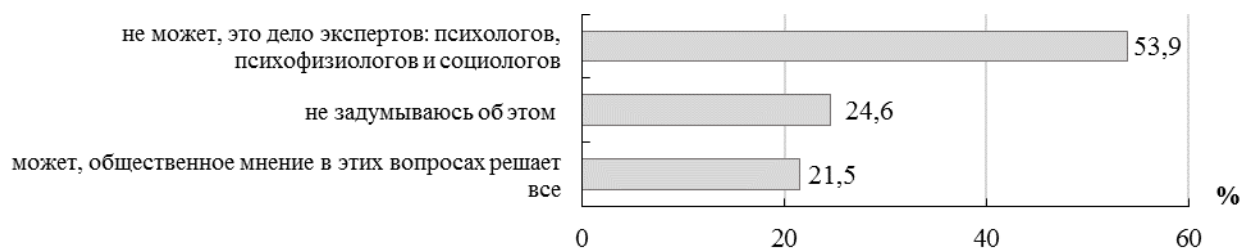

Рис. 29. Как вы думаете, может ли вопрос о половых отклонениях и их приемлемости для общества решаться путем голосования?

Fig. 29. Do you think that the question of sexual deviations and their acceptability for society can be decided by voting?

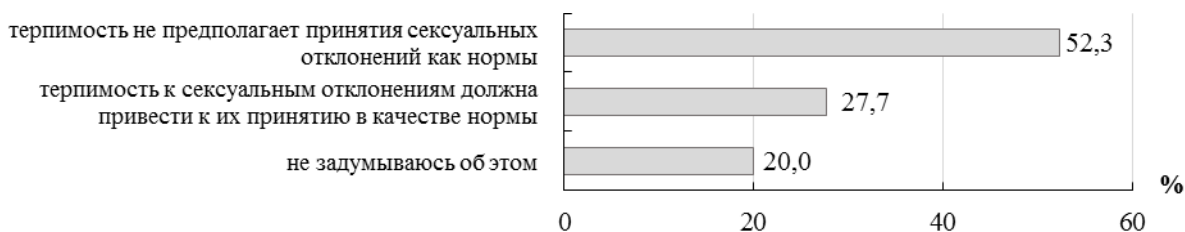

Рис. 30. Принимаете ли вы мысль о том, что терпимость по отношению к сексуальным отклонениям не означает обязательное принятие их в качестве нормы?

Fig. 30. Do you accept the idea that tolerance for sexual deviance does not necessarily mean accepting it as the norm?

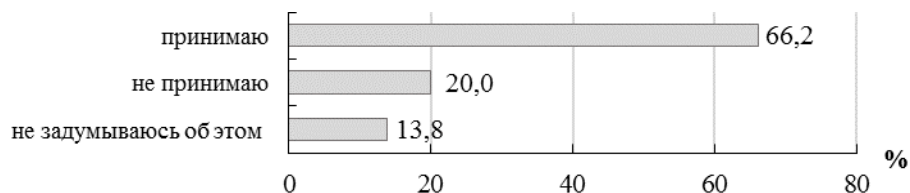

Рис. 31. Принимаете ли вы однополые отношения как норму?

Fig. 31. Do you accept same-sex relationships as the norm?

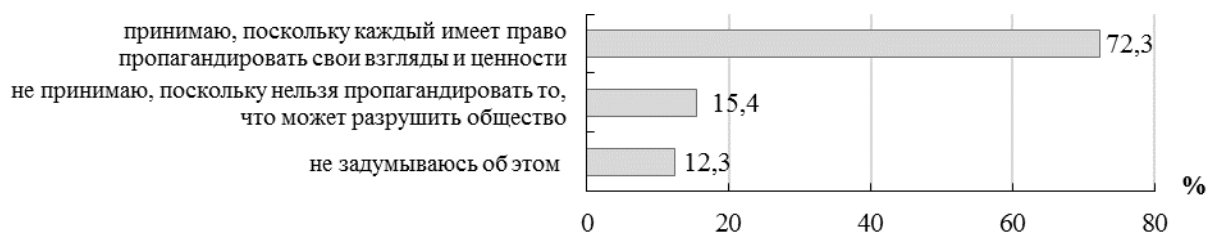

Рис. 32. Принимаете ли вы парады ЛГБТ-сообщества как норму?

Fig. 32. Do you accept LGBT parades as the norm?

Результаты ответов на вопросы данной группы оказались в целом ожидаемыми и подтвердили наше предположение о возникновении в этом поле определенных стереотипов. Так, с одной стороны, большая часть респондентов признает, что увеличение биологической составляющей в поведении человека происходит в ущерб его интеллектуально-духовной составляющей, что снятие общественных запретов на некоторые формы полового поведения привлекательны для человека в силу его биологической природы; признает необходимость для интеллектуальной и духовной жизни человека преодоления побуждений его биологической природы; понимает взаимосвязанность внешних и внутренних запретов в данной сфере.

С другой стороны, несмотря на это, менее половины респондентов (47,7 %) считают, что половая свобода (вседозволенность) должна быть ограничена общественным мнением, а более 55 % респондентов готовы принять дальнейший пересмотр норм сексуальной свободы. Такая нелогичность, противоречивость результата свидетельствует, с нашей точки зрения, об образовании в сознании определенной части современной молодежи стереотипа о том, что запреты в области полового поведения (напомним, что имеются в виду не правовые и негласные, этические запреты, выражающиеся в общественном мнении) являются недопустимыми и угрожают свободе.

Проблематику полового поведения человека мы сочли целесообразным включить в контекст проблемы семьи, поэтому респондентам и были заданы вопросы о сложности выстраивания семейных отношений. При том, что необходимость труда по выстраиванию отношений признает абсолютное большинство (97 %), результаты показали, что в сознании большинства респондентов зарегистрированный брак и сожительство без брака не различаются с точки зрения труда по выстраиванию отношений. Мнения же по поводу того, что сложнее: построение новых отношений или преодоление трудностей в старых отношениях – разделились приблизительно поровну. И такой результат представляется закономерным в контексте активно идущего в обществе разрушения института брака.

Примечательно, что большинство респондентов считает, что труд выстраивания отношений не зависит от пола партнера, идею того, что с представителями своего пола всегда проще общаться, разделяют только 10,8 % респондентов. Причиной такого распределения, как представляется, являются как тенденции мировой гендерной политики, так и слабая осведомленность молодежи в области психологии пола и возраста.

О последствиях дальнейшего полового раскрепощения общества, как показало исследование, молодежь задумывается очень мало – только 18,5 % считают, что это может быть угрозой для общества, при том, что более 75 % признают, что им не все известно о природе человеческой сексуальности. Более 53 % респондентов признают большую роль СМИ в распространении идей сексуальной свободы, а более 58 % респондентов допускают мысль о том, что в мировом сообществе могут быть группы, которым выгодна деградация общества в целом, поскольку это упрощает управление им.

Большинство респондентов признает также, что вопрос о сексуальных нормах не может решаться большинством голосов, а требует мнения экспертного сообщества, признает, что терпимость по отношению к сексуальным отклонениям не означает обязательное принятие их в качестве нормы. При этом, однако, большинство респондентов признает однополюе отношения как норму (66,2 %), а также ЛГБТ-парады как норму (72,3 %). Поясним суть видящегося нам противоречия. С нашей точки зрения, странно, если человек, признающий необходимость существования как внешних, так и внутренних ограничений на свободу полового поведения, понимающий связь внутренних моральных ограничений с интеллектуальным и духовным развитием личности, признающий, что вопрос нормативности полового поведения должен решаться экспертным сообществом, а не большинством голосов, и при этом признающий большую роль СМИ в распространении идей свободы полового поведения, тем не менее однозначно принимает нормативность однополюх отношений и ЛГБТ-парады, а также готов к дальнейшему пересмотру норм сексуальной свободы.

С нашей точки зрения (не исключаем, что дискуссионной), мы имеем дело с закреплением стереотипа, а не разумным суждением, о формировании которого свидетельствовала бы последовательность в ответах на вопросы на протяжении всего исследования у большинства респондентов.

Заключение. В сжатом виде итоги проведенного исследования выглядят следующим образом:

1. Значительное большинство респондентов признает идею ценности общественных, а не только индивидуалистических интересов, разделяет гражданскую идею необходимости развития общества, признает наличие определенных факторов его деградации, нуждающихся в специальном изучении. Однако значительно меньшее число респондентов признает необходимость участия в общественном развитии, считает, что «необязательно каждому думать о развитии общества, все идет само собой».

2. Значительное большинство респондентов принимает идею необходимости существования определенных норм и правил человеческого поведения, согласно с тем, что не все люди способны контролировать свое поведение с помощью только своих внутриличностных ограничений. Однако значительно меньшее число респондентов признает консервативную идею о том, что свобода поведения человека в обществе так или иначе должна быть ограничена, поскольку абсолютной и полной свободы в обществе быть не может.

3. Более половины респондентов признают необходимость для человека преодоления побуждений своей животной природы в интересах интеллектуальной и духовной жизни, понимают взаимосвязанность внешних и внутренних запретов в данной сфере. Однако менее половины респондентов считают, что половая свобода должна быть ограничена общественным мнением, а более половины респондентов готовы принять дальнейший пересмотр норм сексуальной свободы. В целом в цикле вопросов, посвященных «половому вопросу», показатели «консервативного» типа были ощутимо ниже.

4. Несмотря на то, что при ответе на все предыдущие вопросы респонденты в целом выбирали более «консервативные» варианты вопросов, значительное большинство респондентов рассматривает однополые отношения и ЛГБТ-парады как социальную норму.

Исходя из данных результатов, можно сделать вывод о наличии в сознании некоторой части молодых людей определенных логических сбоев, вызванных уже сформированным либеральным стереотипом, блокирующим возможность критического осмысления вопросов легитимации свободы полового поведения человека, в том числе его девиаций, как опасной для общества тенденции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Отраднова О. А. Проблема гомосексуальности в современном обществе // Общество: философия, история, культура. 2012. № 2. С. 25–32.

2. Романовский В. А. Исключение гомосексуализма из классификатора болезней не значит, что его признали нормой. 2017. URL: <https://azbyka.ru/zdorovie/isklyuchenie-gomoseksualizma-iz-klassifikatora-boleznej-ne-znachit-chno-ego-priznali-normoj> (дата обращения: 20.01.2023).

3. Довлатян А. М. ЛГБТ – кошмар современного общества // Студенческий научный форум – 2016: материалы VIII Междунар. студенческой науч. конф. URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016021821> (дата обращения: 20.01.2023).

4. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1987.
5. Елишев С. О. Молодежная проблематика и подходы к определению понятия «молодежь» в социологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 200–223.
6. Маликова Е. В. Современные концептуальные теории молодежи // Приволжский научный вестн. 2015. № 5-2 (45). С. 91–93.
7. Думнова Э. М. Взаимообусловленность общественного сознания и ментальности социальных групп и объединений молодежи // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2014. № 6 (22). С. 81–90. DOI: 10.15293/2226-3365.1406.07.
8. Лубский А. В., Вялых Н. А., Зайцева А. А. Модели социального поведения молодежи в России // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 7. С. 106–117.
9. Ослон А. Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 125–141.
10. Казарина-Волшебная Е. К., Комиссарова И. Г., Турченко В. Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социол. исслед. 2012. № 6. С. 121–126.
11. Мезенцев Е. А. Проблема границ толерантности // Международный научно-исследовательский журн. 2015. № 8 (39). С. 10–12.
12. Есть ли риски для детей, воспитываемых в однополых парах? // Pikabu. URL: https://pikabu.ru/story/est_li_riski_dlya_detey_vospityivaemyikh_v_odnopolyikh_parakh_8338232 (дата обращения: 20.01.23).
13. Jephthah's Daughters: Innocent Casualties in the War for Family "Equality" // R. Lopez, R. Edelman (eds.), Nortridge, CA: International Children Rights Institute, 2015.
14. Лысов В. Г. Риторика гомосексуального движения в свете научных фактов. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2019. DOI: 10.12731/978-5-907208-04-9.
15. Тихомиров Д. А. Либерализация половой морали в современном мире // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 93–108. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.8.
16. Селиванов В. В. Обзор исследований репрезентации ЛГБТ+ сообщества в российских медиа: предпосылки психологического исследования // Консультативная психология: вызовы практики: сб. материалов II Междунар. конф. по консультативной психологии и психотерапии, посвященной памяти Ф. Е. Василюка. Москва, 5–7 ноября 2020 г. М.: МГППУ, 2020. С. 223–224.
17. Богатова Л. М. Гендерные страсти у Notre-Dame de Paris: опыт социально-философского обобщения // Ученые записки Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 1. С. 31–42.
18. Современное состояние феномена табу // Lektii.org. URL: <https://lektii.org/7-35603.html> (дата обращения: 20.01.2023).
19. Кочарян Г. Гомосексуальность и современное общество. Доклад для Общественной палаты Российской Федерации // Regnum. 10.12.2019. URL: <https://regnum.ru/news/society/2803617.html> (дата обращения 20.01.2023).
20. Ворошилин С. И., Ретюнский К. Ю. Факторы, влияющие на распространение и патоморфоз расстройств половой идентификации и половых предпочтений (обзор) // Научные результаты биомедицинских исследований. 2018. Т. 4, № 3. С. 76–89. DOI: 10.18413/2313-8955-2018-4-3-0-8.
21. Щёлкин А. Г. Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социол. исслед. 2019. № 11. С. 152–160. DOI: 10.31857/S013216250007461-0.
22. Щёлкин А. Г. Нетрадиционная сексуальность (опыт социологического анализа) // Социол. исслед. 2013. № 6. С. 132–141.
23. Бажан В. Г., Севастьянова В. Ю., Тимашева Л. В. Отношение современной молодежи к однополым бракам // Уникальные исследования XXI века. 2015. № 7. С. 19–24.

24. Петина Т. М., Гридина В. В. Дискурсивные практики отношения к сексуальным меньшинствам в молодежной среде // Образование и проблемы развития общества. 2018. № 2 (6). С. 64–71.

Информация об авторе.

Кудрявцева Мария Евгеньевна – доктор педагогических наук (2009), доцент (2008), профессор кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 170 научных публикаций. Сфера научных интересов: психология и педагогика творчества, самоидентификация и развитие личности, свобода и ответственность личности в медиaprостранстве, образование инвалидов.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.01.2023; принята после рецензирования 09.03.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.*

REFERENCES

1. Otradnova, O.A. (2012), "Problem of homosexuality in the modern society", *Society: Philosophy, History, Culture*, no. 2, pp. 25–32.
2. Romanovskii, V.A. (2017), *Isklyuchenie gomoseksualizma iz klassifikatora boleznei ne znachit, chto ego priznali normoi* [The exclusion of homosexuality from the classifier of diseases does not mean that it was recognized as the norm], available at: <https://azbyka.ru/zdorovie/isklyuchenie-gomoseksualizma-iz-klassifikatora-boleznej-ne-znachit-cto-ego-priznali-normoj> (accessed 20.01.2023).
3. Dovlatyan, A.M. (2016), "LGBT is a nightmare of modern society", *Studencheskii nauchnyi forum – 2016: materialy VIII Mezhdunar. studencheskoi nauch. konf.* [Student Scientific Forum – 2016: materials of the VIII Intern. student scientific conf.], available at: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016021821> (accessed 20.01.2023).
4. Kon, I.S. (1987), *V poiskakh sebya: Lichnost' i ee samosoznanie* [In search of oneself: Personality and its self-consciousness], Politizdat, Moscow, USSR.
5. Elishev, S.O. (2017), "Youth problematic and approaches to the definition of "youth" in sociology", *Moscow State Univ. Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 3, pp. 200–223.
6. Malikova, E.V. (2015), "Modern conceptual theory of youth", *Privolzhskii nauchnyi vestnik*, no. 5-2 (45), pp. 91–93.
7. Dumnova, E.M. (2014), "Interconditionality of social consciousness and mentality of youth social groups and unions", *Novosibirsk State Pedagogical Univ. Bulletin*, no. 6 (22), pp. 81–90. DOI: 10.15293/2226-3365.1406.07.
8. Lubsy, A.V., Vyalykh, N.A. and Zaitseva, A.A. (2017), "Patterns of social behavior youth in Russia", *Social and humanitarian knowledge*, no. 7, pp. 106–117.
9. Oslon, A. (2006), "Walter Lippman on stereotypes: extracts from the book "Public Opinion"", *Sotsial'naya real'nost'* [Social Reality], no. 4, pp. 125–141.
10. Kazarina-Volshebnyaya, E.K., Komissarova, I.G. and Turchenko, V.N. (2012), "Paradoxes of the transformation of the value orientations of Russian youth", *Sociological Studies*, no. 6, pp. 121–126.
11. Mezentssev, E.A. (2015), "The Problem of Limits of Toleranc", *International Research J.*, no. 8 (39), pp. 10–12.
12. "Are there any risks for children raised in same-sex couples?", *Pikabu*, available at: https://pikabu.ru/story/est_li_riski_dlya_detey_vospityvaemyikh_v_odnopolyikh_parakh_8338232 (accessed 20.01.2023).
13. *Jephthah's Daughters: Innocent Casualties in the War for Family "Equality"* (2015), Lopez, R. and Edelman, R. (eds.), International Children Rights Institute, Nortridge, CA, USA.

14. Lysov, V.G. (2019), *Ritorika gomoseksual'nogo dvizheniya v svete nauchnykh faktov* [The rhetoric of the homosexual movement in the light of scientific facts], Nauchno-innovatsionnyi tsentr, Krasnoyarsk, RUS. DOI: 10.12731/978-5-907208-04-9.
15. Tikhomirov, D.A. (2015), "The liberalization of sexual morality in the modern world", *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 3, pp. 93–108. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.8.
16. Selivanov, V.V. (2020), "Review of research on the representation of the LGBT+ community in Russian media: preconditions for psychological research", *Konsul'tativnaya psikhologiya: vyzovy praktiki* [Counseling Psychology: Challenges of Practice], Moscow, RUS, Nov 5-7 2020, pp. 223–224.
17. Bogatova, L.M. (2014), ""Gender Passions" by Notre Dame de Paris: An Experience of Social and Philosophical Generalization", *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, vol. 156, no.1, pp. 31–42.
18. "The current state of the taboo phenomenon", *Leksii.org*, available at: <https://leksii.org/7-35603.html> (accessed 20.01.2023).
19. Kocharyan, G. (2019), "Homosexuality and modern society. Report for the Public Chamber of the Russian Federation", *Regnum*, 10.12.2019, available at: <https://regnum.ru/news/society/2803617.html> (accessed 20.01.23).
20. Voroshilin, S.I. and Retyunskiy, K.Yu. (2018), "Factors affecting the dissemination and patomorphosis of disorders of sexual identity and sexual preferences (review)", *Research results in biomedicine*, vol. 4, no. 3, pp. 76–89. DOI: 10.18413/2313-8955-2018-4-3-0-8.
21. Shchelkin, A.G. (2019), "Legalization of same-sex marriages: social-civilizational consequences", *Sociological Studies*, no. 11, pp. 152–160. DOI: 10.31857/S013216250007461-0.
22. Shchelkin, A.G. (2013), "Non-traditional sexuality (an experience of sociological analysis)", *Sociological Studies*, no. 6, pp. 132–141.
23. Bazhan, V.G., Sevast'yanova, V.Yu. and Timasheva, L.V. (2015), "The attitude of today's youth to same-sex marriage", *Unikal'nye issledovaniya XXI veka* [Unique research of the XXI century], no. 7, pp. 19–24.
24. Petinova, T.M. and Gridina, V.V. (2018), "Discursive practices relationship to sexual minority youth", *Education and problems of development of society*, no. 2(6), pp. 64–71.

Information about the author.

Maria E. Kudryavtseva – Dr. Sci. (Pedagogy, 2009), Docent (2008), Professor at the Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 170 scientific publications. Area of expertise: psychology and pedagogy of creativity, self-identification and development of personality, freedom and responsibility of the individual in the media space, education of the disabled.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 23.01.2023; adopted after review 09.03.2023; published online 22.06.2023.*

Оригинальная статья

УДК 316

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-82-98>

Дистанционное образование: восприятие родителями

Мария Алексеевна Абрамова^{1✉}, Роман Владимирович Каменев²

¹Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

^{1✉}marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

²romank54.55@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9367-3997>

Введение. Актуальность исследования обусловлена недостатком информации для анализа восприятия родителями проблем внедрения дистанционного обучения (ДО) в общеобразовательных школах в условиях COVID-19. Цель исследования – сопоставление специфики восприятия родителями разных регионов России возможностей и проблем осуществления дистанционного обучения в условиях самоизоляции, а также выявление установок, обуславливающих перспективы его дальнейшего внедрения.

Методология и источники. Теоретическая база представлена работами российских авторов о семье (А. И. Антонов, О. М. Здравомыслова, Г. Г. Филиппова). Обзор зарубежных исследований темы родительства сфокусирован на его социализирующей функции (Р. Бенедикт, А. Кардинер, М. Спиро). Отдельный блок работ посвящен проблемам внедрения дистанционного образования (Gül Özüdoğru; Lee; Zhao et al; Garrote et al, Безруких и др., Р. С. Звягинцев, Ю. Д. Керша, М. А. Пинская). Исследование опирается на системный и деятельностный подходы, рассматривающие родителей как один из важнейших факторов повышения результативности ДО. Статья представляет результаты online-анкетирования родителей (N = 1526) в четырех регионах России (Ленинградской и Иркутской областях, Ставрополье и Республике Башкортостан). Обработка данных осуществлена с помощью программы SPSS.

Результаты и обсуждение. Мнение о реализации ДО изучалось относительно не только обучения детей, но и возможностей применения технологии родителями. Исследование показало, что они вполне объективно оценивают проблемы внедрения ДО. Родители не склонны к критике в адрес школы, но сомневаются в перспективности реализации технологии в том формате, как она внедрялась, аргументируя это большими издержками для здоровья, неготовностью технического оснащения и уровнем подготовки как учащихся, так и школ. В отношении своего обучения с использованием дистанционных технологий высказывания носили позитивный характер.

Заключение. Сопоставление ответов родителей по регионам показало, с одной стороны, общность мнений, а с другой – существенное влияние на результаты оценки социокультурной специфики, связанной с доминирующим типом хозяйствования, востребованностью цифровых навыков на региональном рынке труда.

Ключевые слова: дистанционное образование, цифровые технологии, онлайн-образование, мнение родителей, пандемия COVID-19, регионы России

Для цитирования: Абрамова М. А., Каменев Р. В. Дистанционное образование: восприятие родителями // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 82–98. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-82-98.

© Абрамова М. А., Каменев Р. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Distance Education: Parents' Perception

Mariya A. Abramova^{1✉}, Roman V. Kamenev²

¹*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia*

²*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

^{1✉}*marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>*

²*romank54.55@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9367-3997>*

Introduction. The relevance of the study is due to the lack of information for analyzing parents' perception of the problems of introducing distance learning in secondary schools in the conditions of COVID-19. The purpose of the study is to compare the specifics of parents' perception of opportunities and problems of distance learning in conditions of self-isolation by parents in different regions of Russia, as well as to identify attitudes that determine the prospects for its further implementation.

Methodology and sources. The theoretical base is represented by the works of Russian authors about the family (A.I. Antonov, O.M. Zdravomyslova, G.G. Filippova). A review of foreign studies of parenthood focuses on its socializing function (R. Benedict, A. Cardiner, M. Spiro). A separate block of works is devoted to the problems of the introduction of distance education (Gül Özüdoğru; Lee; Zhao et al; Garrote et al, Bezrukikh et al, R.S. Zvyagintsev, Yu.D. Kershi, M.A. Pinskyoy). The study is based on systematic and activity-based approaches that consider parents as one of the most important factors in improving the effectiveness of distance learning. The article presents the results of an on-line survey of parents (N = 1526) in four regions of Russia (Leningrad and Irkutsk regions, Stavropol and the Republic of Bashkortostan). Data processing was carried out using the SPSS program.

Results and discussion. The opinion on the implementation of distance learning was studied not only regarding the education of children, but also the possibilities of using technology by parents. The study showed that they quite objectively assess the problems of implementing distance learning. Parents are not inclined to criticize the school, but they doubt the prospects of implementing the technology in the format it was introduced, arguing that it costs a lot for health, unavailability of technical equipment and the level of training of both students and schools. In relation to their training using distance learning technologies, the statements were positive.

Conclusion. A comparison of parents' responses by region showed, on the one hand, a commonality of opinions, and on the other, a significant impact on the results of the assessment of socio-cultural specifics associated with the dominant type of management, the demand for digital skills in the regional labor market.

Keywords: distance education, digital technologies, online education, parents' opinion, COVID-19 pandemic, regions of Russia

For citation: Abramova, M.A. and Kamenev, R.V. (2023), "Distance Education: Parents' Perception", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 82–98. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-82–98 (Russia).

Введение. Несмотря на длительную историю развития технологий дистанционного обучения и оптимистичное видение перспектив замены ими традиционного формата, ситуация пандемии, когда неожиданно 1,3 млрд детей в мире весной 2020 г. оказались в самоизоляции [1], выявила неоправданность ожиданий.

Анализ причин негативного отношения к дистанционному обучению, проведенный зарубежными исследователями, показал, что основные проблемы, с которыми сталкивались

акторы образовательного процесса, – это недостаточное владение цифровыми технологиями [2, 3], коммуникационные проблемы [4, 5], низкое качество связи, что сказывалось на восприятии учебного материала [6], организационные издержки, увеличение нагрузки [7, 8].

Изучение результатов внедрения дистанционного обучения в регионах России [9–11] показало, что основными проблемами, отрицательно влияющими на внедрение дистанционных технологий, стали переоцененные социально-экономические условия регионов, плохая связь, неготовность родителей и педагогов пользоваться цифровыми технологиями, увеличение нагрузки на учителей, родителей и учащихся.

Таким образом, обобщая представленные проблемы, можно выделить блоки: 1) дидактический (как обучали); 2) технический (при помощи чего) и 3) финансовый (два данных блока относятся не только к материальному обеспечению школ); 4) профессиональной подготовки педагогов; 5) организационно-коммуникационный, имеющий отношение ко всем акторам образовательного процесса. И если в большей степени данные блоки выделены на основе результатов уже проведенных исследований, где мнение родителей иногда учитывалось, то сами родители чрезвычайно редко становились объектом отдельного рассмотрения.

Отметим, что родители играют ведущую роль в процессе социализации ребенка, а в условиях пандемии их роль в организации обучения также перестает быть второстепенной. Учитывая данный аспект, остановим свое внимание на изучении отношения родителей к дистанционному обучению и его организации, поскольку от их потребностей, желаний (нежеланий) работать слаженно с учителями и школой, от имеющихся у них временных и финансовых возможностей в конечном итоге зависели результаты обучения детей в условиях пандемии. Данный объект исследования пока недостаточно освещен, отчасти по причине загруженности родителей и нежелания идти на контакт с исследователями, отчасти потому, что их роль пока недооценена.

Таким образом, главная задача исследования заключается в выявлении установок родителей относительно настоящего и будущего дистанционного образования. Мы полагаем, что именно их установки, позитивный и негативный опыт, собственные навыки по организации и применению технологий онлайн-обучения могут повлиять на перспективы дальнейшего развития и внедрения в регионах России формата дистанционного обучения.

Степень разработанности темы такова. Институт семьи сегодня подвергается серьезным социальным испытаниям, несмотря на ее значимость как организованной социальной группы, являющейся основанием иерархии социальных структур. Родительским функциям посвящены исследования социального института семьи А. И. Антонова, В. И. Гарбузова, Л. Е. Дарского, О. М. Здравомысловой, Г. Г. Филипповой. Родительство в зарубежных исследованиях, посвященных практикам детского воспитания, рассматривается с точки зрения его социализирующей функции (Р. Бенедикт, А. Кардинер, М. Спиро), как механизм воспроизводства культуры и в качестве культурно обусловленной модели поведения, поскольку при всем своем своеобразии деятельность человека представляет собой систему, включенную в систему отношений.

В условиях цифровизации образования восприятие семьи и родительства в рамках системного и деятельностного подходов позволяет спрогнозировать последствия синергетиче-

ского эффекта, когда любое действие может вызвать не только ожидаемые, но и непредсказуемые последствия. Так, в результате пандемии мы столкнулись не только с предсказуемыми проблемами реализации дистанционного образования (технической недооснащенностью, невысокими навыками владения цифровыми технологиями, проблемами со связью), но и с неожиданными социально-психологическими последствиями его внедрения [4, 5, 7, 8, 12].

Исследование уровня подготовки различных по социально-экономическому положению групп к реализации дистанционного обучения в рамках конкретного региона Р. С. Звягинцева, Ю. Д. Керши, М. А. Пинской выявило, что внезапное введение дистанционного обучения в условиях пандемии усугубило феномен образовательной бедности «ситуации ограничения и/или полной депривации детей в получении образования и развитии необходимых для жизни в социуме навыков» [10, с. 18]. Проблему роста неравенства семей, а также неравных условий обучения из-за материального состояния подчеркивают и зарубежные коллеги [13, 14].

О. В. Ветлицына с коллегами, исследуя влияние дистанционного обучения в условиях пандемии на здоровье школьников, отметила снижение двигательной активности, высокий уровень тревожности [15, с. 54]. Е. С. Богомолова [16] и В. Р. Кучма [17] и соавторы выявили различные типы расстройств, обусловленные ухудшением зрения. В совокупности жалобы на различные нарушения здоровья, отмеченные в первую очередь даже не медиками и психологами, а родителями, позволили исследователям прийти к выводу о том, что «современная цифровая школа не располагает безопасными для здоровья технологиями онлайн-обучения» [15, с. 55]. К выделенным проблемам родители добавили отсутствие непосредственного общения с учителем, низкий уровень готовности детей к самостоятельному применению цифровых технологий, что в совокупности сформировало негативное отношение большинства родителей к технологиям дистанционного обучения [15, 18].

Аналогичные проблемы отмечают и зарубежные исследователи. Так, коллеги из КНР отметили: 69 % родителей сообщили, что их дети ежедневно проводят у экрана более 3 часов, а 82 % учеников проводят менее 2 часов в день на открытом воздухе, 95 % родителей беспокоили зрение, эмоциональные и поведенческие проблемы их детей. Исследование самооценки родителей и учителей по шкале тревожности (SAS) показало более высокий уровень тревожности, чем обычно [7]. Также были отмечены снижение качества обучения и стресс, который испытывали родители [19]. В Индии 75,4 % родителей восприняли дистанционное обучение как стресс для ребенка, а 70,6 % отметили, что это стресс для всей семьи, 61,7 % семей сообщили о головных болях и перенапряжении глаз у детей [20]. Подобные выводы получены исследователями и из других стран [21]. Сравнительный анализ по странам представлен М. Л. Аграновичем [22].

Таким образом, во многих странах зафиксировано недовольство родителей технологиями дистанционного обучения. В России на общем фоне исследования мнений участников образовательного процесса информация о восприятии родителями online-обучения прозвучала не столь отчетливо, несмотря на их возрастающую роль в условиях дистанционного обучения. Предположение о том, что отношение к цифровым технологиям и перспективам их внедрения в нашу жизнь у детей формируется отчасти под влиянием семьи, актуализировало для нас проведение данного эмпирического исследования по изучению мнения

родителей о дистанционном обучении детей и их мотивации к применению технологий в своих целях. В рамках исследования вопросы были разделены по блокам в соответствии с выделенными проблемами: дидактический, технический, финансовый, профессиональной подготовки педагогов и организационно-коммуникационный.

Методология и источники. Исследование опирается на системный и деятельностный подходы, рассматривающие процесс внедрения ДО как действие, результат которого зависит от множества факторов. Одним из них являются семья и, конкретно, родители, чье мнение и помощь в организации процесса обучения детей играют существенную роль в повышении его результативности. Исследование проводилось Институтом физико-математического, информационного и технологического образования Новосибирского государственного педагогического университета с июня по октябрь 2021 г. при поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках исполнения государственного задания № 073-00072-21-01 по проекту «Цифровая трансформация образования: разработка, апробация моделей внедрения дистанционного обучения в образовательных организациях всех уровней образования».

Процедура исследования включала четыре этапа:

1) разработка и обоснование теоретико-методологических позиций исследования на основе анализа опубликованных работ в области ДО;

2) разработка опросника по изучению восприятия ДО родителями, включающего 3 блока вопросов: «Степень внедрения ДО в образовательный процесс», «Степень удовлетворенности итогами ДО в общеобразовательных организациях», «Потребности родителей в ДО», на основе Google-forms;

3) сбор эмпирических данных;

4) обработка данных (осуществлялась с помощью пакета прикладных программ SPSS) и их анализ.

В статье сопоставлены полученные нами данные online-анкетирования родителей (N = 1526), проведенного в четырех регионах России (Ленинградской (N = 324) и Иркутской областях (N = 593), Ставрополье (N = 293) и Республике Башкортостан (N = 315)), с выводами российских и зарубежных исследователей о проблемах и перспективах дальнейшей реализации дистанционного обучения. Репрезентативность выборки обеспечивается: 1) дизайном выборки, который определяется характеристиками генеральной совокупности и целями исследования; 2) расчетом ее минимального объема, обеспечивающего приемлемую точность результатов. Выбор регионов обусловлен, с одной стороны, попыткой представить разнообразные географически, социально и экономически территории, а с другой – не контрастирующие по соотношению социокультурных условий мегаполиса и села. Сопоставление результатов имеет некоторые ограничения, учитывающие непропорциональность количества опрошенных и их характеристики. Так, по типу расселения:

– в городе или поселке городского типа проживают: 19,5 % в населенных пунктах с общей численностью жителей до 50 тыс. чел., 23,9 % – в средних (до 100 тыс. чел.), 24% – в больших (до 250 тыс. чел.), 18,4 % – в крупных (до 1 млн чел.) и 14,2 % – в крупнейших (свыше 1 млн чел.);

– в сельском поселении: 8 % – в малых (менее 200 чел.), 9,7 % – в средних (до 1 тыс. чел.), 8,1 % – в больших (до 3 тыс. чел.), 74,2 % – в крупных (свыше 3 тыс. чел.).

Возрастное распределение отвечающих представлено следующим образом: до 30 лет – 2,2 %, 31–35 лет – 21,2 %, 36–40 лет – 30,3 %, 41–45 лет – 26,8 %, 46–50 лет – 12 %, старше 51 года – 7,5 %. Подавляющее большинство ответивших на вопросы анкеты – женщины – 93 %. 23 % семей воспитывают 1 ребенка, 53,3 % – 2, и 23,7 % являются многодетными семьями. По уровню образования: 4,1 % имеют начальное профессиональное образование, 24,9 % – среднее профессиональное образование, 2,8 % – два средних профессиональных образования, 9,7 % закончили бакалавриат, 7,8 % – магистратуру, 42,6 % – специалитет, 8,1 % имеют два высших образования. Работа 45,3 % респондентов в той или иной мере связана с применением цифровых технологий и прикладных программных продуктов. 3 % ответили, что их работа напрямую связана с цифровыми технологиями («работаю в ИТ-сфере»). 32,8 % стараются применять цифровые технологии для самообразования. Тех, кто не применяет цифровые технологии ни в работе, ни в жизни, – 18,9 %. Причем в большей степени это проявляется в регионах, где развито сельское и приусадебное хозяйство (Ставрополь – 27,9 %, Башкортостан – 23,5 %).

Результаты и обсуждение. Сопоставление регионов по первому (дидактическому) блоку показало, что большая часть детей обучалась на основе синхронной модели обучения (от 75,9 % в Иркутской до 54,6 % в Ленинградской области). Асинхронную использовали от 31,8 % в Ленинградской области до 15 % в Иркутской. Гибридную – от 13,6 % в Ленинградской области до 8,8 % в Ставрополье. (При одинаковых тенденциях в регионах мы будем показывать в анализе крайние значения по регионам. Все данные представлены от числа ответивших.)

На вопрос об использовании в общеобразовательных организациях возможности дистанционного обучения в течение всего учебного года ранее и в период пандемии более половины респондентов ответили, что «не используют» (Иркутская область – 63,4 %, Ставропольский край – 62,6 %, Башкортостан – 54,9 % и Ленинградская область – 56,8 %). Затруднились ответить на этот вопрос от 23,3 до 34,3 % ответивших. Таким образом, введение дистанционного обучения для большего числа опрошенных семей стало неожиданностью. И несмотря на то, что от 15 до 20 % родителей ответили, что их ребенок «уверенно владеет цифровыми технологиями», от 30,6 до 37,9 % – «скорее уверенно», тем не менее на вопрос: «Готов ли Ваш ребенок использовать систему дистанционного обучения учебного заведения для выполнения в ней домашних заданий / домашних лабораторных работ?» от 24,1 до 31 % ответили, что «скорее не готов», а от 22,4 до 31,2 % – «не готов».

Ответы на вопрос о возможностях восполнить пропущенный материал, используя онлайн-ресурсы (YouTube-канал общеобразовательной организации, Облако) или платформу ДО, показали, что у половины респондентов такой возможности нет (Башкортостан – 48,9 %, Ленинградская область – 49,7 %, Иркутская область – 52 %, Ставропольский край – 56,8 %). От 20,6 до 41 % ответили, что в таком случае есть «домашнее задание и материалы к уроку в электронном дневнике». Хотя данный ответ подразумевает, скорее всего, не специально подготовленные материалы, а исходники, которыми могут воспользоваться ребенок и его родители. В целом же на вопрос: «Есть ли в образовательной организации возможности освоения пропущенного материала дистанционно?» от 33,6 % (Ленинградская область) до 49,8 % (Башкортостан) ответили, что ее нет.

Неудивительно, что в результате на вопрос о степени удовлетворенности организацией дистанционного образования в общеобразовательных организациях положительно ответивших родителей оказалось крайне мало (рис. 1). Хотя распределение ответов относительно уровня реализации дистанционного образования учебным заведением скорее свидетельствует о попытке родителей быть объективными в оценках и не выступать в роли критика (рис. 2).

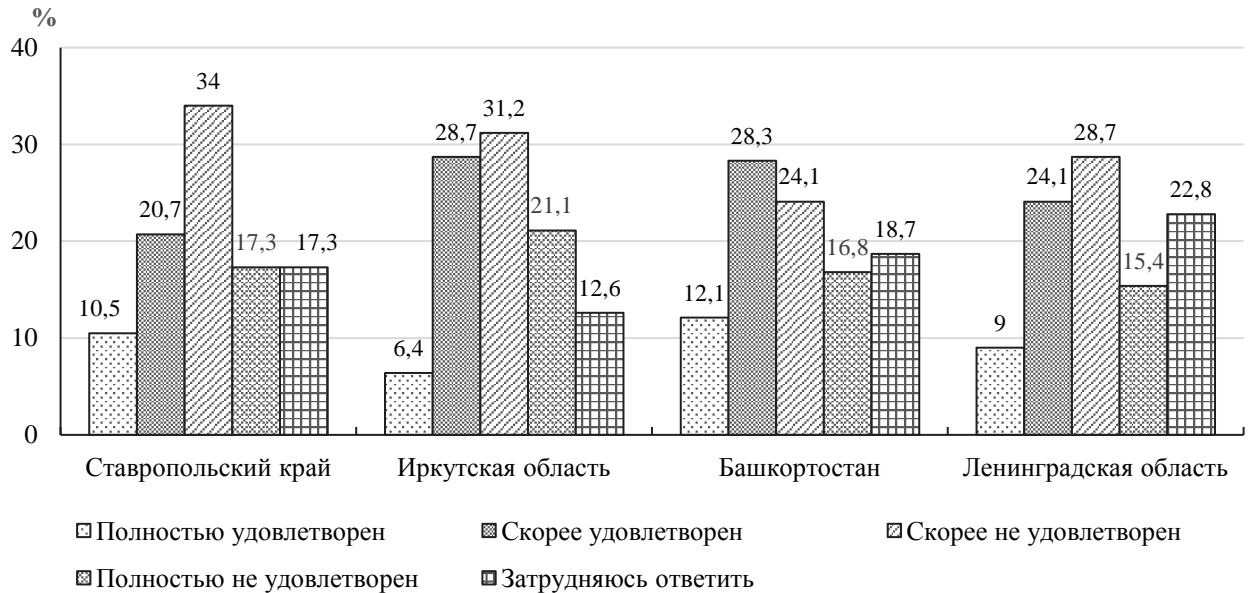

Рис. 1. Удовлетворены ли Вы организацией дистанционного образования в школе (колледже, лицее), где учится Ваш ребенок?

Fig. 1. Are you satisfied with the organization of distance education it the school (college, lyceum) where your child is studying?

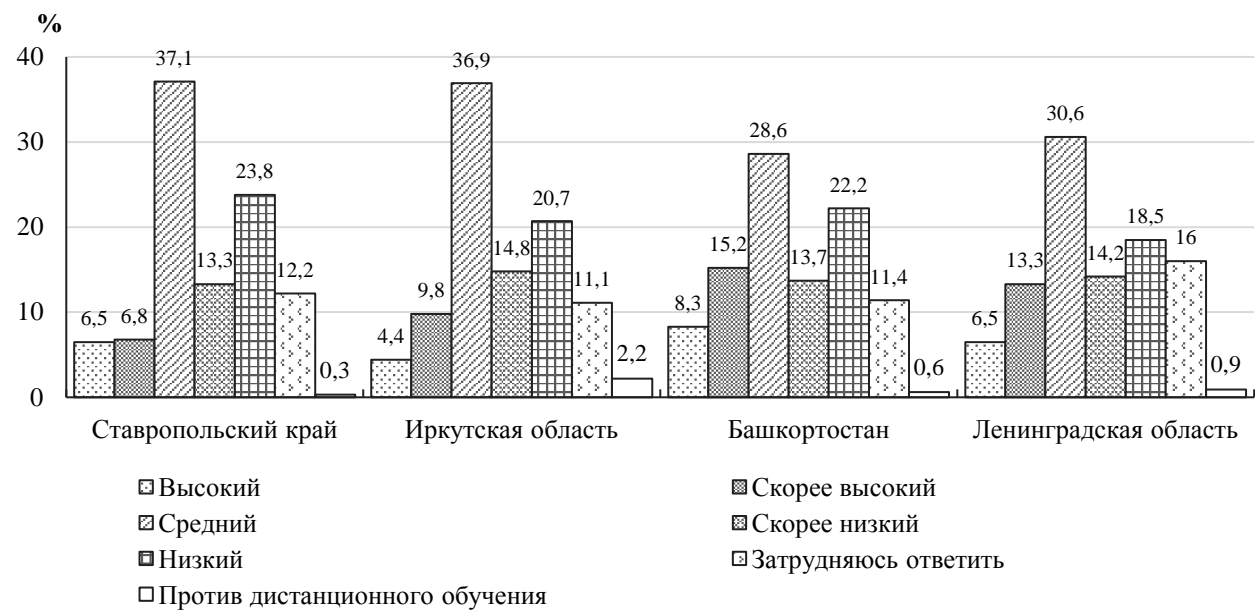

Рис. 2. Как Вы оцениваете уровень преподавания в учебном заведении Вашего ребенка в дистанционном формате?

Fig. 2. How you assess the level of teaching in the school of your child in the distance format?

Объективность оценок родителей подтверждают и ответы на вопрос: «Были ли случаи получения ребенком неудовлетворительных отметок из-за некорректно сформулированного задания?» («таких случаев не было» – от 28,6 % в Башкортостане до 48 % в Ставрополье) или из-за некорректной работы оборудования («таких случаев не было» – от 30,9 % в Иркутской области до 44,2 % в Ставрополье). Хотя в целом сама объективность выставления оценок учителями оценена большей частью респондентов «средне» – от 29,9 до 33 %. Полагаем, что аналогичный результат можно было бы получить и при оценке родителями объективности выставления отметок в режиме offline-обучения.

О возможностях применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий учителем для осуществления индивидуального подхода в обучении ответы родителей были скорее скептические: «не согласны» с данным утверждением от 46,3 до 54,8 %; «скорее не согласны» – от 20,6 до 25,8 %. Возможно, эта реакция объясняет, что использовали возможности «Современной цифровой образовательной среды в Российской Федерации» для построения индивидуальной образовательной траектории ребенка несколько раз за последние 3 года от 3,4 до 8,9 % респондентов, эпизодически прибегают к ней от 8,5 до 12,5 %, а не планируют вообще – от 37,1 до 43,5 %.

Несмотря на демонстрацию родителями рациональной оценки качества преподавания в условиях пандемии, ответы показали, что общее отношение к результату обучения скорее негативное: «Дистанционный формат привел к снижению качества образования» выбрали от 68,8 % ответивших в Ленинградской области до 80,9 % в Иркутской. Уточнение причин, приведших к низкой результативности применения цифровых технологий в дистанционном обучении, дало следующее распределение ответов (рис. 3).

Представленные результаты показывают, что напрямую связывать снижение качества обучения с использованием цифровых технологий родители не стали. Они объективно видят за этим фактом системный эффект, когда вроде бы конкретно никто не виноват, а результат не радует. Причем если уровень оснащения общеобразовательной организации оборудованием для ДО большая часть оценила как средний (от 28,1 % в Ленинградской области до 34,3 % в Башкортостане), то в оценке домашнего оснащения мнения родителей разделились. Большая часть респондентов оценила его «средне» (от 29,8 % в Башкортостане до 39,3 % в Иркутской области), и достаточно наполненным оказался кластер тех, кто оценил его как «низкий» (от 17,6 % в Ленинградской области до 28,9 % в Башкортостане). В частности, по данным социологического онлайн-опроса в Республике Башкортостан, проведенного Башкирским филиалом ФНИСЦ РАН в апреле 2020 г. (N = 1765), «четверть опрошенных родителей говорили о проблеме нехватки устройств для организации учебного процесса в онлайн-режиме» [18, с. 210].

Мы полагаем, что существенную роль в оценке родителями уровня оснащенности ДО играет социально-экономическая специфика регионов. И не только по показателю доли семей с низким материальным доходом, но и относительно уровня технического оснащения референтных семей, на который они ориентируются. Так, по данным опросов А. В. Золотаревой, в Ярославской области большая часть родителей ответила, что имеет «только один компьютер, который используется всеми членами семьи, что сильно затрудняло работу, если в семье более одного обучающегося» [23, с. 15].

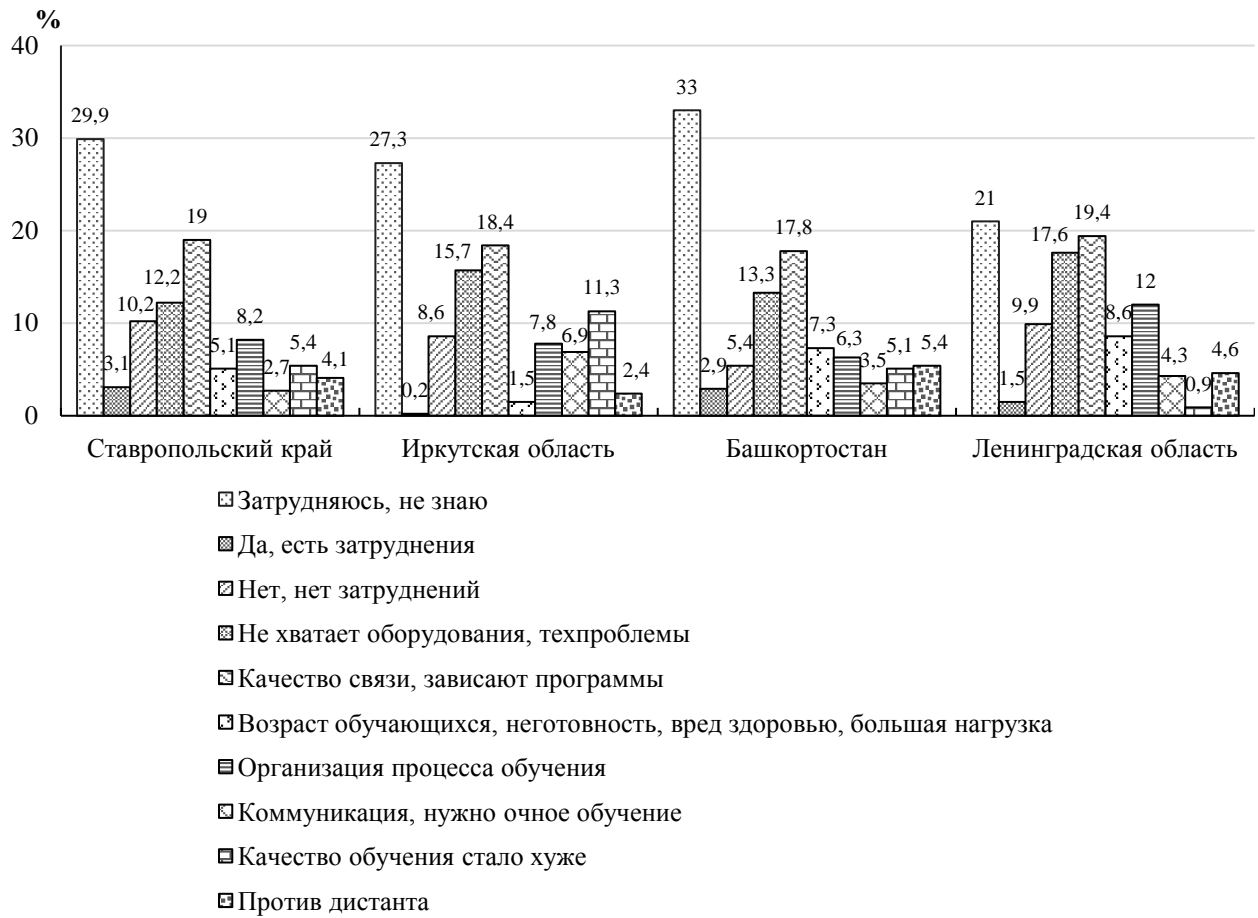

Рис. 3. Что затрудняет применение цифровых технологий при дистанционном обучении в Вашем учебном заведении?

Fig. 3. What will hinder the use of digital technologies in distance learning in your educational institution?

Дополнительную информацию дают ответы респондентов на вопрос о технике, которую используют их дети в процессе обучения (рис. 4).

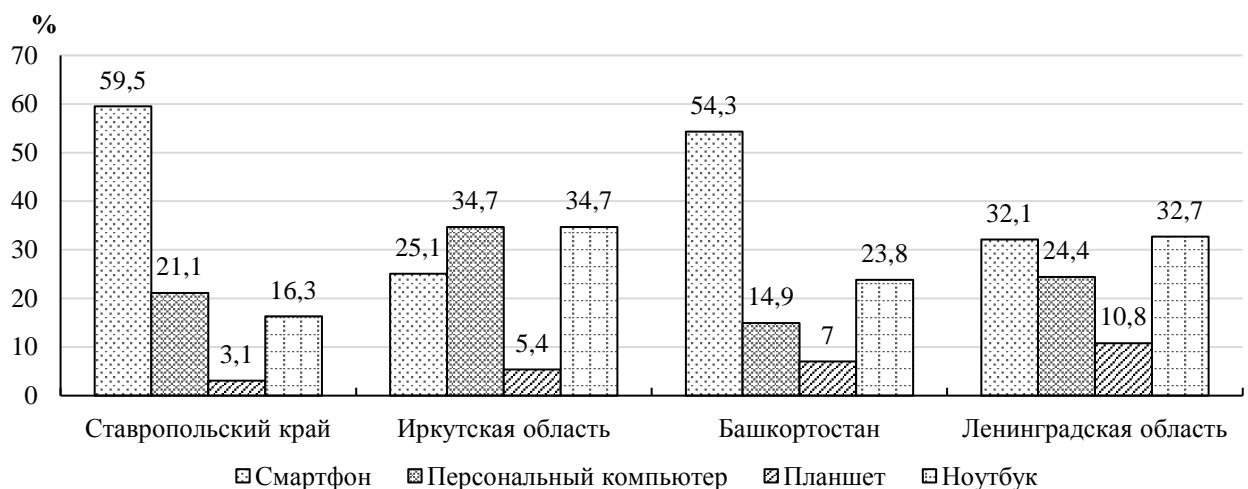

Рис. 4. Каким из перечисленных технических устройств Ваш ребенок пользуется наиболее активно при обучении в дистанционном формате?

Fig. 4. Which of the aforementioned technical devices is your child most actively using when learning in the remote format?

Как показали результаты, только в Иркутской области персональный компьютер и ноутбук оказались представлены в домашнем оснащении в большей степени, чем смартфон, в Ленинградской – в равной мере ноутбук и смартфон. Веб-камера и гарнитура используются во всех регионах редко.

Неудивительно, что при таком техническом оснащении и выбранном формате обучения многие родители при оценке нагрузки на детей ответили, что она значительно увеличилась по сравнению с традиционным форматом, в том числе по временным затратам (от 42,9 % в Башкортостане до 62,1 % в Иркутской области). Отчасти увеличившееся время на обучение в значительной мере повлияло на снижение двигательной активности детей и ухудшение зрения. Это, кстати, соответствует выводам как российских, так и зарубежных специалистов [15–17, 19–21]. Так, по результатам online-опроса в Республике Башкортостан, проведенного Башкирским филиалом ФНИСЦ РАН, родители часто негативно оценивали потенциал дистанционного обучения из-за «невозможности сохранить полноценное здоровье» [24, с. 214]. И. М. Сетко и Н. П. Сетко пишут о том, что специфика движения глаз «во время дистанционного обучения, когда необходимо одновременно следить за трансляцией урока, диалогом в чате, делать записи в тетради... глобально меняет характер зрительной нагрузки. При очном уроке в классе после фокусировки на близком расстоянии и записи в тетради обучающийся поднимает глаза и смотрит на доску или на педагога, автоматически расслабляя аккомодацию, при дистанционном обучении глаза учеников продолжают работать на близком расстоянии, не имея возможности уменьшить мышечное напряжение и расслабиться» [25, с. 6]. Таким образом, авторы приходят к выводу, что увеличение нагрузки без длительного расслабления приводит к целому ряду изменений в зрительном анализаторе. При этом они отмечают, что «подавляющее большинство детей использовало в качестве средства обучения смартфон, в то время как гигиенические требования к организации дистанционного обучения предусматривают использование персональных компьютеров или ноутбуков. Смартфон с гигиенических позиций – самое неподходящее устройство для использования в учебных целях <...> При регулярном и длительном использовании в ходе учебных занятий смартфон следует рассматривать как серьезный фактор риска развития патологии зрения у детей и подростков» [25, с. 8].

Тем не менее анализ практики реализации дистанционного обучения по 53 регионам России, проведенный специалистами ФГБНУ ИВФ РАО в 2020 г. (N = 160 895 – родители учащихся 1–11-х классов, N = 56 876 – родители учащихся 4–11-х классов), показал, что смартфон используют в дистанционном обучении 52,4 %, ноутбук – 37,9 %, персональный компьютер – 23,3 % и планшет – 12,1 %. Примерно 20 % детей чередуют использование разных электронных устройств для обучения в домашних условиях. По ответам родителей, около 8,1 % учащихся 1–11-х классов вообще не имеют электронных устройств [12, с. 36].

Некоторое удивление вызывает то, что исследователи РАО, констатируя, к каким негативным последствиям для здоровья учащихся приводит длительное (более двух часов в день) использование компьютера, смартфона, других цифровых устройств, ссылаются на выводы зарубежных ученых, полученные начиная с 2000 г. [12]. Возникает закономерный вопрос: если о возможных негативных последствиях использования ДО было известно заранее, то как РАО допустила, что за столько лет произошло лишь усиление влияния цифро-

визации в образовании без каких-либо изменений в методической, организационной ее части? Или виной всему оказалась пандемия, неожиданно заставившая мир использовать технологии, которые требуют значительной доработки? Но двадцатилетний срок мало подходит для критерия неожиданности.

Полученные результаты объясняют, почему половина родителей даже на вопрос о возможности параллельного совмещения систем очного и дистанционного обучения на весь период обучения в школе категорически ответили «нет» (от 42,9 % в Ленинградской области до 54,8 % в Иркутской), а с перспективой, что цифровое образование будет все больше и больше развиваться, постепенно заменяя образование офлайн, согласились лишь от 8,9 % в Иркутской области до 11,7 % в Башкортостане. Больше 80 % респондентов ответили, что оно никогда не заменит офлайн и останется только как дополнение к традиционному образованию (от 88,3 % в Башкортостане до 91,1 % в Иркутской области).

Единственное преимущество цифрового обучения, отмеченное родителями, – это использование его в обучении людьми с ограниченными физическими способностями (от 45,4 % в Ленинградской области до 55,3 % в Иркутской).

Возможности выбрать удобное время, место, темп обучения в качестве преимущества увидели менее четверти отвечавших (от 25 % в Ленинградской области до 16 % в Иркутской). Полагаем, что уменьшение доли тех, для кого это преимущество значимо, зависит от скорости жизни в регионе: там, где более высокий темп жизни, внимательнее относятся к возможности составления гибкого расписания. Но, возможно, это связано и с профессиональными требованиями повышения квалификации, которые растут пропорционально сокращению вакантных мест на рынке труда в городах с повышенной плотностью населения.

Сопоставим ответы по регионам о потребности родителей в получении дополнительного образования посредством дистанционного обучения (рис. 5–7). Степень готовности к использованию дистанционных технологий при обучении в вузе или колледже достаточно высокая в Ленинградской области – 32,1 % (рис. 5).

Рис. 5. Готовы ли Вы получать дополнительное образование в дистанционной форме в каком-либо высшем учебном заведении или колледже?

Fig. 5. Are you ready to receive supplementary education in distance form in any higher education institution or college?

Менее востребованными оказались дистанционные курсы в Ставропольском крае, что, по всей вероятности, объясняется ведущим типом хозяйствования. Потребность в дополнительном образовании, не связанная с профессиональной деятельностью, в принципе оказалась невысокой (ответ «не планирую» – от 52,5 % в Ленинградской области до 68 % в Ставрополье) (рис. 6).

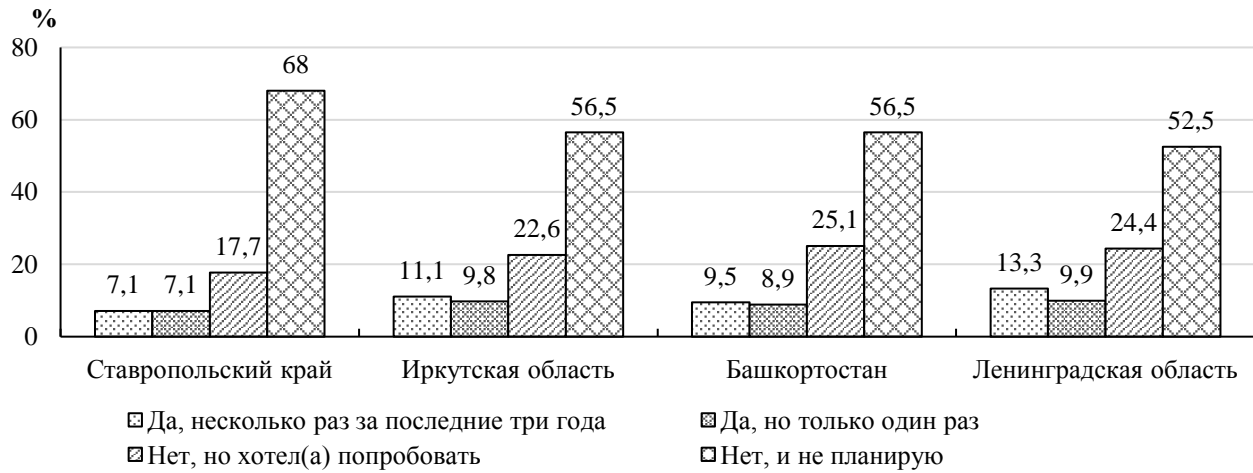

Рис. 6. Использовали ли Вы систему дистанционного образования для получения дополнительного образования, не связанного с Вашей профессиональной деятельностью?
Fig. 6. Have you used the distance education system to receive additional education unrelated to your professional activity?

Чтобы не создалось впечатления, что родители представляют собой очень консервативное поколение, которому просто сложно даются цифровые технологии, отметим, что когда вопросы коснулись использования цифровых ресурсов и сервисов для самообразования (хобби), от 45,2 % респондентов в Иркутской области до 33 % в Башкортостане ответили, что применяют их от случая к случаю, а постоянно просматривают интересующие их подкасты и каналы от 17 % в Ставрополье до 22,2 % в Ленинградской области (рис. 7). В течение последнего месяца обучались на дистанционных курсах от 13 % в Башкортостане до 8,2 % в Ставропольском крае (рис. 7).

Рис. 7. Как давно Вы лично обучались на любых дистанционных курсах?
Fig. 7. How long have you studied at any distance courses?

Доминирование использования цифровых технологий для реализации потребности родителей в собственном развитии продемонстрировали ответы на вопрос: «Какой бы Вы выбрали курс для дистанционного обучения?». Курс, расширяющий знания по основной специальности (профессии), выбрали от 20,1 % в Ставрополье до 22,5 % в Башкортостане. Дополняющий образование новыми возможностями – от 21,4 % в Ставрополье до 27,5 % в Ленинградской области. Не связанный с образованием отвечавших, но интересный выбрало большинство (от 39 % в Башкортостане до 48,6 % в Ставрополье).

С учетом того, что из отвечавших родителей лишь 3 % непосредственно работают в IT-сфере, для нас стало удивительным, что на вопрос о желании «в течение ближайших двух-трех лет пройти обучение в сфере технологий искусственного интеллекта» от 27,9 % в Ставрополье до 42,5 % в Иркутской области высказались положительно.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование показало, что родители вполне объективно оценивают ситуацию экстренного внедрения дистанционного обучения и проблемы, возникшие в результате. Они не склонны к повышенной критике в адрес школы, но сомневаются в перспективности реализации данной технологии для обучения детей, аргументируя это большими издержками для здоровья, недостаточностью технического оснащения и уровнем подготовки как учащихся, так и, частично, школы. Анализ дидактического блока проблем показал, что при коррекции существующих практик внедрения дистанционного обучения мнение родителей может измениться в лучшую сторону. О чем свидетельствуют отчасти их ответы о возможности собственного обучения на дистанционных курсах, хотя в большей степени пока предпочтение отдается обучению в традиционном формате.

Анализ результатов ответов по блоку финансовых и технических проблем внедрения дистанционного образования показал, что они воспринимаются как вполне разрешимые.

Но единственная проблема, которая, скорее всего, так и не будет решена при реализации дистанционного обучения даже при условии улучшения технологий обучения, – это невыполнение школой своей социализирующей функции, поскольку общение в реальном коллективе виртуальным заменить очень сложно. И те детские воспоминания о совместных школьных делах, поездках, которые хранятся в памяти родителей, по всей вероятности, уже не будут сформированы у нового поколения учащихся.

Региональное сопоставление материалов опросов показало, с одной стороны, общность мнений родителей, а с другой – существенное влияние на распределение результатов социокультурной специфики, которая связана с доминирующим типом хозяйствования, востребованностью цифровых навыков на рынке труда. Данный аспект, безусловно, влияет на восприятие родителями востребованности технологии дистанционного образования как в своей жизни, так и в жизни ребенка. Мы полагаем, что дальнейшие исследования с учетом полученных результатов должны быть направлены на решение проблем сохранения здоровья обучающихся и разработку методик, позволяющих снизить зрительную и организационную нагрузку на всех акторов образовательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Viner R. M., Russell S. J., Croker H. et al. School closure and management practices during coronavirus outbreaks including COVID-19: a rapid systematic review // *The Lancet Child & Adolescent Health*. 2020. Vol. 4, iss. 5. P. 397–404. DOI: 10.1016/S2352-4642(20)30095-X.

2. Apriyanti C. Distance learning and obstacles during Covid-19 outbreak // *J. Ilmiah Pendidikan Dasar*. 2020. Vol. 7, no. 2. P. 68–83. DOI: 10.30659/pendas.7.2.68–83.
3. Mandatory home education during the COVID-19 lockdown in the Czech Republic: a rapid survey of 1st-9th graders' parents / C. Brom, J. Lukavsky, D. Greger et al. // *Frontiers in Education*. 2020. Vol. 5: 103. DOI: 10.3389/educ.2020.00103.
4. Özüdoğru G. Problems faced in distance education during Covid-19 Pandemic // *Participatory Educational Research*. 2021. Vol. 8, iss. 4. P. 321–333. DOI: 10.17275/per.21.92.8.4.
5. Lee J. Mental health effects of school closures during COVID-19 // *The Lancet Child & Adolescent Health*. 2020. Vol. 4. P. 912–920. DOI: 10.1016/S2352-4642(20)30109-7.
6. The Perceptions of primary school teachers of online learning during the COVID-19 Pandemic period: A case study in Indonesia / Rasmitadila, Aliyyah R. R., Rachmadtullah R. et al. // *J. of Ethnic and Cultural Studies*. 2020. Vol. 7, no. 2. P. 90–109. DOI:10.29333/ejecs/388.
7. The Effects of Online Homeschooling on Children, Parents, and Teachers of Grades 1-9 During the COVID-19 Pandemic / Y. Zhao, Y. Guo, Yu Xiao et al. // *Medical Science Monitor*. 2020. Vol. 26: e925591. DOI: 10.12659/MSM.925591.
8. Teacher Expectations and Parental Stress During Emergency Distance Learning and Their Relationship to Students' Perception / A. Garrote, E. Niederbacher, J. Hofmann et al. // *Frontiers in Psychology*. Vol. 12: 712447. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.712447.
9. Абрамова М. А. Цифровая трансформация в регионах России: оценки и реальность // *Профессиональное образование в современном мире*. 2021. Т. 11, № 3. С. 11–22. DOI: <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2021-3-02>.
10. Звягинцев Р. С., Керша Ю. Д., Пинская М. А. Переход на дистанционное образование: детальный разбор муниципального кейса. 2021. URL: https://ioe.hse.ru/sao_region (дата обращения: 02.12.2022).
11. Сапрыкина Д. И., Волохович А. А. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей. Вып. 4 (29). М.: НИУ ВШЭ, 2020.
12. Физиолого-гигиенические аспекты организации дистанционного обучения в период пандемии covid-19 (по результатам опроса родителей и школьников) / М. М. Безруких, Л. В. Макарова, Т. М. Параничева и др. // *Новые исследования*. 2020. № 1 (65). С. 33–49. DOI: 10.46742/2072-8840-2021-65-1-33-49.
13. Inequality in the impact of the coronavirus shock: evidence from real time surveys / A. Adams-Prassl, T. Boneva, M. Golin, C. Rauh // *J. of Public Economics*. 2020. Vol. 189: 104245. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104245>.
14. COVID-19 and inequalities / R. Blundell, M. Costa Dias, R. Joyce, X. Xu // *Fiscal Studies*. 2020. Vol. 41, iss. 2. P. 291–319. DOI:10.1111/1475-5890.12232.
15. Дистанционное обучение: взгляд школьника, родителей, врача / О. В. Ветлицына, К. К. Алексанян, А. Кучерова и др. // *Смоленский медицинский альманах*. 2021. № 2. С. 53–56. DOI: 10.37903/SMA.2021.2.11.
16. Гигиенические аспекты дистанционного образования / Е. С. Богомолова, Т. В. Бадеева, Н. В. Котова и др. // *Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья*. 2020. № 3. С. 35–39.
17. Особенности жизнедеятельности и самочувствия детей и подростков, дистанционно обучающихся во время эпидемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) / В. Р. Кучма, А. С. Седова, М. И. Степанова и др. // *Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья*. 2020. № 2. С. 4–23.
18. Проблемы и перспективы дистанционного обучения в оценках учителей и родителей обучающихся / Г. В. Леонидова, Р. М. Валиахметов, Г. Р. Баймурзина, Л. В. Бабич // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13, № 4. С. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.12.

19. Experiences and Attitudes of Elementary School Students and Their Parents Toward Online Learning in China During the COVID-19 Pandemic: Questionnaire Study / Sh. Cui, Ch. Zhang, Sh. Wang et al. // *Medical Internet Research*. 2021. Vol. 23, no. 5: e24496. DOI: 10.2196/24496.

20. Parental Perspectives on Remote Learning and School Reopening / U. Bansal, Sw. Ghatge, P. Bhattacharya et al. // *Indian Pediatrics*. 2020. Vol. 57, no. 12. P. 1177–1178. DOI: 10.1007/s13312-020-2075-4.

21. Prevalence and risk factor assessment of digital eye strain among children using online e-learning during the COVID-19 pandemic: Digital eye strain among kids (DESK study-1) / A. Mohan, P. Sen, Ch. Shah et al. // *Indian J. of Ophthalmology*. 2021. Vol. 69, no. 1. P. 140–144. DOI:10.4103/ijo.IJO_2535_20.

22. Агранович М. Л., Дренева А. А. Организация образования в условиях пандемии. Практика стран ОЭСР/ФИРО-РАНХиГС // *Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития*. Т. 9 (111). М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара», 2020. С. 134–150.

23. Золотарева А. В. Готовность системы образования к переходу в удаленный режим работы: рефлексия уроков пандемии // *Ярославский педагогический вестн.* 2020. № 2 (119). С. 8–18. DOI: 10.20323/1813-145X-2021-2-119-8-18.

24. Проблемы и перспективы дистанционного обучения в оценках учителей и родителей обучающихся / Г. В. Леонидова, Р. М. Валиахметов, Г. Р. Баймурзина, Л. В. Бабич // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13, № 4. С. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.12.

25. Сетко И. М., Сетко Н. П. Современные проблемы состояния здоровья школьников в условиях комплексного влияния среды обитания // *Оренбургский медицинский вестн.* 2018. № 2 (22). С. 4–13.

Информация об авторах.

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук (2004), профессор (2019), ведущий научный сотрудник, заведующий отделом социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия. Автор более 400 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология образования, кросс-культурные исследования, изучение проблем адаптации молодежи, модели мультикультурализма.

Каменев Роман Владимирович – кандидат педагогических наук (2018), доцент (2020), директор Института физико-математического, информационного и технологического образования Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Виллюйская, д. 28, г. Новосибирск, 630126, Россия. Автор около 100 научных публикаций и патентов. Сфера научных интересов: образование, внедрение высоких технологий.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 13.02.2023; принята после рецензирования 14.03.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.*

REFERENCES

1. Viner, R.M., Russell, S.J., Croker, H. et al. (2020), "School closure and management practices during coronavirus outbreaks including COVID-19: a rapid systematic review", *The Lancet Child & Adolescent Health*, vol. 4, iss. 5, pp. 397–404. DOI: 10.1016/S2352-4642(20)30095-X.

2. Apriyanti, C. (2020), "Distance learning and obstacles during Covid-19 outbreak", *Jurnal Ilmiah Pendidikan Dasar*, vol. 7, no. 2, pp. 68–83. DOI: 10.30659/pendas.7.2.68-83.

3. Brom, C., Lukavsky, J., Greger, D., Hannemann, T., Strakova, J., and Svaricek, R. (2020), "Mandatory home education during the COVID-19 lockdown in the Czech Republic: a rapid survey of 1st-9th graders' parents", *Frontiers in Education*, vol. 5: 103. DOI: 10.3389/educ.2020.00103.
4. Özüdoğru, G. (2021), "Problems faced in distance education during Covid-19 Pandemic", *Participatory Educational Research*, vol. 8, iss. 4, pp. 321–333. DOI: 10.17275/per.21.92.8.4.
5. Lee, J. (2020), "Mental health effects of school closures during COVID-19", *The Lancet Child & Adolescent Health*, vol. 4, pp. 912–920. DOI: 10.1016/S2352-4642(20)30109-7.
6. Rasmitadila, Aliyyah, R.R., Rachmadtullah, R. et al. (2020), "The Perceptions of primary school teachers of online learning during the COVID-19 Pandemic period: A case study in Indonesia", *J. of Ethnic and Cultural Studies*, vol. 7, no. 2, pp. 90–109. DOI:10.29333/ejecs/388.
7. Zhao, Y., Guo, Y., Xiao, Yu et al. (2020), "The Effects of Online Homeschooling on Children, Parents, and Teachers of Grades 1-9 During the COVID-19 Pandemic", *Medical Science Monitor*, vol. 26: e925591. DOI: 10.12659/MSM.925591.
8. Garrote, A., Niederbacher, E., Hofmann, J., Rösti, I. and Neuenschwander, M.P. (2021), "Teacher Expectations and Parental Stress During Emergency Distance Learning and Their Relationship to Students' Perception", *Frontiers in Psychology*, vol. 12: 712447. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.712447.
9. Abramova, M.A. (2021), "Digital transformation in the regions of Russia: estimates and reality", *Professional education in the modern world*, vol. 11, no. 3, pp. 11–22. DOI: <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2021-3-02>.
10. Zvyagintsev, R.S., Kersha, Yu.D. and Pinskaya, M.A. (2021), *Perekhod na distantsionnoe obrazovanie: detal'nyi razbor munitsipal'nogo keisa* [Transition to distance education: a detailed analysis of the municipal case], available at: https://ioe.hse.ru/sao_region (accessed 02.12.2022).
11. Saprykina, D.I. and Volokhovich, A.A. (2020), *Problemy perekhoda na distantsionnoe obuchenie v Rossiiskoi Federatsii glazami uchitelei* [Problems of transition to distance learning in the Russian Federation through the eyes of teachers], iss. 4 (29), HSE, Moscow, RUS.
12. Bezrukikh, M.M., Makarova, L.V., Paranicheva, T.M. et al. (2020), "Physiological and hygienic aspects of the organization of distance learning during the covid-19 pandemic (based on the results of a survey of parents and schoolchildren)", *New research*, no. 1 (65), pp. 33–49. DOI: 10.46742/2072-8840-2021-65-1-33-49.
13. Adams-Prassl, A., Boneva, T., Golin, M. and Rauh, C. (2020), "Inequality in the impact of the coronavirus shock: evidence from real time surveys", *J. of Public Economics*, vol. 189: 104245. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104245>.
14. Blundell, R., Costa Dias, M., Joyce, R. and Xu, X. (2020), "COVID-19 and inequalities", *Fiscal Studies*, vol. 41, iss. 2, pp. 291–319. DOI: 10.1111/1475-5890.12232.
15. Vetlitsyna, O.V., Aleksanyan, K.K., Kucherova, A., Moskaleva, D.A. and Peresetskaya, O.V. (2021), "Distance learning: the view of a schoolboy, parents, doctor", *Smolensk Medical Almanac*, no. 2, pp. 53–56. DOI: 10.37903/SMA.2021.2.11.
16. Bogomolova, E.S., Badeeva, T.V., Kotova, N.V. et al. (2020), "Hygienic aspects of distance education", *Problems of school and university medicine and health*, no. 3, pp. 35–39.
17. Kuchma, V.R., Sedova, A.S., Stepanova, M.I. et al. (2020), "Life and wellbeing of children and adolescents studying remotely during the epidemic of a new coronavirus infection (covid-19)", *Problems of school and university medicine and health*, no. 2, pp. 4–23.
18. Leonidova, G.V., Valiakhmetov, R.M., Baymurzina, G.R. and Babich, L.V. (2020), "Problems and Prospects of Distance Learning in the Estimates Provided by Teachers and Schoolchildren's Parents", *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 13, no. 4, pp. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.12.
19. Cui, Sh., Zhang, Ch., Wang, Sh. et al. (2021), "Experiences and Attitudes of Elementary School Students and Their Parents Toward Online Learning in China During the COVID-19 Pandemic: Questionnaire Study", *Medical Internet Research*, vol. 23, no. 5: e24496. DOI: 10.2196/24496.

20. Bansal, U., Ghate, Sw., Bhattacharya, P., Thapar, R.K. and Gupta, P. (2020), "Parental Perspectives on Remote Learning and School Reopening", *Indian Pediatrics*, vol. 57, no. 12, pp. 1177–1178. DOI: 10.1007/s13312-020-2075-4.

21. Mohan, A., Sen, P., Shah, Ch., Jain, E. and Jain, S. (2021), "Prevalence and risk factor assessment of digital eye strain among children using online e-learning during the COVID-19 pandemic: Digital eye strain among kids (DESK study-1)", *Indian J. of Ophthalmology*, vol. 69, no. 1, pp. 140–144. DOI: 10.4103/ijo.IJO_2535_20.

22. Agranovich, M.L. and Dreneva, A.A. (2020), "Organization of education in a pandemic. The practice of OECD countries", *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of socio-economic development], vol. 9 (111), Fond "Institut ekonomicheskoi politiki im. E. T. Gaidara", Moscow, RUS, pp. 134–150.

23. Zolotareva, A.V. (2020), "Education system readiness to switch to a remote mode of work: pandemic lessons reflection", *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 2 (119), pp. 8–18. DOI: 10.20323/1813-145X-2021-2-119-8-18.

24. Leonidova, G.V., Valiakhmetov, R.M., Baimurzina, G.R. and Babich, L.V. (2020), "Problems and prospects of distance learning in the estimates provided by teachers and schoolchildren's parents", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 13, no. 4, pp. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.12.

25. Setko, I.M. and Setko, N.P. (2018), "Modern problems of health status of schoolchildren in conditions of integrated influence of factors of environment", *Orenburg Medical Herald*, no. 2 (22), pp. 4–13.

Information about the authors.

Maria A. Abramova – Dr. Sci. (Pedagogy, 2004), Professor (2019), Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of more than 400 scientific publications. Area of expertise: sociology of education, cross-cultural studies, study of problems of adaptation of youth, models of multiculturalism.

Roman V. Kamenev – Can. Sci. (Pedagogy, 2018), Docent (2020), Director of the Institute of Physical, Mathematical, Information and Technological Education, Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuiskaya str., Novosibirsk 630126, Russia. The author of about 100 scientific publications and patents. Area of expertise: education, introduction of high technologies.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 13.02.2023; adopted after review 14.03.2023; published online 22.06.2023.*

Оригинальная статья
УДК 316.614
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-99-112>

Логические и исторические аспекты генезиса русской социологии (на примере Н. Я. Данилевского и Н. К. Михайловского)

Александра Вениаминовна Щербина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

Введение. В статье актуальная проблема национализации современной отечественной социологии связывается с прояснением логических и исторических аспектов генезиса русской социологии.

Методология и источники. Теоретическими источниками исследования послужили труды представителей русской традиции историографии социологических учений (Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, П. А. Сорокина) и современных российских историков социологии (А. И. Голосенко, Ю. Н. Давыдова). Для сравнительного анализа понятийно-категориального аппарата русской социологии используется потенциал биографического метода и привлекаются произведения Н. Я. Данилевского и Н. К. Михайловского. Эмпирическую базу составили материалы публичных дискуссий в российских медиа о национализации науки и образования, экспертные оценки. Используются методология социокультурного анализа, социального конструктивизма, типологический подход.

Результаты и обсуждение. В статье рассматривается связь теоретических построений первых русских социологов с их историческим видением и аксиологическим сознанием. В «парадигмальных личностях» Михайловского и Данилевского выразилось расщепление эмансипирующейся социальной мысли на науку и управленческую деятельность и на нравственно-педагогическую практику. Критика эволюционистско-прогрессистского прочтения формулы «Россия и Европа» Михайловским выражается в теоретическом различении типов и стадий социальной эволюции. Положенная в основание внерелигиозная нравственно-догматическая установка субъективной социологии сводит содержание этих категорий к комбинаторике показателей разделения/интеграции, однородности/разнородности. Декларируемая ею ориентация на нравственный идеал вызывала сочувствие русской интеллигенции, в отличие от идей Данилевского, – ученого, передового чиновника, макроэкономиста. Обосновывается актуальность разработанного им типологического подхода к мировой истории и метода моделирования сравнительных типов. Культурно-исторические типы – это деидеологизированные понятия, конструируемые для анализа исторических событий, построения моделей и сценариев взаимодействия «исторических индивидуальностей» и выделения существенных элементов потенциала их будущего развития.

Заключение. Новый этап во взаимодействии России и Европы характеризуется кризисом политической субъектности Европы, снижением ее роли в мир-хозяйственных связях. Обращение к началу русской социологии позволяет выделить точки расхождения в постановках вопроса о типе субъектности России, соразмерном ее природному и культурному потенциалу, и направлениях поиска ответа.

© Щербина А. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Россия и Европа, Н. Я. Данилевский, Н. К. Михайловский, типы и стадии социальной эволюции, историческая индивидуальность, культурно-исторический тип, субъективный метод, нравственный идеал

Для цитирования: Щербина А. В. Логические и исторические аспекты генезиса русской социологии (на примере Н. Я. Данилевского и Н. К. Михайловского) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 99–112. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-99-112.

Original paper

Logical and Historical Aspects of the Genesis of Russian Sociology (on the Example of N.Ya. Danilevsky and N.K. Mikhailovsky)

Alexandra V. Shcherbina

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

Introduction. In the article, the actual problem of the nationalization of modern Russian sociology is associated with the clarification of the logical and historical aspects of the genesis of Russian sociology.

Methodology and sources. The theoretical sources of the study were the works of representatives of the Russian tradition of the historiography of sociological doctrines (N.I. Kareev, M.M. Kovalevsky, P.A. Sorokin) and modern Russian historians of sociology (A.I. Golosenko, Yu.N. Davydov). For a comparative analysis of the conceptual and categorical apparatus of Russian sociology, the potential of the biographical method is used and the works of N.Ya. Danilevsky and N.K. Mikhailovsky are involved. The empirical base was made up of materials of public discussions in the Russian media on the nationalization of science and education, and expert assessments. The methodology of socio-cultural analysis, social constructivism, typological approach is used.

Results and discussion. The article deals with the connection of the theoretical constructions of the first Russian sociologists with their historical vision and axiological consciousness. In the “paradigm personalities” of Mikhailovsky and Danilevsky, the splitting of the emancipating social thought into science and managerial activity and moral and pedagogical practice was expressed. Criticism of the evolutionist-progressive reading of the formula “Russia and Europe” by Mikhailovsky is expressed in the theoretical distinction between types and stages of social evolution. The non-religious moral and dogmatic attitude of subjective sociology laid at the foundation reduces the content of these categories to the combinatorics of indicators of division/integration, homogeneity/heterogeneity. Her declared orientation towards the moral ideal aroused the sympathy of the Russian intelligentsia, in contrast to the ideas of Danilevsky, a social thinker, an advanced official, and a macroeconomist. The relevance of the typological approach to world history developed by him and the method of modeling comparative types are substantiated. Cultural-historical types are de-ideologized concepts designed to analyze historical events, build models and scenarios for the interaction of “historical individuals” and highlight the essential elements of the potential for their future development.

Conclusion. A new stage in the interaction between Russia and Europe is characterized by a crisis of Europe's political subjectivity, a decrease in its role in world economic relations. Turning to the origins of Russian sociology allows us to identify points of divergence in the formulation of the question of the type of subjectivity in Russia, commensurate with its natural and cultural potential, and in the directions of the search for an answer.

Keywords: Russia and Europe, N.Ya. Danilevsky, N.K. Mikhailovsky, types and stages of social evolution, historical individuality, cultural-historical type, subjective method, moral ideal

For citation: Shcherbina, A.V. (2023), "Logical and Historical Aspects of the Genesis of Russian Sociology (on the Example of N.Ya. Danilevsky and N.K. Mikhailovsky)", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 99–112. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-99-112 (Russia).

Введение. Призывы к обновлению общественно-политического дискурса звучат сегодня в академическом сообществе, СМИ и социальных медиа. Они синхронизированы с заявлениями о необходимости национализации капиталов, элит, образования. В этом контексте актуализируется запрос и на национализацию отечественной социологии. С. А. Кравченко полагает, что в условиях геополитических вызовов нам необходима «суверенизация отечественной социологии, понимаемая как национально ориентированные междисциплинарные теории» [1, с. 51].

Вопрос о национализации русской социологии уже поднимался. Показательна полемика сторонников и скептиков национальной социологии десятилетней давности. В ней приняли участие видные отечественные социологи (обзор заявленных позиций см. [2]). Впрочем, в ходе дискуссии оппоненты были согласны, что «ориентация на тот или иной теоретико-методологический стандарт ни при каких обстоятельствах не может заглушить уникальность социального опыта» [3, с. 24]. Ю. Г. Волков отмечает, что «такая постановка вопроса актуализирована не только в отечественном, но и в современном зарубежном научном дискурсе» [2, с. 35].

Как своевременно напоминает Л. А. Козлова: «Образ прошлого социологии влияет на ее самоидентификацию и развитие, на самосознание социологов, на интерес к ней новых поколений исследователей, на престиж в обществе и авторитет в мировой науке [4, с. 102]. Разделяемые социальными мыслителями ориентации на определенные теоретико-методологические стандарты, их продвижение, институционализация, критика, в свою очередь, составляют часть уникального социального опыта. Осмысление (и переосмысление) этого опыта позволяет прояснить возможности социологического мышления, которые заявили о себе «в начале» русской социологии, но были сначала заглушены, а затем и вытеснены из утилитарно-реалистического, подчиненного схемам марксизма-ленинизма, дискурса и из центра общественного сознания.

Методология и источники. Значимым методологическим и мировоззренческим источником для современной отечественной социологии может быть так называемая русская социология. Прояснение логических и исторических аспектов генезиса русской социологии в ее связи с состоявшимися и только формирующимися исследовательскими направлениями – историческими, геополитическими, политико-правовыми, экономическими, демографическими, статистическими – предполагает анализ понятийно-категориального аппарата, создаваемого первыми русскими социологами (социальными мыслителями, публицистами) в атмосфере острой полемики, ставшей возможной в эпоху реформ и в пореформенной Российской империи. Особенности теоретико-методологических предпочтений русских социальных мыслителей («стандартов», о которых шла речь выше) во многом определялись их видением иерархии значимости для России тех или иных социальных вопросов.

Обращение к своим культурным традициям диктуется актуальной повесткой – сегодняшним противостоянием России и Европы. Неслучайно в выступлениях официальных

лиц, президента РФ появились такие социогуманитарные конструкции, как «самобытная цивилизация» [5]. Цивилизация как «культурная общность наивысшего ранга», «конфликт цивилизаций» – эти понятия стали особенно популярными в 90-е гг. XX в. с легкой руки С. Хантингтона и вышли далеко за пределы академического интереса. Приоритет в постановке задачи выразить средствами науки проблему единства человеческого рода и многообразия человеческих путей в истории принадлежит автору книги «Россия и Европа» – Н. Я. Данилевскому. Он сформулировал ее задолго до О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби, развивая типологический подход к мировой истории.

Результаты и обсуждение. В 90-е гг. XX в. казалось, что в формуле «Россия и Европа» «и» может быть прочитано как «вместе» («от Лиссабона до Владивостока» – авторство образа принадлежит Данилевскому). Россия и Европа, характер их связи, способы их взаимодействия стремительно меняются. Вместо «и» – «или», «против», «без»... Сегодня вменяется разочарование в Европе, во многом вынужденное, отягощенное рессентиментом, сопровождаемое угрозой изоляции, опасностью чрезмерной азиатизации России.

Тема самоопределения России стала насущной не только для богемно-элитарного мышления, но и для массового, обыденного сознания. Эволюционизм и прогрессизм классической западной социологии благодаря «социологическому просвещению» глубоко проникли в социальные представления. Формула «Россия и Европа» зачастую читается так: догоняющая, модернизирующаяся, встраивающаяся, глобализирующаяся, т. е. отсталая, традиционалистская, внутренне расколота Россия и передовая, субъектная, задающая стандарт развитости Европа (Запад).

Н. Я. Данилевский был первым, кто деидеологизировал эту формулу. Он предложил концептуальные модели и аналитические перспективы, эвристически значимые для современного социально-гуманитарного знания, для обновления нашего социологического языка. Думается, что, отвечая потребностям кризисного массового сознания, уверенно диагностируемого социологами, они способны произвести и своего рода целительное воздействие на социальные представления.

Обращаясь к традиции, заявляя установку на возобновление прерванных традиций, мы не должны недооценивать роль личностей. Структура образованности в России, неразвитость институциональных условий, слабая преемственность научного поиска и условность научных школ порой мешают нам разглядеть масштаб фигур, находящихся как бы в тени. Согласно так называемой «русской традиции историографии социологических учений», восходящей к Н. И. Карееву, «первое социологическое направление в России получило название «субъективной социологии»» [6, с. 38]. Оно появилось во второй половине 1860-х гг. и было представлено П. Л. Лавровым, Н. К. Михайловским и С. Н. Южаковым.

«Классик» русского народничества, «властитель дум» русской интеллигенции Н. К. Михайловский обладал в русском обществе огромной и долгой популярностью. Значительно меньше повезло Н. Я. Данилевскому, автору книги «Россия и Европа». С ее первоначальной публикации прошло чуть более 150 лет. Сочинение автора было горячо поддержано друзьями (более всех – Н. Страховым), в дискуссию о высказанных в книге идеях вступили В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. И. Кареев. Н. К. Михайловский обратил внимание на методологическое значение труда Данилевского

для социологии. Ф. М. Достоевский высказался о том, что этому произведению необходимо стать «настойной книгой каждого русского человека».

В. Соловьев выдвинул критические возражения Данилевскому еще при его жизни и продолжил борьбу с его идеями, которые защищал Н. Страхов, после смерти ученого¹. Окруженный всеобщим признанием В. Соловьев отрицал сформулированные Данилевским новаторские подходы к социально-историческому процессу, обвиняя его в «национальном эгоизме». На фоне официальной «реакции», усилившейся при Александре III в 1880–1890-е гг., притязания на русскую самобытность заведомо подлежали негативной оценке, неизбежной со стороны нашей передовой интеллигенции. Все это сообщило фигуре ученого некоторую маргинальность. Он оказался не нужен и очень «не удобен» для соловьевского проекта «всемирной теократии», да и для любого другого проекта, призывающего русский народ к самопожертвованию ради достижения общечеловеческого блага. Что уж говорить о всемирных социал-демократических и коммунистических планах!

Критический анализ теории Дарвина, морфологический подход к органической эволюции, развиваемый Данилевским-биологом, были крайне враждебно восприняты нашими дарвинистами, и прежде всего К. А. Тимирязевым, который уже в 1865 г. издает «Краткий очерк теории Дарвина». Высокая оценка В. И. Лениным мировоззренческого значения теории Дарвина, критика К. А. Тимирязева, отвечающая официальной советской атеистической идеологии, надолго предопределили отношение к труду Данилевского «Дарвинизм» как к образчику «обскурантизма» – его просто не упоминали. Данилевский был аттестован националистом, шовинистом, панславистом и надолго почти забыт в России. Публикация «России и Европы» в 1991 г. и других работ ученого, современные отечественные и зарубежные исследования его наследия (например, в КНР [9]) меняют восприятие его идей, прогнозов, оценки его личности.

Обращение к творчеству Данилевского как к актуальному для нас мировоззренческому и методологическому источнику осмысления современного мира вызвано тем, что сама его личность убедительно демонстрирует, насколько теоретические построения социологии связаны с историческим видением исследователя и его аксиологическим сознанием. Рискнем предположить, что Данилевский, как и Михайловский, является для отечественной социологии своего рода «парадигмальной личностью» (определение К. Мангейма).

Н. Я. Данилевский не был «интеллигентом», т. е. носителем сущностных признаков этого социального слоя – идейности и беспочвенности. Начав в 1849 г. службу титулярным советником, в 1874 г. по совокупности трудов в Министерстве государственных имуществ он был произведен в Тайные советники. Таковых в российских гражданских ведомствах в то время насчитывалось всего около 500 чел. Впечатляющая восходящая мобильность бывшего участника собраний у Петрашевского и узника Петропавловской крепости²!

Сын генерала, отличившегося в Отечественной войне 1812 г., выпускник Царскосельского лицея, биолог, соратник великого Карла Берга, организатор и руководитель экспедиций для инвентаризации природных богатств России и определения условий и мер по их

¹ Интерес к полемике Соловьева и Данилевского сохраняется, представлены существенно различающиеся критические позиции. См. [7, 8].

² Жизненный путь Данилевского наиболее полно освещен в монографии Б. П. Балуева [10].

воспроизводству. Он исследовал рыбные запасы и промыслы в реках Волге и Урале, в Каспийском, Черном и Азовском морях, в дельте Кубани, в Белом море и в водах Архангельской губернии, Псковском и Чудском озерах.

Все законодательство о рыболовстве и рыбных промыслах в России во второй половине XIX в. было разработано на основе предложений Н. Я. Данилевского. Его научно-исследовательские работы 60–80-х гг. («Несколько мыслей по поводу упадка кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности» 1867 г.; «Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов» 1883 г. и др.) имели, как мы сегодня сказали бы, экологическую и практико-экономическую направленность. Не будет натяжкой утверждать, что он явился и своего рода полевым социологом. Опираясь на доступную статистику и собранную в экспедициях информацию, Н. Я. Данилевский приводит доказательства необходимости для России протекционизма, укрепления финансовой системы, ряда социально-экономических мер по ликвидации дефицита в бюджете [11].

Книга «Россия и Европа» у современного читателя вызывает сильный эмоциональный отклик. То, что в 60-е гг. XIX в. казалось прочным и даже образцовым (добровольное соединение Малороссии с Россией), сегодня разрушается... Идеи о славянском союзе и роли в нем России выглядят утопией. Так оно и есть: утопии – это «эйдосы» конструктивного сознания, и они «работают» (как убедительно показал К. Мангейм на примере утопии раннего либерализма). При этом и тематические рубрики «Европа не признает нас своими», «Либерализм России не уменьшает вражды к ней», «Россия не может быть членом европейской политической системы», «Смотрение на дела России сквозь европейские очки», и целые страницы текста читаются так, будто они написаны сегодня.

Русско-турецкие войны, горькие уроки Крымской войны, подавление восстания в Польше в 1863–1864 гг.; присоединение Туркестанского края в 1865–1867 гг.; войны Пруссии и Италии против Австрии; Венский мир Австрии с Италией и присоединение Венецианской области к Италии; образование в 1867 г. Австро-Венгерской монархии и Северогерманского союза; славянский съезд в Москве в том же году. В контексте этих событий Данилевский заявляет актуальную до сих пор политическую повестку: Российская империя как автономный самодостаточный субъект (в географическом, ресурсном, хозяйственном, культурно-мировоззренческом аспектах) и соседствующая с ней и одновременно противодействующая ей Европа. В книге развернут социально-политический анализ исторических событий, преимущественно за истекшие 200 лет. Автор показывает, как формировались нерусские провинции России в Средней Азии, на Кавказе, в Закавказье, в Восточной и Северной Европе (Прибалтика, Финляндия, Польша). И какого перераспределения ресурсов в ущерб основным русским губерниям это потребовало. Проводится сравнение с колониальной политикой всех европейских империй. В результате доказывается, что войны, которые сопровождали присоединение российских провинций, были со стороны России не захватническими, а оборонительными.

Данилевский анализирует складывающееся международное разделение труда. Обращает внимание на преимущества, которые получают и сознательно (на уровне долгосрочной государственной политики) закрепляют явные лидеры мировой торговли, в первую очередь,

Англия. За счет колониального захвата Индии и Юго-Восточной Азии она извлекает все выгоды своего положения метрополии – максимально низкую цену на сырье и полуфабрикаты, обеспечивая масштабный промышленный переворот, создавая железные дороги, парусный и паровой флот. Исчерпание своей земли и почвы решается расширением за счет чужой. Современные данные исторической экономической статистики свидетельствуют о том, что совокупный ВВП Индии и Китая к концу XVIII в. превышал половину общемирового. Пирамида переворачивается за сто лет в пользу Англии и Франции, а затем и США за счет монополии на мировую торговлю.

В эпоху реформ в России все пришло в движение. Стала возможной критика правительства, публичные споры о перспективах самоопределения России в новую эпоху. Обсуждение социологических вопросов велось в «передовой журналистике» и было тесно связано с протестными настроениями и революционными движениями. Принятие «Временных правил о цензуре и печати» 1865 г., покушение Д. Каракозова на Александра II в 1866 г., закрытие в том же году журналов «Современник» и «Русское слово», появление «Отечественных записок» Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. К. Михайловского в 1868 г. и публикация «Исторических писем» П. Л. Лаврова, создание Первого Интернационала в 1864 г., выход первого тома «Капитала» К. Маркса в 1867 г., – все это обсуждалось в русском обществе. В этом полемическом контексте и складывается понятийно-категориальный аппарат русской социологии.

Н. К. Михайловский, типичный интеллигент, публицист, литературный критик, «народник», связанный с революционной организацией «Народная воля», и исследователь-естественник, чиновник и управленец Данилевский – оба пытаются осмыслить ход истории и место в ней России. Проблема России и Европы для Михайловского не менее животрепещуща. Но как различны предметы их внимания!

Михайловский, размышляя о социалистических перспективах России и о возможности миновать для нее капиталистическую стадию, видит альтернативу. «Можно требовать для России буквального повторения истории Европы в экономическом отношении: отнять у мужика землю и отправить его на фабрики, свести всю обрабатывающую промышленность в города, а сельскую предоставить мелким или крупным землевладельцам – не земледельцам. Таким путем различные общественные функции благополучно обособятся. Но можно представить себе и другой ход вещей. Можно представить себе поступательное развитие тех самых экономических начал, какие и теперь имеют место на громадном пространстве империи. Это будет, разумеется, опыт небывалый, но ведь мы и находимся в небывалом положении. Мы представляем собой народ, который был до сих пор, так сказать, прикомандирован к цивилизации. Мы владеем всем богатейшим опытом Европы, ее историей, наукой, но в то же время сами только оцарапаны цивилизацией... Мы успели вдоволь насмотреться на чужую историю и можем вести свою собственную вполне сознательно, – преимущество, которым в такой мере ни один народ в мире до сих пор не пользовался» [12, с. 823].

«Сознательно вести свою историю» – какое притязание! Даже радикальный К. Маркс полагал, что для прыжка в царство свободы должны «созреть» объективные предпосылки... Социалист-утопист воодушевлен идеей о свободном выборе идеала общественного развития, который призвана реализовать передовая интеллигенция. Он чает «освобождения

народа», индивидуальной свободы, гарантированной институционализацией политических и правовых свобод. Его внимание направлено на город, промышленный капитал, наемный труд. Внимание Данилевского – на природу и душу: климат, традиции землепользования, масштабы природных запасов, формы организации хозяйственной жизни, расширенное воспроизводство ресурсов и этнографические, социально-психологические, культурные характеристики русского народа. Значение таких факторов, как ресурсы и территория, с одной стороны, и культурно-исторические характеристики сообществ – с другой, сегодня осознается заново.

В самих личностях Михайловского и Данилевского, в их жизненных путях, в занимаемых ими гражданских позициях характерно выразилось расщепление эмансипирующей социальной мысли на науку, ее практические приложения, управленческую деятельность, с одной стороны, и своего рода нравственно-педагогическую практику – с другой.

Жизнь и труды у каждого нераздельны, подчинены попечению о благе России. Данилевский простодушно служит отечеству – народу и его государству. Поясняет, что для решения государственных, общественно значимых (народнохозяйственных) задач нужны теоретические обобщения, опирающиеся на систематические наблюдения, требуется огромный объем эмпирических сведений. Обязательна опора на статистику и количественные методы («при одном качественном анализе явлений, как бы он ни был тонок, выводы, на нем основанные, всегда будут шатки» [11, с. 314]). Для Михайловского служение народу – это учительство и водительство. Субъектностью обладает только интеллигенция, а народ – объект воспитания и проповеди. Задача социального мыслителя – создать эйдос – прообраз идеологии. Разумеется, он должен быть последовательным и воинствующим в отстаивании своего идеала.

Приведем характерное суждение Михайловского, который вспоминает свои опыты «приложения молодых сил», свои «первые стычки с насилием и своекорыстием». «Есть общественные вопросы, очень сложные в своих подробностях и разветвлениях, но теоретически легко формулируемые, по крайней мере, в своих исходных точках» [13, с. 217]. Такой исходной точкой для Михайловского был идеал «двуединой правды» – «истины-справедливости». Верность ему – в «борьбе за индивидуальность» против любого общественного строя, утесняющего личность. Составной частью этой борьбы выступает и социология как наука о формах общественного сотрудничества, с которыми связана судьба личности. В обществе разделенного труда, враждебном гармоничной всесторонне развитой личности, объективность социального познания – вредный самообман, разделяемый и органической теорией Спенсера, и экономической «гипотезой» Маркса (так Михайловский подчеркнуто называл это учение). Обе эти теории обосновывают закономерность специализации и обеднения личности. Им-то Михайловский и противопоставляет так называемый субъективный метод в социологии. В чем же суть этого метода? И как нравственная позиция, разделяемый исследователем нравственный идеал могут выступить «методом»?

Логическую путаницу, связанную с интерпретацией субъективного метода в социологии, пытается устранить С. Н. Южаков, сочувственно к нему относящийся. Основные поправки Южакова сводятся к следующему. Субъективная школа не призывает к отказу от применения общенаучных методов исследования: исторические явления индивидуальны,

неповторимы, как данные факты, но как факты данного рода вполне повторяемы. Предвзятость свойственна не только социальным мыслителям, но и любому исследователю, который связан предрассудками эпохи, моральными убеждениями и заблуждениями, разделяемой теоретической позицией.

В истории действуют люди, преследующие цели, а потому общественные явления подлежат нравственной оценке. Соглашаясь, Южакوف полагает, что нравственная оценка не исключает задачи установления причинных связей в общественном знании, хотя и усложняет ее. Во внимание приходится принимать все смыслы понятия причины, выявленные еще Аристотелем, но нет никакого резона отказываться от рациональных критериев, от логоса. Положенная в основание субъективной школы «глубоко истинная идея о значении нравственной доктрины в социологии» признается, но отмечается, что сама нравственная доктрина должна получить научную социологическую интерпретацию. В самом деле: если мы отказываемся от религиозно-догматического обоснования нравственного идеала, рассматриваем «нравственность как продукт приспособления жизни к условиям общественности», то тем самым признаем, что нравственный идеал формируется в самой общественной жизни и получает выражение в «началах, которыми должна руководиться личность в ее отношении к обществу» [14, с. 38] (подлежащему при этом объективному анализу).

Несмотря на логическую виртуозность Южакова, внутреннее противоречие «субъективного метода» не разрешилось. Интереснейшая проблема связи аксиологического сознания исследователя (практика, общественного деятеля, политика и т. п.) с методом – постановкой познавательных задач, направлением научного поиска, над которой бился позднее М. Вебер, намечена, но не продумана. Социологическое же истолкование нравственности, порвавшее с религиозной почвой, не освободилось от догматизма, только иного рода.

Примем, что «нравственное есть не более, как истинные начала общественности, т. е. наиболее полно приспособленная жизнь к условиям социального существования». Но нравственный идеал может быть осуществлен только целостной личностью, которая его сознательно исповедует («с религиозною преданностью» – Михайловский). Только сознательно волимый и творимый общественный строй удовлетворяет личность, жаждущую истины-правды. Гражданское служение, политическая, партийная, революционная деятельность вытекают из моральной установки личности и имеют нравственное значение исключительно в силу их осознанности. Отметим внутреннее противоречие внерелигиозной нравственно-догматической позиции: нравственность имеет общественное содержание (однородное общество с развитой индустрией), но зависит от моральной установки, согласно которой только сознательно организуемое общество удовлетворяет свободную индивидуальность.

У Данилевского (исключительно яркая индивидуальность!) никакой озабоченности «борьбой за индивидуальность» не наблюдается. Как и претензий прилагать свой «нравственный идеал» (это «правила христианской нравственности», смиренно разделяемые с православием) в качестве мерила для оценки типов и стадий истории.

Интенсивность отношений Европы и России во второй половине XIX в. определяется не только соперничеством на международной арене, но и мощным воздействием западноевропейской науки и общественной мысли на идейные поиски русской интеллигенции и теоретические построения первых русских социологов. Не будет преувеличением утверждать,

что «английское направление обществоведения экономического толка» (Кареев), немецкая метафизика и французский социальный утопизм – «три источника» не только марксизма, но и всей русской социологии.

Общепризнанно влияние на зарождающуюся социологию теории Дарвина. Ее приложение к человеческому обществу (то, что позднее было названо социал-дарвинизмом) в учениях Конта и Спенсера, делаемые из них выводы, в том числе социалистические, заняли центральное место в нарождающейся социологической литературе пореформенной России. Соответствие социальной теории образцу научности обосновывалось именно опорой на открытые Дарвином законы эволюции. А. Б. Гофман справедливо замечает: «Было бы, однако, ошибочно видеть истоки социального дарвинизма только в теории биологической эволюции и считать его простым продолжением этой теории... Необходимо отметить, что биологическому редуccionизму <...> предшествовал социальный редуccionизм в теориях биологической эволюции. В данном случае мы видим любопытный пример «путешествия» понятий из сферы социального знания в естественнонаучное и обратно. Известно, что понятие “борьба за существование” Дарвин заимствовал у английского экономиста Томаса Мальтуса» [15, с. 130]. Заметим, что последний оказал и продолжает оказывать мощное влияние на английскую и вообще западную социальную мысль, вплоть до ее поздних плодов – трансгуманизма.

Говоря об историческом процессе, Н. Я. Данилевский впервые высказал мысль о различии не только степеней, ступеней, но и типов развития человеческих сообществ. Для постижения социально-исторического мира в его вариативности первостепенное значение имеет конструирование культурно-исторических типов. «Без подобного же различения – степеней развития от типов развития – невозможна и естественная группировка исторических явлений» [16, с. 71].

Это различие типов и степеней подхватили народники: хотя Россия и уступает некоторым европейским странам по степени развития, но по типу своего развития (имелись в виду прежде всего элементы общинного и мирского самоуправления), несомненно, превосходит их. Н. К. Михайловский сообразно своим убеждениям относительно социалистического будущего России и Европы в «Записках профана» пишет: «Европейские массы, равно как и лучшие умы в Европе, чем дальше, тем больше тяготеют к тому типу общественного строя, частное выражение и невысокую степень развития которого представляет наша община» [17, с. 761]. Своеобразие национально-государственного пути России в таких категориях обсуждать невозможно. Михайловский – атеист, народник и социалист-утопист – здесь близок к религиозному философу, стороннику всемирной теократии В. Соловьеву.

И Данилевский, и Михайловский различают типы и стадии. Культурно-исторические типы Данилевского – индивидуализирующие понятия для постижения истории. Типы и стадии Михайловского – универсальные понятия, описывающие социальную эволюцию. Их содержание определяется комбинаторикой значений переменных интегрированности – дифференцированности и однородности-разнородности.

«Культурно-исторические типы» – это особенные понятия, создаваемые для постижения исторических индивидуальностей. Историческое бытие присуще только тому, что временно в своей основе, – индивидуальности. Только она и совершает свою собственную

историю, осуществляет себя, сбывается (а не «имеет историю»). Историческая индивидуальность и есть подлежащее всех исторических суждений. История в этом смысле – межличностная, интересубъективная реальность, а типологические понятия – только конструкции, необходимые для того, чтобы уловить взаимодействие множества индивидов во времени и пространстве индивидуальных событий.

Данилевский был первым в ряду сторонников индивидуализирующего метода. Позднее идея исторической индивидуальности стала предметом методологической рефлексии неокантианцев и получила свое развитие в XX в. Типологический подход получил всестороннее обоснование в творчестве М. Вебера и его многочисленных последователей.

В противоположность абстрактному универсализму всемирно-исторической точки зрения и опирающейся на нее идеи социальной эволюции типологический подход позволяет осмысливать случайности и конкретно-исторические подробности, отображать значимые характеристики индивидуальных явлений, сопоставлять и обобщать их, не увязая в локальных исследованиях. Важно и то, что типологические понятия направлены на деидеологизацию, элиминирование идеологической заряженности (позитивной и негативной) предмета исследования. Это касается и понятия прогресса: «Прогресс <...> состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях» [16, с. 109].

Классическая социология сформировалась как наука в качестве теории возникновения современного индустриального общества в социальных образованиях традиционного типа и в противоположность им. Процесс модернизации осмыслен в ней как закономерная социальная эволюция. Не божественный промысел и откровение, а открываемые наукой закономерности определяют поток всемирной истории. Его изображения в классической социологии способствовали отождествлению истории и социальной эволюции, а впоследствии оформлению так называемого «историцизма» (К. Поппер). История предстала неким субъектом. Народы, действующие лица – орудиями реализации благих прогрессивных целей. Идея провиденциальной разумной необходимости, истолкование настоящего как истины прошлого и высокомерно-скептическое отношение к нереализованным возможностям – характерные черты своего рода «культы истории» как разновидности религии «человекобожества». К чести русской социальной мысли принадлежит то, что при всей популярности эволюционизма, порождаемого им схематизма и гражданских религий разного толка, в ней было отчетливо сформулировано неприятие отождествления истории с социальной эволюцией, скептицизм относительно предопределенности и обязательности прохождения всех стадий, ступеней и фазисов, уже достигнутых наиболее продвинутыми обществами, и самостоятельно сформулирована задача научного осмысления проблемы исторической индивидуальности.

Данилевского можно считать «пионером» синкретического метода исследования социально-исторических процессов – метода моделирования сравнительных типов. Мирозренческим основанием определения и выбора движущей силы и образца для «равнения» у Данилевского выступает не «автономный индивид», не свободная, творческая, имущая личность современного ему гражданского общества Франции и Англии, а национально-государственная культурно-историческая общность. Таким образом, вся известная и мыслимая

история понимается не как отдельный субъект, но и не только как сумма действий отдельных индивидов в разные исторические периоды («эпохи»), но как зарождение, становление, накопление сил, расцвет и увядание своеобразных цивилизаций. Вся проблематика, обсуждаемая в пореформенную эпоху в России 60–70-х гг. XIX в. в категориях долженствующих законодательно-управленческих норм формирования личности, ее прав и свобод, Данилевским признается, но фактически оказывается вторичной в поле его интересов и приоритетов.

Он предстает для нас, во-первых, как крупный социальный мыслитель, основоположник методологии анализа культурно-исторических типов. Как передовой чиновник правительства, разработчик долгосрочной экономической политики в части защиты национального рынка, расширения дешевого кредита в передовых отраслях. Наконец, как макроэкономист, статистик и учетчик, создающий систему базового знания о национальном богатстве страны (лес и рыба) и мерах по их воспроизводству.

Оригинальность подхода к осмыслению социально-исторического процесса в первую очередь проявляется в разрабатываемой Данилевским методологии: в определении объекта исследования и разработке категориально-понятийной структуры его анализа. Это можно назвать эволюционно-циклической системой жизни и смерти организмов, описываемой по аналогии с представлениями современных ему палеонтологии, ботаники, зоологии. Для обсуждения форм взаимодействия и взаимовлияния народов разных культурно-исторических типов в основном используются селекционно-ботанические аналогии: растение – почва, привитая культура – дичок, пересадка, удобрение и т. п. Думается, такие аналогии не определяют биологического редукционизма. У нас один язык для описания мира природы и мира человека, так что его метафоричность неизбежна. Ближайший пример так называемой мертвой метафоры – «культура».

Заключение. В заключение выскажем важное методологическое соображение: культурно-исторический тип – не реальный действующий субъект. Данилевский порой отождествляет культурно-исторический тип и самобытную цивилизацию. Но доминирующим выступает использование культурно-исторических типов в качестве идеально-типических понятий, пригодных как для анализа исторических событий, так и для построения моделей и сценариев того образа действий, которого Россия должна держаться.

Данилевский предвидел превращение Европы в политическое наднациональное образование. Рассматривая Россию в качестве «равновеликой» Европе, он ставит вопрос, для нас сегодня животрепещуще значимый: какой тип субъектности соразмерен природному и культурному потенциалу России? Обращение к началу русской социологии позволяет выделить точки расхождения в постановках вопроса и направлениях поиска ответа на него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кравченко С. А. Геополитические вызовы и отечественная социология // Социол. исслед. 2023. № 2. С. 51–62. DOI: 10.31857/S013216250022096-8.
2. Волков Ю. Г. Книга В. И. Добренькова «Ценностноориентированная социология: проблемное поле постнеклассической социологии» (рецензия) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 30–36.
3. Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социол. журн. 1997. № 1–2. С. 5–37.

4. Козлова Л. А. К вопросу о методологии историографий в истории социологии // Социол. исслед. 2022. № 12. С. 101–112. DOI: 10.31857/S013216250022701-4.
5. Послание Президента Федеральному собранию РФ // Президент России. 21.02.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565#:~:text=http%3A//kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 15.03.2023).
6. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
7. Кантор В. К. Владимир Соловьев о соблазне национализма // Соловьевские исследования. 2010. № 4 (28). С. 35–47.
8. Балугев Б. П. Книга «Россия и Европа» – новое слово в историософии // Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь: ИД «Булат», 2001. С. 84–193.
9. Ли Хайянь. Наследие Н. Я. Данилевского в Китае: историографический очерк // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2009. № 4. С. 18–26.
10. Балугев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь: ИД «Булат», 2001.
11. Данилевский Н. Я. Сборник политических и экономических статей. СПб.: Издание Н. Страхова, 1890.
12. Михайловский Н. К. Из литературы и журнальных заметок 1872 и 1873 гг. // Сочинения Н. К. Михайловского. Т. I. СПб.: Книгоиздательство «Русское богатство», 1906. С. 649–986.
13. Михайловский Н. К. Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995.
14. Южаков С. Н. Субъективный метод в социологии // Антология русской классической социологии: тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С. 30–50.
15. Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. М.: Книжный дом «Университет», 1999.
16. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
17. Михайловский Н. К. Записки профана / Сочинения Н. К. Михайловского. Т. III. СПб.: Издание редакции журнала «Русское богатство», 1897. С. 275–904.

Информация об авторе.

Щербина Александра Вениаминовна – кандидат философских наук (1989), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социальное воспроизводство, социализация, социальный конфликт.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.03.2023; принята после рецензирования 03.04.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.*

REFERENCES

1. Kravchenko, S.A. (2023), "Geopolitical Challenges and Russian Sociology", *Sociological Studies*, no. 2, pp. 51–62. DOI: 10.31857/S013216250022096-8.
2. Volkov, Yu.G. (2012), "The book of Dobrenkov V.I. value-oriented sociology (book review)", *Moscow State Univ. Bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science*, no. 2, pp. 30–36.
3. Filippov, A.F. (1997), "On the concept of "theoretical sociology"", *Sociological J.*, no. 1–2, pp. 5–37.
4. Kozlova, L.A. (2022), "On the methodology of historiographies in the history of sociology", *Sociological Studies*, no. 12, pp. 101–112.
5. "Address of the President to the Federal Assembly of the Russian Federation" (2023), *President of Russia*, 21.02.2023, available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565#:~:text=http%3A//kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (accessed 15.03.2023).

6. Kareev, N.I. (1996), *Osnovy russkoi sotsiologii* [Foundations of Russian Sociology], Izd-vo Ivana Limbakha, SPb., RUS.
7. Kantor, V.K. (2010), "Vladimir Solovyov on the temptation of nationalism", *Solovyov Studies*, no. 4 (28), pp. 35–47.
8. Baluev, B.P. (2001), "The book "Russia and Europe" – a new word in historiosophy", *Spory o sud'bakh Rossii: N. Ya. Danilevskii i ego kniga "Rossiya i Evropa"* [Disputes about the fate of Russia: N. Ya. Danilevsky and his book "Russia and Europe"], ID "Bulat", Tver, RUS, pp. 84–193.
9. Lee Hayan (2009), "The legacy of N.Ya. Danilevsky in China: a historiographical essay", *Moscow Univ. Bulletin. Ser. 7. Philosophy*, no. 4, pp. 18–26.
10. Baluev, B.P. (2001), *Spory o sud'bakh Rossii: N. Ya. Danilevskii i ego kniga "Rossiya i Evropa"* [Disputes about the fate of Russia: N. Ya. Danilevsky and his book "Russia and Europe"], ID "Bulat", Tver, RUS.
11. Danilevskii, N.Ya. (1890), *Sbornik politicheskikh i ekonomicheskikh statei* [Collection of political and economic articles], Izdanie N. Strakhova, SPb., RUS.
12. Mikhailovskii, N.K. (1906), "From the literature and journal notes of 1872 and 1873", *Sochineniya N.K. Mikhailovskogo* [Works of N.K. Mikhailovsky], vol.1, Knigoizdatel'stvo "Russkoe bogatstvo", SPb., RUS, pp. 649–986.
13. Mikhailovskii, N.K. (1995), *Literaturnaya kritika i vospominaniya* [Literary criticism and memoirs], Iskusstvo, Moscow, RUS.
14. Yuzhakov, S.N. (1995), "Subjective method in sociology", *Antologiya russkoi klassicheskoi sotsiologii: teksty* [Anthology of Russian classical sociology: texts], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, RUS, pp. 30–50.
15. Gofman, A.B. (1999), *Sem' Inetsii po istorii sotsiologii* [Seven lectures on the history of sociology], Knizhnyi dom "Universitet", Moscow, RUS.
16. Danilevskii, N.Ya. (1991), *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe], Kniga, Moscow, RUS.
17. Mikhailovskii, N.K. (1897), "Notes of a layman", *Sochineniya N. K. Mikhailovskogo* [Works of N.K. Mikhailovsky], vol. III, Izdanie redaktsii zhurnala "Russkoe bogatstvo", SPb., RUS, pp. 275–904.

Information about the author.

Alexandra V. Shcherbina – Can. Sci. (Philosophy, 1989), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, social reproduction, socialization, social conflict.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.03.2023; adopted after review 03.04.2023; published online 22.06.2023.*

Оригинальная статья
УДК 316.4.051.62
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-113-133>

Социальные отношения ИТ-специалистов с другими профессиональными группами: сетевое моделирование и результаты эмпирического анализа

**Павел Петрович Дерюгин^{1✉}, Владимир Петрович Милецкий²,
Ольга Валерьевна Ярмак³, Олеся Сергеевна Баннова⁴,
Сергей Дмитриевич Куражев⁵**

¹Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

³Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

^{1,2,4,5}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>

²falesm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8938-4631>

³olga_yarmak@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5025-9112>

⁴bannova-o@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-3286>

⁵serga-98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8355-8457>

Введение. Отношения ИТ-специалистов с представителями других профессиональных групп выстраиваются по-разному – от сотрудничества до конфликтов. Важное практическое значение анализа проблемы – актуализация разработки теоретических и методологических оснований исследования и диагностики отношений ИТ-специалистов с представителями других социально-профессиональных групп на основе обращения к ценностям, что немаловажно для целостного понимания трендов развития социальной структуры современного общества.

Методология и источники. Мультипарадигмальная платформа работы формируется на идеях двух направлений. Во-первых, использованы фундаментальные положения теории П. А. Сорокина о социодинамике ценностей в процессе развития социума, идеи Д. А. Леонтьева о связях индивидуальных и групповых ценностей, подходы к построению методических процедур диагностики ценностей, изложенные в работах В. А. Ядова и Н. И. Лапина. Другая часть исследования формируется на положениях теории М. Грановетера о силе слабых связей. Методическая процедура исследования основана на технологиях оценивания актуальности профессий, предложенных Дж. Голландом.

Результаты и обсуждение. На основе сетевых моделей отношений ИТ-специалистов показано, что взаимодействие с профессионалами различных профессиональных групп осуществляется по-разному. Показаны профессиональные группы, с которыми у ИТ-специалистов складываются напряженные отношения, что обусловлено спецификой их профессиональных компетенций. Раскрыта социодинамика изменений профессиональных ценностей по мере изменения статусно-ролевых позиций ИТ-специалистов.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что отношения ИТ-специалистов с акторами других профессиональных групп внешнего социального взаимодействия выстраиваются противоречиво и неоднозначно. Отношения ИТ-специалистов

© Дерюгин П. П., Милецкий В. П., Ярмак О. В., Баннова О. С., Куражев С. Д., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

с представителями других профессий формируются, скорее, как отношения, ориентированные на разные ценности и переменные, и в этом смысле группа ИТ-специалистов может восприниматься как особый случай. В отличие от отношений внутри самой группы ИТ-специалистов, отношения с профессионалами других специальностей носят преимущественно ситуационный характер и скорее определяются какими-то конкретными условиями и обстоятельствами, конкретными людьми и специфическими факторами, чем единством или солидарностью в профессиональных ценностях и интересах.

Ключевые слова: профессиональные ценности и отношения, профессиональные группы, группы ИТ-специалистов, цифровое общество

Для цитирования: Социальные отношения ИТ-специалистов с другими профессиональными группами: сетевое моделирование и результаты эмпирического анализа / П. П. Дерюгин, В. П. Милецкий, О. В. Ярмак и др. // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 113–133. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-113-133.

Original paper

Social Relations of IT Professionals with Other Professional Groups: Network Modeling and Results of Empirical Analysis

**Pavel P. Deryugin¹✉, Vladimir P. Miletsky², Olga V. Yarmak³,
Olesya S. Bannova⁴, Sergei D. Kurazhev⁵**

¹*Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia*

^{1,2}*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

³*Sevastopol State University, Sevastopol, Russia*

^{1,2,4,5}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹✉ *ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>*

²*falesm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8938-4631>*

³*olga_yarmak@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5025-9112>*

⁴*bannova-o@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-3286>*

⁵*serga-98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8355-8457>*

Introduction. The relationship of IT specialists to representatives of other professional groups is built in different ways – from cooperation to conflicts. The important practical significance of the analysis of this problem actualizes the development of theoretical and methodological foundations for the study and diagnosis of relations between IT specialists and representatives of other socio-professional groups based on an appeal to values. This is important for a holistic understanding of the trends in the development of the social structure of modern society.

Methodology and sources. The multi-paradigm platform of work is formed on the ideas of two directions. Firstly, the fundamental principles of the theory of P.A. Sorokin on the sociodynamics of values in the process of social development are used; the ideas of D.A. Leontiev on the connections of individual and group values; approaches to the construction of methodological procedures for diagnosing values, set out in the works of V.A. Yadov and N.I. Lapin. Another part of the study is formed on the provisions M. Grannoweter's theory of the strength of weak ties. The methodological procedure of the study is based on the technologies for assessing the relevance of professions proposed by J. Holland.

Results and discussion. On the basis of network models of relations between IT specialists, it is shown that interaction with professionals of various professional groups is carried out in different ways. The professional groups with which IT specialists develop tense relations are shown, which is due to the specifics of their professional competencies. The sociodynamics of

changes in professional values is revealed as the status and role positions of IT specialists change.

Conclusion. The conducted research shows that the attitudes of IT specialists to actors of other professional groups of external social interaction are built inconsistently and ambiguously. Relationships between IT professionals and other professions are formed more like relationships oriented towards different values and variables. In this sense, a group of IT professionals can be perceived as a special case. Unlike relationships within the group of IT professionals themselves, relationships with professionals of other specialties are predominantly situational in nature and are more likely determined by some specific conditions and circumstances, specific people and specific factors than by the unity or solidarity of professional values and interests.

Keywords: professional values and attitudes, professional groups, groups of IT specialists, digital society

For citation: Deryugin, P.P., Miletsky, V.P., Yarmak, O.V., Bannova, O.S. and Kurazhev, S.D. (2023), "Social Relations of IT Professionals with Other Professional Groups: Network Modeling and Results of Empirical Analysis", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 113–133. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-113-133 (Russia).

Введение. Характер отношений ИТ-специалистов с другими профессиональными группами играет важную роль в становлении и развитии социальной структуры цифрового общества: цифровая эпоха формирует новую ценностную парадигму россиян [1, с. 81]. Социально-профессиональная группа ИТ-специалистов выступает реальной социальной силой, формирующей ценности цифрового пространства, а потому характер взаимодействия с другими социально-профессиональными группами во многом предопределяет солидарность и перспективы развития российского общества.

Исследование отношений ИТ-специалистов с акторами других профессиональных групп рассматривается как актуальная практическая и научная проблема. Прежде всего следует сказать, что в практической плоскости наметился ряд проблем-противоречий, которые показывают, что формирование отношений ИТ-специалистов с акторами других социально-профессиональных групп проходит неоднозначно. В российском информационном пространстве активно и нередко с негативной коннотацией обсуждаются уход с рынка труда ИТ-специалистов с началом специальной военной операции [2], чрезмерные величина и размеры доходов ИТ-специалистов [3], их востребованность на рынке труда [4], качество подготовки студентов ИТ-специальностей [5] и профессиональной работы программистов [6], социально-психологические качества и характер отношений с коллегами и потребителями ИТ-продуктов [7], влияние их деятельности на успешность развития регионов [8] и целый ряд других вопросов.

Здесь очевидны новые проблемы для социологической науки. Как показывают многочисленные исследования, современные социологи характеризуют цифровое общество как особое общество, принципиально отличающееся от общества индустриального и постиндустриального, в частности по степени доверия [9, с. 129]. Сети социальных отношений ИТ-специалистов в цифровом пространстве динамично развиваются, изменяя конфигурацию социального доверия, а поэтому научное исследование особенностей социального взаимодействия ИТ-специалистов с окружающими их социальными группами и в рамках корпораций [10] представляет определенный интерес.

Цель исследования заключается в выявлении, изучении и характеристике особенностей отношений ИТ-специалистов с акторами других социально-профессиональных групп

на основе обращения к сетевому анализу ценностей. Объект исследования – ИТ-специалисты, а предмет – их отношения с представителями различных социально-профессиональных групп.

Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что профессии, ориентированные на самосовершенствование и развитие личностных характеристик (построенные на идеациональных ценностях, по П. А. Сорокину), окажутся более привлекательными и ценными для ИТ-специалистов, чем профессии и ценности чувственного порядка (по П. А. Сорокину), нацеленные на активное преобразование внешней среды.

Методология и источники. Методологическую основу исследования отношений ИТ-специалистов с другими социальными группами составил мультипарадигмальный подход, который формируется на основе двух групп источников.

Во-первых, источники, где динамика и особенности развития отношений в социуме и его социальной структуры рассматриваются с точки зрения изменений и модернизации ценностей людей [11], в том числе источники, показывающие ценности как основание отношений в профессиональной деятельности – профессиональные ценности [12, с. 229], которые складываются на основе личных ценностей [13, с. 144]. Как отмечают исследователи, цифровизация приносит новые ценности, что зачастую обуславливает существование социума в целом [14]. Базовые положения исследования опираются на концептуальные положения П. А. Сорокиной о социодинамике социального развития и интегративных процессах в обществе [15], в частности, определение как базовых – ценностей идеационального и чувственного порядка [16, с. 194], актуальность использования принципов междисциплинарного подхода в исследовании групповых и индивидуальных ценностей, разработанных Д. А. Леонтьевым [17], особенности исследования ценностей россиян [18], специфика эмпирических исследований ценностей [19, с. 119] и формирования ИТ-групп [20].

Во-вторых, источники, раскрывающие важность обращения к изучению силы слабых связей [21] и показывающие сетевые методы как технологии, потенциал которых нацелен на исследование еле заметных и на первый взгляд несущественных сетевых структур как актуальных и важных оснований формирования ценностных отношений между людьми [10].

Основные постулаты теории о силе слабых связей характеризуют следующие положения, на базе которых сконструирована технология исследования [22]:

– нелинейный характер динамики изменения сетевых структур [23, с. 352], который самым существенным образом сказывается на особенностях отношений ИТ-специалистов с другими социальными группами;

– взгляд на информацию в системе слабых связей ИТ-специалистов с представителями других социальных групп как распространяющуюся быстрее и шире [24], чем в стабильных и прочных связях внутри социально-профессиональной группы ИТ-специалистов;

– слабые связи как условие расширения возможностей взаимодействия и появления новых отношений [25] ИТ-специалистов с другими профессиональными группами;

– слабые связи как пространство оперативного распространения инноваций [26, с. 88] между ИТ-специалистами и другими социальными группами: сильные связи локализуют рутинные и бюрократические отношения;

– прагматическая полезность слабых связей [21] как источника новой информации и отношений для ИТ-специалистов;

– информационная избыточность сильных связей [27, с. 26] внутри ИТ-групп и купирование новых отношений в сравнении со слабыми связями;

– опасность локализации социальной группы [28, с. 295] ИТ-специалистов и утраты связи с социумом в силу формирования сильных связей, ограничивающих любые, в том числе и профессиональные, возможности в системе сильных связей ИТ-профессионалов.

Материалы и методы эмпирического исследования. Исследование проводилось в конце 2022 – начале 2023 г. Выборку составили: генеральная совокупность студентов факультета компьютерных технологий – 212 респондентов, 112 чел. из числа сотрудников ИТ-обеспечения, 94 чел. ИТ-программистов – разработчиков, 38 чел. ИТ-руководителей. Опрос проводился на основе онлайн-процедуры. В качестве методического инструментария использованы опросник Дж. Голланда, а также экспертное интервью с представителями обозначенных групп респондентов.

Основной процедурный момент опросника Дж. Голланда [29] заключается в попарном сравнении и выборе привлекательности для респондента различных профессий, ценности которых относятся к одной из шести групп профессий: традиционалистские или конвенциональные профессии, профессии, формирующиеся на реалистических, исследовательских, социальных, артистических и предпринимательских ценностях.

Проведение методической процедуры занимало примерно 10–15 минут и позволяло получить количественные характеристики выборов важных и значимых профессий на фоне неважных или незначимых. Для обработки полученных материалов использованы индикаторы: вес ценности – среднее арифметическое значение полученных теми или иными профессиями по результатам онлайн-опроса; связь – величина коэффициента корреляции, полученная путем сравнения данных по показателям респондентов; ценностный потенциал сети (узлов сети) – произведение веса узла сети на величину связи с другими узлами сети.

Характеристики профессиональных ценностей изучаемых профессий в методике Дж. Голланда позволяют классифицировать их на две группы – идеациональные и чувственные. Основанием для такой классификации послужили идеи П. А. Сорокина, показавшего, что основной характеристикой людей, разделяющих идеациональные ценности, является стремление к личностному самоанализу и саморазвитию как средству изменения социальной среды.

К идеациональным отнесены ценности трех типов профессий. Их основная особенность состоит в нацеленности таких профессионалов на самосовершенствование и развитие внутренних структур деятельности личности скорее как преобразование самого себя, своего внутреннего мира; для таких профессионалов менее актуально внимание к трансформациям и изменениям внешней среды. Основаниями для отнесения к таким типам профессий выступили характеристики этих профессий, показанные в табл. 1, сформированной на базе анализа источников, рассматривающих содержательные характеристики методики Дж. Голланда. В частности, профессии, которые определены как «реалистичность», «исследователь», «артистичность», по замыслу самого автора характеризуются как «несоциальные» или «несоциальные в том смысле, что не придерживаются условностей общества». Для них, например, характерны минимальные социальные навыки («реалистичность»). Социальные навыки для носителей таких профессий и отношения с другими людьми нужны в минимальной мере и связаны с приемом-передачей ограниченной информации («реалистичность»,

«исследователь»). Их межличностные отношения играют незначительную роль и важны только для того, чтобы воспринимать сложные идеи («исследователь»). Для таких профессий существенны и важны эмоциональность и самоутверждение – высокий жизненный идеал с утверждением своего Я («артистичность»). В любом случае изменение внешней среды актуально для таких профессий преимущественно через интеллектуальное («исследователи»), эмоционально-чувственное («артистичность») или волевое (настойчивость, деловитость и конкретность) («реалисты») самовыражение [30].

Таблица 1. Классификация типов профессий по Голланду
Table 1. Classification of types of professions in Holland

Ценности профессий	Основные характеристики по Голланду	Примеры профессий
Традиционных	<p><i>Деятельность:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - четко структурированная; - стереотипная, конкретная, практическая; - четкие расписания, порядок; - работа по инструкции и заданным алгоритмам; - избегание неопределенных ситуаций. <p><i>Социальные характеристики:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - традиционная социальная активность; - принятие позиции руководства; - не проявляет критичность, оригинальность; - консервативен, зависим, не любит смену деятельности; - слабо развиты организаторские способности. <p><i>Психологические характеристики:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - способности к переработке числовой информации; - стереотипный подход к проблемам; - консервативный характер; - физическое напряжение; - подчиняемость, зависимость, следование обычаям, конформность, исполнительность; - преобладание математических способностей. <p><i>Профессиональная среда:</i> экономика, связь, расчеты, бухгалтерия, делопроизводство, требующие способностей к обработке рутинной информации и числовых данных.</p> <p><i>Типичные увлечения:</i> коллекционирование марок, монет. Настройка моделей. Проекты улучшения жилища. Участие в гражданских и общественных организациях. Игры с ясными и четкими правилами</p>	<p>Бухгалтер, финансист, экономист, канцелярский служащий, библиотекарь, контролер, химик-технолог, чертежник, корректор, логист, товаровед</p>
Социальных	<p><i>Деятельность:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - люди, общение; - установление контактов с окружающими; - отстраненность от интеллектуальных проблем; - активен, но часто зависим от мнения группы людей; - решение проблем с опорой на эмоции, чувства. <p><i>Социальные характеристики:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - обладает социальными умениями, нуждается в контактах; - стремление поучать и воспитывать; - психологический настрой на человека, гуманность. <p><i>Психологические характеристики:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - умение общаться; - способность к сопереживанию; - приспособление; - преобладание языковых способностей; - хорошие вербальные навыки 	<p>Врач, педагог, психолог, экскурсовод, журналист, менеджер по продажам, диджей, телеведущий</p>

Продолжение таблицы 1
Continuation of table 1

Ценности профессий	Основные характеристики по Голланду	Примеры профессий
	<p><i>Профессиональная среда:</i> образование, здравоохранение, социальное обеспечение, обслуживание, спорт. Ситуации и проблемы, связанные с умением разбираться в поведении людей, требующие постоянного личного общения, умения убеждать.</p> <p><i>Типичные увлечения:</i> организация развлечения других. Посещение общественных мероприятий, собраний. Добровольное выполнение благотворительной и социальной работы</p>	
Предпринимательства	<p><i>Деятельность:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - выбор целей, которые позволяют проявить энергию, энтузиазм, импульсивность; - любит приключения; - доминантность; - любит признание; - любит руководить; - не нравится практический труд, а также занятия, требующие интеллектуальных усилий, усидчивости, двигательных навыков и концентрации внимания; - хорошо решает задачи, связанные с руководством, статусом и властью; - агрессивен и предприимчив; - обладает хорошими вербальными способностями. <p><i>Социальные характеристики:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - надсоциален; - лидерство, руководство; - признание, власть, личный статус; - интерес к экономике и политике; - хорошие организаторские качества. <p><i>Психологические характеристики:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - энергия, импульсивность, энтузиазм; - предприимчивость, агрессивность; - готовность к риску; - оптимизм; - уверенность в себе; - преобладание языковых способностей. <p><i>Профессиональная среда:</i> решение неясных задач, общение с представителями различных типов в разнообразных ситуациях, требующее умения разбираться в мотивах поведения других людей и красноречия.</p> <p><i>Типичные увлечения:</i> членство в клубах, организациях, партиях. Посещение собраний, конференций. Спортивные состязания в качестве зрителя или участника. Престижный отдых, развлечения. Организация вечеринок, увеселений. Политическая деятельность</p>	<p>Бизнесмен, маркетолог, менеджер, директор, заведующий, журналист, репортер, дипломат, юрист, политик, менеджер по продажам, биржевой брокер</p>
Реалистических	<p><i>Деятельность:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - ориентированный на настоящее; - занимающийся конкретными объектами (вещами, инструментами, машинами); - предпочтение занятиям, требующим моторной ловкости, конкретности; - практическое использование, занятия, требующие физического развития, ловкости. <p><i>Социальные характеристики:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - несоциален; - агрессивен; - отсутствие ориентации на общение. <p>Социальные навыки нужны в минимальной мере и связаны с приемом-передачей ограниченной информации.</p>	<p>Механик, электрик, инженер, фермер, зоотехник, геолог, гравер, агроном, садовод, автослесарь, шофер, пилот, полицейский, охранник (телохранитель),</p>

Продолжение таблицы 1
Continuation of table 1

Ценности профессий	Основные характеристики по Голланду	Примеры профессий
	<p><i>Психологические характеристики:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - развиты математические и невербальные способности; - активность, деловитость, настойчивость; - рациональность, практическое мышление; - хорошие двигательные навыки; - пространственное воображение; - технические способности; - эмоционально стабильный. <p><i>Профессиональная среда:</i> Техника, сельское хозяйство, военное дело. Решение конкретных задач, требующих подвижности, физической силы.</p> <p><i>Типичные увлечения:</i> Реставрация старых механизмов. Ремонт, конструирование, сборка различных устройств. Строительные и восстановительные работы. Фермерство, обустройство дачи, загородного дома. Огородничество, садоводство, охота, рыболовство, туризм, опасные виды спорта</p>	<p>сварщик, стоматолог</p>
Исследовательских	<p><i>Деятельность:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - аналитичен, рационален, абстрактное мышление; - идеи важнее практического результата; - независимость; - решение интеллектуальных творческих задач; - оригинален; - умственный труд, преобладают теоретические ценности, любит решать задачи, требующие абстрактного мышления, интеллектуал. Гармонично развиты вербальные и невербальные способности. <p><i>Социальные характеристики:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - несоциален; - отсутствие ориентации на общение в деятельности; - общение носит информационный характер. Межличностные отношения играют незначительную роль, хотя необходимо уметь передавать и воспринимать сложные идеи. <p><i>Психологические характеристики:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - аналитический ум; - независимость и оригинальность суждений; - гармоничное развитие языковых и математических способностей; - критичность; - любознательность; - склонность к фантазии; - интенсивная внутренняя жизнь; - низкая физическая активность. <p><i>Профессиональная среда:</i> наука. Решение задач, требующих абстрактного мышления и творческих способностей.</p> <p><i>Типичные увлечения:</i> работа (исследовательский тип часто полностью поглощен своей работой). Сложные виды деятельности (яхтенный спорт, подводное плавание, альпинизм). Компьютеры, программирование, чтение (художественная литература, научные статьи)</p>	<p>Физик, астроном, лингвист, программист, микробиолог, архитектор, экономист (аудитор, аналитик), фармацевт, искусствовед, историк, этнограф, археолог</p>
Артистических	<p><i>Деятельность:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - опора на эмоции и чувства, воображение, интуицию; - занятия, требующие проявлять моторные и вербальные способности; - самовыражение и творческие занятия; - избегание деятельности, требующей физической силы, регламентированного рабочего времени, следования правилам и традициям. <p><i>Социальные характеристики:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - несоциален в том смысле, что не придерживается условностей общества; - независим в решениях, оригинален; - высокий жизненный идеал с утверждением своего Я. <p><i>Психологические характеристики:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - воображение и интуиция; - эмоционально сложный взгляд на жизнь; - независимость, гибкость и оригинальность мышления; 	<p>Музыкант, художник, визажист, фотограф, актер, режиссер, дизайнер</p>

Окончание таблицы 1
End of table 1

Ценности профессий	Основные характеристики по Голланду	Примеры профессий
	- хорошие двигательные способности и восприятие. <i>Профессиональная среда:</i> изобразительное искусство, музыка, литература. Решение проблем, требующих художественного вкуса и воображения. <i>Типичные увлечения:</i> фотография. Рисование. Живопись. Посещение танцевальных и музыкальных концертов, театров, музеев. Сочинение поэм, рассказов. Художественное коллекционирование. Игра на музыкальных инструментах. Занятие танцами, пением	

Другая группа профессий в соответствии с моделью Дж. Голланда предполагает активное социальное взаимодействие и стремление к преобразованию внешней среды в результате такого взаимодействия. Таковы профессии «предприниматель», «социальные» и «традиционные» профессии. В данном случае, напротив, по мнению Дж. Голланда, показанным специалистами присуще «принятие» требований социального окружения («традиционалисты»), они «обладают социальными умениями и нуждаются в контактах» («социальные профессии»), им важны общение с представителями различных типов профессий в разнообразных ситуациях, деятельность, требующая умения разбираться в мотивах поведения других людей и красноречия («предприниматели»). Это представители профессий, которые социально ориентированы, умеют анализировать социальные обстоятельства, влиять и изменять характер социального взаимодействия с различной долей активности и эффективности. В частности, «традиционалисты» консервативны, зависимы и не любят смену деятельности. При этом они устойчиво и последовательно действуют по алгоритмам и правилам. Представители социальных профессий по определению развивают контакты, коммуникации и связи. Предприниматели доминантны, напористы, всей своей деятельностью призваны изменять и трансформировать социальный ландшафт.

Что касается интервью, они проводились с ИТ-специалистами и рассматривались в качестве метода, дополняющего полученные статистические данные.

Результаты и обсуждение. Сетевой анализ полученных результатов показан в табл. 2, на рис. 1 и 2.

Таблица 2. Весовые характеристики, связь и ценностный потенциал узлов сети
Table 2. Weight characteristics, communication and value potential of network nodes

	ИТ-студенты	ИТ-обеспечение	ИТ-программисты	ИТ-руководители	Вес (ср. зн.)	Связь (ср. зн.)	ЦПС (общий)
Артистичность	7,80	8,20	7,19	7,20	7,91	-0,07	-0,55
Реалистичность	6,52	5,13	6,06	6,27	6,17	-0,13	-0,95
Исследователь	7,20	7,73	6,69	7,67	7,20	-0,21	-1,51
Идеациональные	6,54	6,04	6,08	6,29	7,09	-0,14	-0,99
Предприимчивость	7,19	7,13	7,44	9,00	7,37	-0,16	-1,18
Социальность	7,40	8,53	8,38	6,97	7,74	-0,34	-2,63
Традициональность	5,90	5,27	5,50	4,93	5,46	-0,58	-3,17
Чувственные	7,46	7,96	7,67	7,72	6,89	-0,33	-2,27

Анализ табл. 2 и рис. 1 раскрывает важную особенность отношения ИТ-специалистов к людям других профессий. Обобщенный вывод сетевого анализа показывает проблемность этих отношений, где фиксируются преимущественно отрицательные связи с представителями практически всех других профессиональных групп.

В целом, представители профессий, которые могут быть отнесены к чувственным профессиям, воспринимаются ИТ-специалистами более критично, чем те профессионалы, кто разделяет ценности идеационального порядка. Так, профессии идеационального характера оцениваются как вес 7,09 балла, и коэффициент связанности этих ценностей составляет $-0,14$. В целом ЦПС идеациональных ценностей составляет $-0,99$, что показывает более терпимое отношение к представителям идеациональных профессий, чем отношение к профессионалам чувственной сферы деятельности (ЦПС $-2,27$ против ЦПС идеационалов $-0,99$). Можно сказать, что в целом отношение к профессиям чувственного порядка у ИТ-профессионалов несколько хуже, чем к профессионалам идеациональной сферы (разница ЦПС по модулю в 1,28 пункта).

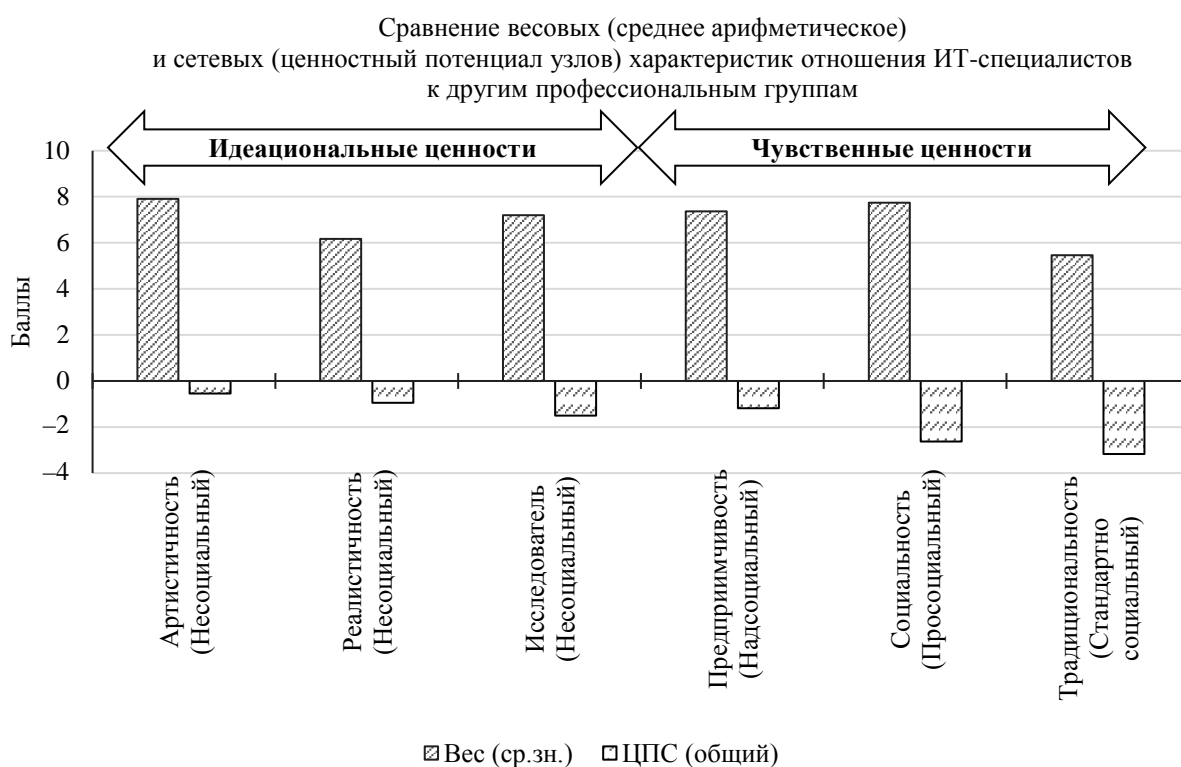

Рис. 1. Сравнение весовых (среднее арифметическое – Вес) и сетевых (ценностный потенциал узлов сети – ЦПС) характеристик отношения ИТ-специалистов к другим профессиональным группам
Fig. 1. Comparison of weight (arithmetic mean – Weight) and network (value potential of network nodes – CPS) characteristics of the attitude of IT specialists to other professional groups

Отношения ИТ-специалистов к профессиям, основанным на традиционалистских или конвенциональных ценностях. Наибольшее противоречие в ценностях складывается между ИТ-специалистами и профессионалами, ценности которых могут быть определены как ценности традиционалистского порядка. По определению Голланда, это профессии, которые можно называть как конвенциональные, т. е. соответствующие договоренностям, согласованные по целям и средствам деятельности. Такие профессии ориентированы на строго

структурированную, иерархически и четко выстроенную деятельность. Для деятельности специалистов традиционного типа важны четкие расписания и инструкции, устойчивые алгоритмы работы, избегание неопределенности, действия с ясными и четкими правилами. Конечные результаты такой деятельности предполагают прагматический характер, они стереотипные и практически целесообразные. Внешне такие профессиональные навыки и умения могут напоминать деятельность ИТ-специалистов. Здесь также важны математические способности, способности к обработке и переработке числовой рутинной информации. Специалистами таких профессий могут быть бухгалтеры, финансисты, экономисты, канцелярские служащие, библиотекари, контролеры, химики-технологи, чертежники, корректоры, логисты, товароведы. Основными сферами деятельности выступают транспорт, связь, экономика, делопроизводство, статистика и др. Однако некоторая схожесть профессий на самом деле внутренне противоречива, это относится как к технологиям и целям работы, так и к самой организации их деятельности. Общий ЦПС по оценкам ИТ-специалистов таких профессий максимально отрицательный, составляющий $-3,17$ балла. Вес этих ценностей минимальный ($5,46$ балла) и при этом максимально отрицательные связи этой группы ценностей с группами других ценностей $-0,58$. Ценности специалистов традиционного типа менее всего воспринимают ИТ-руководители, вес таких ценностей ИТ-руководители оценивают в $4,93$ балла. Это минимальное значение показателей веса ценностей по итогам всего проведенного исследования. Так же – наиболее критически – оценивают ценности профессий традиционного порядка ИТ-студенты (вес $5,90$) и ИТ-программисты (вес $5,50$). Наиболее критически ИТ-специалисты воспринимают такие характеристики показанных профессий, как стандартность и повторяемость стратегий деятельности, консерватизм и однотипность операций. У них вызывают напряжение и понимание важности таких качеств этих специалистов, как «зависимость и подчиняемость», «консервативный характер», «обязательное исполнение обычаев и традиций в работе», «избыточная исполнительность», но особенно – «напряжения с однозначным принятием позиции руководства», «стандарты социальной активности, обязательность». На рис. 2 отрицательные связи показаны штриховыми линиями, положительные связи – сплошными.

Отношение ИТ-специалистов к профессиям социальной сферы. Для ИТ-специалистов вес таких профессий весьма высок – $7,74$ балла, т. е. такие профессии признаются ИТ-специалистами как важные и значимые. Особое позитивное мнение об этих профессиях складывается у персонала ИТ-обеспечения (вес $8,53$ – самый высокий показатель по всем другим профессиям для персонала ИТ-обеспечения, деятельность которого в значительной мере зависит от коммуникативных способностей). Это же касается ИТ-программистов: профессии социального порядка они отмечают как одни из наиболее важных среди всех иных, вес этих профессий в настоящем случае составляет $8,38$ балла. Однако рис. 2 показывает, что ценности этих профессий не вписываются в общую систему профессиональных ценностей ИТ-специалистов, поскольку связанность ценностей социальных профессий с ценностями других профессий негативная, отрицательная ($-0,34$), а общий ЦПС социальных профессий здесь низкий, он равен $-2,63$ балла. По мнению ИТ-специалистов, связанность социальных ценностей с ценностями исследовательской деятельности и профессий, которые складываются на основе реалистических ценностей, глубоко отрицательная, составляющая

–0,7 и более (табл. 2). Значимые отрицательные значения связи характерны для социальных ценностей и ценностей предпринимательской деятельности (–0,37). Поэтому при всей важности этих профессий и признания их роли с точки зрения ИТ-специалистов, на ценностном уровне профессии социального плана понимаются ими неоднозначно. Напомним, что в данном случае идет речь о профессиях, которые предполагают самый широкий коммуникативный контакт и социальные умения, развивающие контактную среду. Наиболее яркими представителями таких профессий могут быть диджеи, коммерсанты, волонтеры и др. – люди, для которых эмоции и чувства могут играть решающую роль, а деятельность далеко не всегда связана с решением интеллектуальных проблем. Но не только. Сюда же по методике Дж. Голланда отнесены педагоги, врачи, психологи, журналисты, словом, те, кто реализует свои профессиональные интересы на основе вербальных способностей и анализе психологии других людей. Как позже говорили ИТ-студенты, их отталкивает стремление таких профессионалов «поучать» и «воспитывать», «отстраненность от интеллектуальной насыщенности» их трудовой деятельности. ИТ-специалисты признают важность этих профессий, однако внутреннего ценностного единства с профессионалами социальных профессий здесь ожидать не следует. Самый низкий авторитет таких профессий оказался у ИТ-руководителей (вес 6,97).

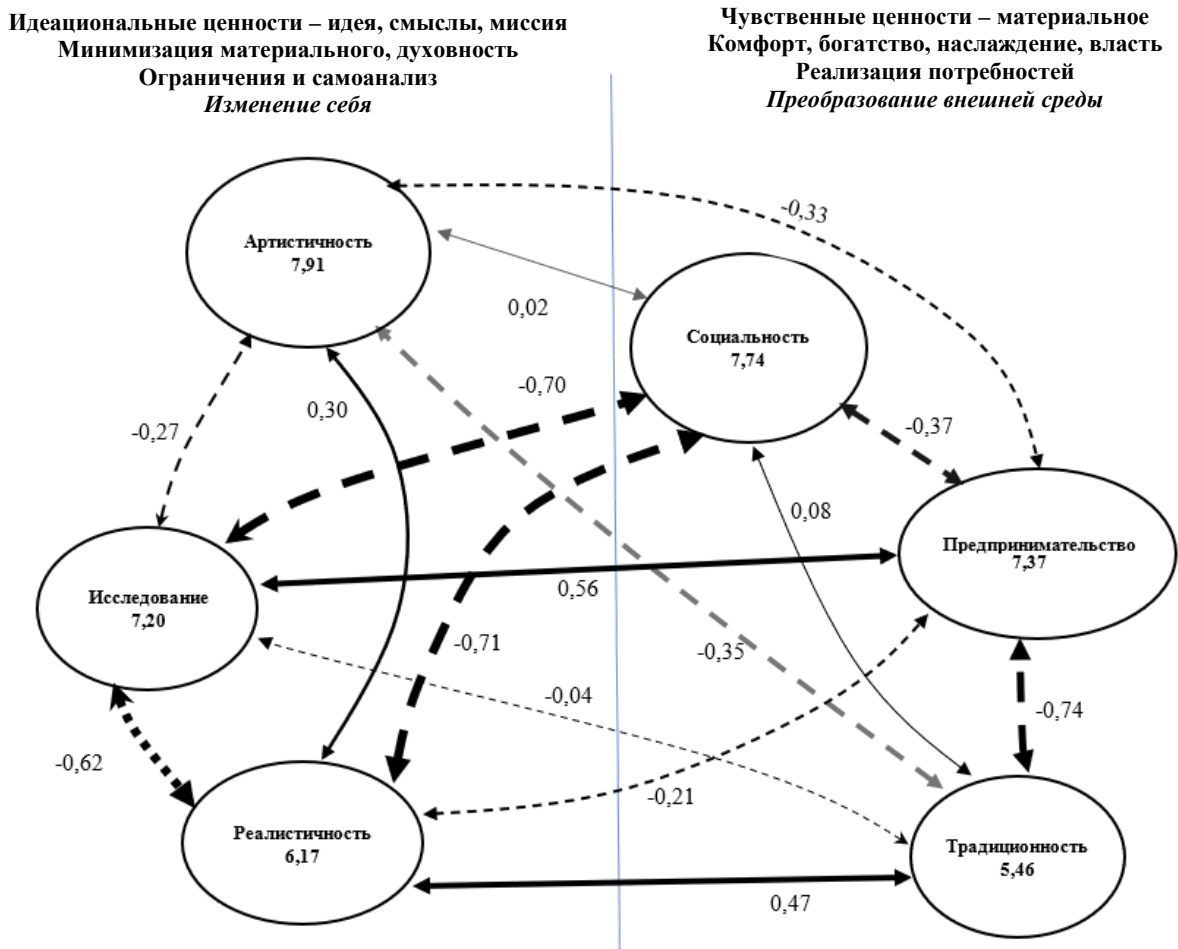

Рис. 2. Сети связей ценностей ИТ-специалистов с акторами различных профессиональных групп
Fig. 2. Networks of links of values of IT specialists with actors of various professional group

Далее по результатам эмпирического исследования по степени отстраненности-изолированности оказались *профессии, требующие развитых исследовательских способностей*. Хотя отношение к таким профессиям у ИТ-специалистов наиболее значимое среди профессий идеационального типа (вес 7,20), общий ЦПС их отрицательный, равен $-1,51$. На первый взгляд это может показаться странным, поскольку деятельность ИТ-специалистов традиционно относят к поисково-исследовательской. Тем не менее, как показали результаты эмпирического исследования, собственно ИТ-программисты оценивали профессии, связанные с исследованиями, как привлекательные, наиболее критично, всего 6,69 балла. Все другие группы ИТ-респондентов оценивают ценности исследовательской деятельности выше, например, для персонала ИТ-обеспечения эти оценки составляют 7,73 балла. Главная причина этого сюжета, как показали в последующем результаты двух экспертных интервью, связывается с точным пониманием ИТ-программистами трудностей и ограничений, требуемых для занятий исследовательской работой, и особенно – с их профессиональным выгоранием. По оценкам экспертов, «романтическое» отношение к профессии программиста наступает относительно скоро, через 2–4 года, когда такие профессионалы начинают понимать последствия «сидячего образа жизни», «глобальной вовлеченности в тему», «ночного бдения» и пр. Немаловажно и другое (см. рис. 2). Характер ценностей профессий, построенных на исследовательской деятельности, формирует конфликтные связи с профессиями социального типа (связь $-0,70$), с профессиями, покоящимися на ценностях реалистичного порядка ($-0,62$), с ценностями профессий артистичного типа ($-0,27$) и ценностями профессий традиционного типа ($-0,04$). Позитивная и при этом высокая связанность ценностей исследовательских профессий выявлена только с ценностями предпринимательских профессий ($0,56$), которые во многом характеризуются такими же свойствами, как и профессии исследовательского типа – они также требуют полной отдачи и высокой степени вовлеченности в осуществляемую деятельность. Аналитичность, одновременное решение множества интеллектуальных задач, развитое абстрактное мышление, рациональность – вот далеко не полный перечень требований к профессионалам исследовательских профессий. Сюда же следует отнести склонность к фантазиям, стремление всегда быть оригинальным и независимым, что почти всегда сказывается на низкой физической активности и нацеленности преимущественно на анализ внутреннего мира, выборах вариантов сложного досуга и увлечений (велоспорт, яхты, чтение и др.). К профессиям исследовательского типа справедливо относят ученых, экономистов, аудиторов, археологов, историков и пр., единство ценностей с которыми для ИТ-специалистов является естественным. Однако абсолютизировать такой вывод было бы неверным.

Ценности предприимчивости как основание профессиональной деятельности характерны для тех профессий, которые связаны с выборами различных видов взаимодействия, решением разнородных и часто сложных или неясных задач, многообразием коммуникаций и общения, предполагают умение быстро разбираться в мотивах поведения других людей и красноречие. Сюда в первую очередь отнесены профессии предпринимателей, директоров и менеджеров, репортеров, политиков, дипломатов, брокеров и др., всех тех, кто ставит перед собой множество разнопорядковых целей, предпочитает проявлять активность и инициативу, способность доминировать и руководить. Таким профессионалам важны социальное

признание и авторитет. С точки зрения ИТ-специалистов, всего ЦПС ценностей предпринимательской деятельности составляет отрицательную величину $-1,18$. Что касается отношения ИТ-специалистов к людям таких профессий, то наиболее уважительно к ним относятся ИТ-руководители (вес ценностей предпринимательства у ИТ-руководителей самый высокий, $9,00$ баллов. В целом это самый высокий уровень позитивного отношения ИТ-руководителей к людям всех других профессий по данным настоящего исследования). Наименее авторитетны предприниматели в оценках персонала ИТ-обеспечения (вес $7,13$) и ИТ-студентов (вес $7,19$). Как и в двух предыдущих случаях, ценности профессий, построенных на предпринимательстве, отрицательно коррелируют с ценностями деятельности, построенной на традиционных ценностях ($-0,74$ – это максимальный отрицательный результат взаимосвязи узлов сети), на ценностях реалистичности ($-0,21$), социальности ($-0,37$) и артистичности ($-0,33$). Сложности в отношениях ИТ-специалистов с представителями таких профессий возникают из-за свойственного для них уклонения от интеллектуальных граней работы, непоследовательности и неусидчивости в работе, известной агрессивности и властности, повышенному вниманию к экономике и политике. Отпугивающими моментами профессиональных особенностей предпринимателей для ИТ-специалистов оказываются «импульсивность и агрессивность», «бурная политическая деятельность», «стремление организовывать бурные увеселительные вечеринки», «вечные собрания и конференции», «затягивание в свои клубы и партии».

К профессиям, построенным на принципах реалистичности, отнесены занятия такими видами деятельности, которые, по мнению автора методики Дж. Голланда, носят несоциальный характер и в основном ориентированы на настоящее, на статику. Для специалистов таких профессий важны эмоциональная стабильность, ясность и предсказуемость поведения объектов взаимодействия (вещи, инструменты, машины), моторные навыки и конкретность. Общий ЦПС таких профессий с точки зрения ИТ-специалистов отрицательный, равен $-0,95$. Наибольшее положительное отношение к таким профессиям проявили ИТ-студенты (вес $6,52$), наименьший интерес – персонал ИТ-обеспечения ($5,13$). Связанность реалистичных ценностей в сети отрицательная и составляет $-0,13$. У ценностей реалистичности высоки противоречия с ценностями профессий, построенных на принципах, актуальных для исследовательской деятельности (связь $-0,62$), и с ценностями социальности (связь $-0,71$), отрицательна связь с ценностями предпринимательства ($-0,21$). Ценности профессий, построенных на принципах реалистичности, коррелируют с ценностями профессий, сформированных на традиционных ценностях (связь положительная, $0,47$) и артистичности (связь $0,30$). Сложности выстраивания отношений ИТ-специалистов с акторами профессий, основанных на ценностях реалистичности, обусловлены существенной нацеленностью таких профессионалов на двигательную моторную активность, физическую силу, некоторую агрессивность и исключительную практическую направленность целей деятельности, уклонение от абстракций и теоретизирований в пользу прагматизма и конкретности. Нередко такие ценности формируют профессиональный выбор в пользу профессий инженера-механика, военного, сельскохозяйственного работника, зоотехника, сварщика, стоматолога, полицейского, садовода. Объединяет ИТ-специалистов с профессионалами таких профессий развитость математических и невербальных способностей, рациональность, хорошее пространственное воображение, техническая ориентация и признание важности приема-передачи информации.

Ценности профессий, которые отнесены к артистичным, по весовым параметрам набрали максимальные значения (вес 7,91). Такие ценности наиболее важны персоналу ИТ-обеспечения (вес этих ценностей 8,20), что же касается ИТ-программистов и ИТ-руководителей, они оценены примерно одинаково (соответственно, вес 7,19 и 7,20). Несмотря на значимый общий вес артистичных ценностей, ЦПС этого узла отрицательный, он составляет –0,55 (см. рис. 2). Как отмечает Дж. Голланд, для представителей данного типа характерен высокий жизненный идеал с утверждением своего Я. Он несоциален в том смысле, что не придерживается условностей общества. Привлекательными особенностями такого типа профессиональных ценностей для ИТ-специалистов выступают развитые гибкость и оригинальность мышления, развитые воображение и интуиция в совокупности с независимостью и оригинальностью предлагаемых решений. Сюда же следует отнести высокий уровень и стремление к самовыражению, творческим занятиям, избегание деятельности, требующей физической силы, регламентированного рабочего времени, следования правилам и традициям. Существенным отличием ИТ-специалистов от профессионалов артистического типа выступает решающая роль эмоций и чувств в профессиональном выборе. Напротив, ИТ-специалисты более ориентированы на интеллектуальную деятельность. К числу профессий, основывающихся на артистических ценностях, могут быть отнесены актеры, художники, фотографы, дизайнеры, музыканты и др. ИТ-специалисты в отношениях с такими профессионалами проявляют эмоционально-психологическое единство, хотя в действительности отношения деятельностного порядка у них различны.

Заключение. В целом, гипотеза подтвердилась. Проведенное исследование показывает, что отношения ИТ-специалистов с актерами других профессиональных групп внешнего социального взаимодействия выстраиваются противоречиво и неоднозначно. Точнее, можно говорить, что отношения ИТ-специалистов с представителями других профессий формируются, скорее, как отношения, ориентированные на различные ценности и переменные, и в этом смысле группа ИТ-специалистов может восприниматься как особый случай. В отличие от отношений внутри самой группы ИТ-специалистов, отношения к профессионалам других специальностей носят преимущественно ситуационный характер и скорее определяются какими-то конкретными условиями и обстоятельствами, конкретными людьми и специфическими факторами, чем единством или солидарностью в профессиональных ценностях и интересах. Часто это отношения амбивалентные, двойственные, включающие как некоторые совпадения, так и несогласия и противопоставления. Это прежде всего касается профессий, которые могут быть определены как социально ориентированные. Например, такими характеристиками могут быть оценены отношения ИТ-специалистов к группе профессий, отнесенных в настоящем исследовании к предпринимательским. Ценности предпринимательства воспринимаются ИТ-специалистами как ценности такой деятельности, которые конфликтуют практически со всеми иными видами профессиональной деятельности, за исключением исследовательской. В целом группа профессий, классифицированная нами как группа, выстраивающаяся на основе чувственных ценностей, хотя и является для ИТ-специалистов привлекательной, однако отношение к этим профессиям не структурировано и противоречиво сочетается с ценностями профессий чувственного порядка. Прежде всего очевидно противоречие, согласно которому профессии,

сформированные на традиционных ценностях, воспринимаются ИТ-специалистами скорее как самые непривлекательные.

Отношение к профессиям идеационального порядка со стороны ИТ-специалистов рассматривается как более позитивное. Среди профессий идеационального характера наибольшим позитивным отношением со стороны ИТ-специалистов пользуются те, которые могут быть отнесены к исследовательским. Ценности акторов таких профессий оцениваются ИТ-специалистами как наиболее привлекательные. При этом, как фиксируют результаты эмпирического исследования, это профессии, которые плохо встраиваются в общую систему внешних взаимодействий ИТ-специалистов с другими профессиональными группами.

По мере освоения профессиональных ценностей ИТ-специалистами и изменения их профессионального статуса характер восприятия профессионалов из других профессиональных групп изменяется. Для студентов ИТ-специальностей и молодых выпускников факультетов ИТ-технологий характерна меньшая дифференцированность отношения к представителям других профессий. Для состоявшихся ИТ-специалистов и ИТ-руководителей характерны большая дифференциация отношения к разным профессиям и незначительный рост авторитета специалистов тех профессий, которые могут быть отнесены к чувственным. Наиболее дифференцированное отношение к акторам других профессиональных групп характерно для персонала ИТ-обеспечения. Отношение этих ИТ-специалистов к специалистам чувственных профессий наиболее позитивное, и, напротив, отношение к представителям идеациональных профессий наименее актуальное.

В практической плоскости, в плоскости управления и производства, важно подчеркнуть, что ИТ-специалисты скорее склонны «уходить» в свои проблемы, меньше уделять внимания социальному контексту и смыслам их работы, анализу последствий для внешней среды. В частности, это может выражаться в уклонении от интересов потребителей и общих целей деятельности фирмы, игнорировании требований организационной культуры и др.

Важно отметить достоинства методов сетевого исследования отношений ИТ-специалистов к представителям других социально-профессиональных групп. Как показывают результаты исследования, сетевые методы позволяют системно выявлять отношения ИТ-специалистов с профессионалами других профессиональных групп не просто как величины накопленного потенциала позитивных (или негативных) оценок, но также выявлять и характеризовать их сходство и дифференциацию по определенным свойствам. Степень связи таких отношений раскрывает включенность ценностей ИТ-специалистов в общую систему отношений, взаимовлияний и противоречий в оценке совокупности разнообразных профессиональных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фомичёва Т. В., Катаева В. И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. Т. 15, № 2. С. 80–84. DOI: <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10067>.
2. Бегин А. Статистика оттока ИТ-специалистов из России в 2023 г. // Инклиент. 09.02.2023. URL: <https://inclient.ru/outflow-it-specialists/> (дата обращения: 15.02.2023).
3. Патракова А. Названы 20 самых богатых ИТ-шников России // Cnews. 10.08.2022. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-08-10_bogatejshimi_it-shnikami_v (дата обращения: 15.02.2023).

4. Журавлев К. IT-специалисты нужны России как никогда // Газета.Ru. 12.04.2022. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2022/04/12_a_14727050.shtml (дата обращения: 15.02.2023).
5. Ярмак О. В., Дерюгин П. П., Ярмак В. Е. Социальный портрет современного студента // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 4. С. 53–64. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-53-64.
6. Мокейчева М. Надо больше, но лучше: сколько и каких айтишников на самом деле не хватает в России // Фонтанка.ру. 11.08.2022. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/08/11/71561588/> (дата обращения: 15.02.2023).
7. Простой айтишник // Дзен. URL: <https://dzen.ru/prostoiatishnik> (дата обращения: 15.02.2023).
8. Факторный анализ инвестиционной привлекательности и человеческого капитала регионов с научно-образовательными центрами мирового уровня / Е. В. Страшко, О. В. Ярмак, П. П. Дерюгин и др. // Russian J. of Management. 2021. Т. 9, № 1. С. 171–175. DOI: 10.29039/2409-6024-2021-9-1-171-175.
9. Веселов Ю. В. Доверие в цифровом обществе // Вестн. СПбГУ. Социология. 2020. Т. 13, вып. 2. С. 129–143. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.202>.
10. Рассказов С. В., Рассказова А. Н., Дерюгин П. П. Корпоративное управление: учебник. М.: ИНФРА-М, 2020. DOI: 10.12737/1022769.
11. Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социол. исслед. 2011. № 9. С. 3–18.
12. Козина И. М., Виноградова Е. В. Молодые инженеры: трудовые ценности и профессиональная идентичность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 215–230. DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.08.
13. Кох И. А., Орлов В. А. Ценности и профессиональное самоопределение студенческой молодежи // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 2. С. 143–170. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-2-143-170.
14. Хаэт И. Новые ценности и модели потребления при цифровой трансформации // Cnews. URL: https://club.cnews.ru/blogs/entry/novye_tsennosti_i_modeli_potrebleniya_pri_tsifrovoj_transformatsii (дата обращения: 19.03.2023).
15. Сорокин П. А. Моя философия – интегрализм // Социол. исслед. 1992. № 10 (6). С. 134–139.
16. Лукьянов В. Г. Методология научного познания и теория ценности П. А. Сорокина // Вестн. Моск. ун-та. Сер.18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 182–194.
17. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты, изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13–25.
18. Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. М.: ВШЭ, 2010.
19. Аминов С. Р. Эмпирический социологический подход к анализу ценностей // Система ценностей современного общества. 2009. № 7. С. 116–120.
20. Прихожий А. А., Ждановский А. М. Метод оценки квалификации и оптимизация состава профессиональных групп программистов // Системный анализ и прикладная информатика. 2018. № 2. С. 4–11.
21. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
22. Куркина Е. С., Князева Е. Н. Методология сетевого анализа социальных структур // Философия науки и техники. 2017. Т. 22, № 2. С. 120–135.
23. Кроновер Р. М. Фракталы и хаос в динамических системах. Основы теории / пер. с англ. Т. Э. Кренкеля, А. Л. Соловейчика; под ред. Т. Э. Кренкеля. М.: Постмаркет, 2000.
24. Сейфуллаев Р. Б. Скорость распространения и восприятия информации // Вестн. магистратуры. 2016. № 6-2 (57). С. 35–38.
25. Воронкин А. С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // Образовательные технологии и общество. 2014. Т. 17, № 1. С. 650–675.

26. Пузанов К. А. Современные модели распространения инноваций: критический анализ // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 82–99.
27. Шаев Ю. М. Информационная избыточность и цифровой детокс в контексте онтологии коммуникации // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 2. С. 23–28.
28. Савченко Д. В. Социальные группы в структуре общества: теоретические концепции и управленческие модели // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 292–296.
29. Тест Дж. Голланда (в модификации Г. В. Резапкиной) // Воскресенский колледж. URL: восколледж.рф/files/0001/Методика%20Голланда.pdf (дата обращения: 19.03.2023).
30. Тест по модели Голланда // Психологические тесты онлайн. URL: <https://psytests.org/typo/riasecA-run.html> (дата обращения: 19.03.2023).

Информация об авторах.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), ассоциированный член, руководитель Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, 190005, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

Милецкий Владимир Петрович – доктор политических наук (1998), профессор (2002), профессор кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 83 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология политики и права, теория российской модернизации.

Ярмак Ольга Валерьевна – кандидат социологических наук (2004), доцент (2011), ведущий научный сотрудник Центра социологических исследований Севастопольского государственного университета, ул. Университетская, д. 33, Севастополь, 299053, Россия. Автор 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал.

Баннова Олеся Сергеевна – аспирантка кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал.

Куражев Сергей Дмитриевич – аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 3 научных публикаций. Сфера научных интересов: ИТ-специалисты, студенчество, человеческий капитал.

Авторский вклад.

Дерюгин Павел Петрович – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Милецкий Владимир Петрович – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Ярмак Ольга Валерьевна – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Баннова Олеся Сергеевна – сбор эмпирического материала, обработка, анализ и интерпретация данных.

Куражнев Сергей Дмитриевич – сбор эмпирического материала, обработка, анализ и интерпретация данных.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.03.2023; принята после рецензирования 23.03.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.*

REFERENCES

1. Fomichyova, T.V. and Katayeva, V.I. (2019), "Russian Values in the Context of Digitalization of the Russian Economy", *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, vol. 15, no. 2, pp. 80–84. DOI: <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10067>.

2. Begin, A. (2023), "Statistics of the outflow of IT specialists from Russia in 2023", *Inclient*, 09.02.2023, available at: <https://inclient.ru/outflow-it-specialists/> (accessed 15.02.2023).

3. Patrakova, A. (2022), "Named the 20 richest IT people in Russia", *Cnews*, 10.08.2022, available at: https://www.cnews.ru/news/top/2022-08-10_bogatejshimi_it-shnikami_v (accessed 15.02.2023).

4. Zhuravlev, K. (2022), "Russia needs IT specialists more than ever", *Gazeta.ru*, 12.04.2022, available at: https://www.gazeta.ru/comments/2022/04/12_a_14727050.shtml (accessed 15.02.2023).

5. Yarmak, O.V., Deryugin, P.P. and Yarmak, V.E. (2019), "Social Portrait of a Modern Student", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 4, pp. 53–64. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-53-64.

6. Mokeicheva, M. (2022), "We need more, but better: how many and what kind of IT specialists are actually lacking in Russia", *Fontanka.ru*, 11.08.2022, available at: <https://www.fontanka.ru/2022/08/11/71561588/> (accessed 15.02.2023).

7. "Simple IT specialist", *Dzen.ru*, available at: <https://dzen.ru/prostoiaitishnik> (accessed 15.02.2023).

8. Strashko, E.V., Yarmak, O.V., Deryugin, P.P. et al. (2021), "Measuring the human capital of regions with world-class scientific and educational centers: factor analysis of their investment attractiveness", *Russian J. of Management*, vol. 9, no. 1, pp. 171–175. DOI: 10.29039/2409-6024-2021-9-1-171-175.

9. Veselov, Yu.V. (2020), "Trust in a digital society", *Vestnik of Saint-Petersburg Univ. Sociology*, vol. 13, iss. 2, pp. 129–143. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.202>.

10. Rasskazov, S.V., Rasskazova, A.N. and Deryugin, P.P. (2020), *Korporativnoe upravlenie: uchebnik* [Corporate governance: textbook], INFRA-M, Moscow, RUS. DOI: 10.12737/1022769.

11. Lapin, N.I. (2011), "Sociocultural factors of Russian stagnation and modernization", *Sociological Studies*, no. 9, pp. 3–18.

12. Kozina, I.M. and Vinogradova, E.V. (2016), "Young engineers: work values and professional identity", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change*, no. 1, pp. 215–230. DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.08.

13. Koch, I.A. and Orlov, V.A. (2020), "Values and professional identity of student-age population", *The Education and Science J.*, vol. 22, no. 2, pp. 143–170. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-2-143-170.

14. Khaet, I. "New values and consumption patterns in digital transformation", *Cnews*, available at: https://club.cnews.ru/blogs/entry/novye_tsennosti_i_modeli_potrebleniya_pri_tsifrovoj_transformatsii (accessed 19.03.2023).

15. Sorokin, P.A. (1992), "Integralism is my philosophy", *Sociological Studies*, no. 10, pp. 134–139.
16. Lukyanov, V.G. (2012), "The methodology of scientific study and the theory of value in Pitirim Sorokin's works", *Moscow State Univ. Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 1, pp. 182–194.
17. Leontiev, D.A. (1998), "Value representations in individual and group consciousness: types, determinants, changes in time", *Psikhologicheskoe obozrenie* [Psychological Review], no. 1, pp. 13–25.
18. Magun, V.S. and Rudnev, M.G. (2010), *Basic values-2008: similarities and differences between Russians and other Europeans*, Higher School of Economics, Moscow, RUS.
19. Aminov, S.R. (2009), "Empirical sociological approach to the analysis of values", *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva* [System of values of modern society], no. 7, pp. 116–120.
20. Prihozhy, A.A. and Zhdanouski, A.M. (2018), "Method of qualification estimation and optimization of professional teams of programmers", *System analysis and applied information science*, no. 2, pp. 4–11.
21. Granovetter, M. (2009), "The strength of weak ties", *J. of economic sociology*, vol. 10, no. 4, pp. 31–50.
22. Kurkina, E.S. and Knyazeva, E.N. (2017), "The methodology of the network analysis of social structures", *Philosophy of science and technology*, vol. 22, no. 2, pp. 120–135.
23. Crownover, R.M. (2000), *Introduction to Fractals and Chaos*, Transl. by Krenkel, T.E. and Soloveichik, A.L., in Krenkel, T.E. (ed.), Postmarket, Moscow, RUS.
24. Seifullaev, R.B. (2016), "The speed of dissemination and perception of information", *Vestnik magistratury*, no. 6-2 (57), pp. 35–38.
25. Voronkin, A.S. (2014), "Social networks: evolution, structure, analysis", *Educational technology & society*, vol. 17, no. 1, pp. 650–675.
26. Pouzanov, K.A. (2012), "Present day models of innovation distribution: critical analysis", *Sociology of power*, no. 6–7, pp. 82–99.
27. Shaev, Yu.M. (2018), "Information redundancy and digital detox in the context of communication ontology", *Humanitarian vector*, vol. 13, no. 2, pp. 23–28.
28. Savchenko, D.V. (2014), "Social groups in the structure of society: theoretical concepts and management models", *Society and Law*, no. 3 (49), pp. 292–296.
29. "Test by J. Holland (modified by G.V. Rezapkina)", *Resurrection College*, available at: voskolledzj.ru/files/0001/Методика%20Голланда.pdf (accessed 19.03.2023).
30. "Holland model test", *Psychological tests online*, available at: <https://psytests.org/typo/riasecA-run.html> (accessed 19.03.2023).

Information about the authors.

Pavel P. Deryugin – Dr. Sci. (Sociology, 2002), Associate Member, Head of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia; Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author more than 200 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology.

Vladimir P. Miletskiy – Dr. Sci. (Policy, 1998), Professor (2002), Professor at the Department of Sociology of Political and Social Processes, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 83 scientific publications. Area of expertise: sociology of politics and law, theory of Russian modernization.

Olga V. Yarmak – Can. Sci. (Sociology, 2004), Docent (2011), Leading Researcher at the Center for sociological research, Sevastopol State University, 33 Universitetskaya str., Sevastopol 299053, Russia. The author of 40 scientific publications. Areas of expertise: youth, mass consciousness, interethnic consent, human capital.

Olesya S. Bannova – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 15 scientific publications. Area of expertise: youth, mass consciousness, interethnic accord, human capital.

Sergey D. Kurazhev – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: IT specialists, students, human capital.

Author's contribution.

Pavel P. Deriugin – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparation of the text.

Vladimir P. Miletskiy – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparation of the text.

Olga V. Yarmak – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparation of the text.

Olesya S. Bannova – collection of empirical material, processing, analysis and interpretation of data.

Sergey D. Kurazhev – collection of empirical material, processing, analysis and interpretation of data.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.03.2023; adopted after review 23.03.2023; published online 22.06.2023.*

Оригинальная статья
УДК 81` 42
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-134-149>

Сравнительный анализ репрезентации концептов *woman* и *женщина* в английском и русском языках при локализации сериала «Рассказ служанки»

Наталья Валентиновна Степанова^{1✉}, Влада Николаевна Матвеева²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>

²vladamatveeva2000@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0001-6696-3836>

Введение. Темой настоящего исследования является семантико-когнитивный анализ репрезентации концептов *woman/женщина* при локализации сериала «Рассказ служанки». В связи с растущим интересом к зарубежному кинематографу проблема локализации кинотекстов приобретает особую значимость. Актуальность исследования заключается в необходимости изучения продуктов массовой культуры с лингвистической точки зрения, что позволит сделать выводы о наиболее актуальных проблемах современного общества. Цель работы состоит в выявлении макроструктуры и полевой организации концептов *woman/женщина* в рамках заданного кинодискурса.

Методология и источники. В ходе исследования были использованы такие методы, как дефиниционный анализ, лексикографический анализ синонимических рядов, метод сплошной выборки, машинный анализ при помощи программы Antconc, а также семантико-когнитивный и сопоставительный анализ оригинального и локализованного текстов. Материалом исследования является первый сезон сериала «Рассказ служанки» и его русскоязычная адаптация. Объем проанализированного материала составляет 50 тыс. слов.

Результаты и обсуждение. Категориальная структура концепта *woman* включает 23 когнитивные характеристики, формирующие 13 классификационных признаков. Исследуемый материал иллюстрирует равный уровень лексического разнообразия текстов оригинала и перевода. Наиболее частотной переводческой трансформацией является замена части речи, поскольку не всегда перевод при помощи однозначного соответствия соотносится с нормами переводящего языка. Фразеологические единицы, входящие в состав номинативных полей концептов *woman/женщина*, подразделяются на 6 категорий и номинируют женщину как объект общественных и личных отношений.

Заключение. Концепты *woman/женщина* в рамках заданного кинодискурса конструируются вокруг представления о подчиненном положении женщины. Преобладающим компонентом является интерпретационное поле, в состав которого входят эмоционально и стилистически окрашенные единицы. Таким образом, можно говорить об оценочном характере исследуемого концепта. В процессе локализации активно

© Степанова Н. В., Матвеева В. Н., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

используются переводческие трансформации, позволяющие ревербализовать концепт с минимальными потерями.

Ключевые слова: дефиниционный анализ, когнитивные признаки, локализация, номинативное поле, переводческие трансформации, семантико-когнитивный анализ

Для цитирования: Степанова Н. В., Матвеева В. Н. Сравнительный анализ репрезентации концептов *woman* и *женщина* в английском и русском языках при локализации сериала «Рассказ служанки» // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 134–149. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-134-149.

Original paper

Comparative Analysis of the *woman* and *женщина* Conceptual Representation in English and Russian Languages in the Localization of the Series “The Handmaid's Tale”

Nataliia V. Stepanova^{1✉}, **Vlada N. Matveeva**²

^{1,2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>*

²*vladamatveeva2000@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0001-6696-3836>*

Introduction. The topic of this study is a cognitive semantic analysis of the *woman/женщина* conceptual representation in the localization of the series “The Handmaid's Tale”. Due to the increasing interest in foreign series, the problem of localizing film texts is of particular importance. The relevance of the research topic is determined by the need to study the mass culture products from a linguistic point of view to draw conclusions about the most relevant problems of the modern society.

Methodology and sources. The study aims to obtain objective conclusions about the structure and content of the *woman/женщина* concepts within a given film discourse. In the course of the research, such methods as definition and lexicographic analysis of synonymous lines, continuous sampling method, Antconc machine analysis, as well as a cognitive semantic and comparative analysis of the original and localized text were used. The research material is the first season of the TV series “The Handmaid's Tale”, as well as its Russian adaptation. The amount of the analyzed material is 50 000 words.

Results and discussion. The categorical structure of the *woman* concept consists of 23 cognitive characteristics, which form 13 classification features. The material under study illustrates the equal level of lexical diversity of the original and localized texts. The most common transformation is the replacement of a part of speech since one-to-one correspondences do not always suit the norms of the translating language. Phraseological units included in the nominative fields of the *woman/женщина* concepts can be divided into 6 categories and nominate a woman as an object of social and personal relations.

Conclusion. The *woman/женщина* concepts in the framework of a given film discourse are constructed around the idea of the subordinate position of a woman. The predominant component is the interpretative field, which includes emotionally and stylistically charged units. Thus, the evaluative essence of the concept under study is doubtless. Translation transformations enabling a translator to reverbitalize the concept with minimal losses are widely used in the localization.

Keywords: definition analysis, cognitive features, localization, nominative field, translation transformations, cognitive semantic analysis

For citation: Stepanova, N.V. and Matveeva, V.N. (2023), "Comparative Analysis of the *woman* and *женщина* Conceptual Representation in English and Russian Languages in the Localization of the Series "The Handmaid's Tale"", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 134–149. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-134-149 (Russia).

Введение. Основными задачами настоящего исследования являются обобщение теоретического материала, раскрывающего сущность категории концепта и процесса локализации; рассмотрение способов репрезентации концептов *woman/женщина* в заданном кинодискурсе при помощи метода семантико-когнитивного анализа; выявление существующих переводческих закономерностей и особенностей локализации исследуемого кинотекста.

Этимологически термин «концепт» является калькой латинской лексемы «conceptio», означающей «соединение, сумму, совокупность; словесное выражение» [1, с. 24]. Таким образом, основная идея концепта заключается в том, чтобы «схватить, поймать умом» [2] некую совокупность информации. В отечественной лингвистике одним из первых ученых, обратившихся к исследованию концепта, был С. А. Аскольдов. В своих трудах исследователь определяет концепт как мысленное образование, замещающее в процессе мысли множество предметов одного и того же рода [3, с. 269]. Наиболее широкое распространение получило определение концепта, предложенное З. Д. Поповой и И. А. Стерниным. Согласно подходу исследователей, концепт представляет собой дискретное ментальное образование, базовую единицу мыслительного кода с упорядоченной внутренней структурой, которая является результатом как индивидуальной, так и социальной когнитивной деятельности и несет в себе комплексную информацию о конкретном предмете или явлении, а также об интерпретации данной информации и ее оценке общественным сознанием [4, с. 24]. Исследователям принадлежит полевая модель структуры концепта, сформулированная в терминах ядра и периферии. Под ядром понимаются слои, обладающие чувственно-наглядной конкретностью, первичные и наиболее яркие образы; на периферии находятся более абстрактные и, как следствие, менее наглядные слои. Тем не менее глубокий анализ структуры и содержания концепта невозможен без рассмотрения периферийных репрезентантов [5, с. 60].

Соотношение локализации и перевода вызывает множество споров в лингвистическом сообществе. Поскольку коммуникация в обоих случаях происходит через посредника, и перевод, и локализацию можно назвать гипонимами языкового посредничества [6]. Так, В. Н. Комиссаров в своих работах выделял два вида языкового посредничества: перевод и адаптивное транскодирование. По мнению ученого, перевод является «полноправным иноязычным представителем» исходного текста, т. е. его полной заменой, сохраняющей коммуникативную равноценность. Отличительная особенность адаптивного транскодирования заключается в преобразовании информации в соответствии с исходным коммуникативным намерением, т. е. ориентации на конкретную группу реципиентов или на заданную оригиналом форму преобразования информации [7, с. 48]. Родство локализации с адаптивным транскодированием позволяет говорить о локализации как о деятельности, входящей в обязанности переводчика, но принципиально отличной от собственно перевода [8]. Согласно А. А. Ачкасову, перевод является одним из этапов локализации наряду с адаптацией и цифровизацией продукта, т. е. можно говорить об иерархических отношениях локализации и

перевода [9, с. 294]. Несмотря на то, что изначально термин «локализация» означал адаптацию программного обеспечения для новой страны, в настоящее время он применяется также к видеоиграм, сайтам, художественным фильмам, сериалам и т. д. Все перечисленные объекты локализации являются гетерогенными текстами, которые в отечественной лингвистике также называют «поликодовыми» [6]. Под поликодовым текстом понимают совокупность сложных многоуровневых знаков, интегрирующих в единое коммуникативное поле разнородные компоненты: вербальные, визуальные, аудиальные и др. [10, с. 123].

Термин «переводческие трансформации» не имеет точного определения, так как трактуется учеными по-разному. Так, Р. К. Миньяр-Белоручев понимает трансформации как изменения формальных или семантических составляющих исходного текста [11, с. 108]. Согласно работам Л. С. Бархударова, трансформации представляют собой многочисленные и разнообразные преобразования, необходимые для достижения адекватности перевода и позволяющие преодолеть расхождения в семантических и формальных системах языков [12, с. 190]. С точки зрения В. Н. Комиссарова, трансформации носят формально семантический характер и помогают осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода, преобразуя как форму, так и значение исходных лексем [7, с. 172].

Методология и источники. В конце прошлого столетия киноперевод окончательно сформировался как отдельное направление переводческой практики. Исследовательский интерес в данном случае сконцентрирован как на технических параметрах перевода (создание субтитров, соблюдение артикуляции при дублировании), так и на решении конкретных языковых проблем, заключающихся преимущественно в передаче тех или иных категорий лексики [13]. Современные практики локализации кинематографа основываются в первую очередь на методах дискурсивного анализа, акцентируя внимание на адресате сообщения, который выступает полноправным и активным участником коммуникативного акта [14]. Речь идет о прагматической адаптации текста, которая подразумевает учет различий между получателями оригинального и переработанного текста: психологических, социально-культурных и т. д. При помощи многокомпонентного лингвистического анализа можно выявить языковые единицы, представляющие особую переводческую трудность.

Суть семантико-когнитивного подхода, используемого в настоящем исследовании, заключается в выявлении и толковании процессов категоризации и концептуализации знаний, протекающих на индивидуальном и коллективном уровнях сознания. Наиболее подробную схему семантико-когнитивного анализа приводят З. Д. Попова и И. А. Стернин [4, с. 111]:

1. Построение номинативного поля концепта.
2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.
3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу.
4. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка (опциональный этап).
5. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков.

Если в рамках исследования стоит задача провести глубокий и полномасштабный анализ концепта, нельзя также обойтись без этапа моделирования, который включает три взаимодействующие, но отдельно выполняемые процедуры [4, с. 147]:

1. Описание макроструктуры концепта: атрибуция выявленных когнитивных признаков образному и информационному компонентам, а также интерпретационному полю.

2. Описание категориальной структуры концепта: иерархическая классификация когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих конкретное явление или предмет, и ее последующее описание.

3. Полевая стратификация выявленных когнитивных признаков: установление ядра, ближней, дальней и крайней областей периферии концепта.

Материалом для проведения семантико-когнитивного анализа является первый сезон сериала «Рассказ служанки», состоящий из 10 серий общей продолжительностью 10 часов, а также его русскоязычная адаптация. Скрипты оригинальной версии сериала и его русскоязычного перевода, анализ которых приводится в работе, представлены в виде текстовых документов. Объем проанализированного материала составляет 50 тыс. слов. В исследовании были использованы дефиниционный и лексикографический методы анализа. Полученные результаты были расширены при помощи метода сплошной выборки и машинного анализа посредством программы Antconc. Следующим и основным этапом исследования является проведение семантико-когнитивного анализа номинативных полей, а также сопоставление оригинальной и локализованной версий кинотекста.

Результаты и обсуждение.

Номинативное поле концепта. В первом сезоне сериала «Рассказ служанки» встретились следующие словарные синонимы лексемы *woman*: *lady, mistress, girl, partner, sweetheart, wife, babe, ma'am, missus, Mrs.* Предположим, что отдельные элементы данного ряда будут входить в состав ядра номинативного поля. При помощи машинного анализа скриптов можно выявить и подсчитать лишь часть способов прямой номинации концепта, т. е. конструирование полноценного номинативного поля возможно только с привлечением метода сплошной выборки. Результаты данного этапа исследования представлены в виде табл. 1.

Таблица 1. Номинативное поле концепта *woman*
Table 1. Nominative field of the concept *woman*

№	Репрезентант	Встречаемость
1	girl	63
2	Mrs.	44
3	Aunt	29
4	woman	28
5	Handmaid	25
6	Wife	22
7	ma'am	21
8	mommy	17
9	daughter, dear, friend	11
10	Martha	8
11	pregnant	7
12	crazy	6
13	mistress, partner, sl*t	5

Окончание таблицы 1
End of Table 1

№	Репрезентант	Встречаемость
14	beautiful, fertile, little, Ms., sister	4
15	dangerous, dummy, evil, honey, lady, meek, mom, pious, prisoner, weak	3
16	barren, b*tch, brave, concubine, c*nt, fruitful, gender traitor, invincible, mama, moron, picky, pretty, sh*t, smart, special, spy, stunning, stupid, tough, wh*re, worthy	2
17	adulterer, amazing, attractive, babe, beast, believer, blessed, choosy, clumsy, companion, coward, cute, damaged, degenerate, deranged, dirty, disgusting, drama queen, d*ke, eager, faithless, gay, graceful, grateful, handmaiden, heartless, horrid, human being, idiot, insane, lesbian, liar, maid, missus, monster, mother, my love, nice, obedient, particular, passionate, pleasant, precious, privileged, rich, ripe, sadistic, silly, sneaky, strong, sweet, sweetheart, thankful, thin, thing, trapped, ungrateful, Unwoman, useful, weakling, well behaved, worthless, young	1

Важным условием установления номинативного поля концепта является анализ не только прямых, но и косвенных номинаций концепта, в том числе фразеологических единиц (табл. 2).

Таблица 2. Фразеологические единицы в составе номинативного поля концепта *woman*
Table 2. Phraseological units as part of the nominative field of the concept *woman*

Репрезентант	Встречаемость
flower	3
breeding stock, bruised apple, carpet-munching, contraband, corrupting influence, doll, evening rental, feral cat, little mice, offense to God, prize pig, property, quiet half of the room, red tag, Sleeping Beauty, two-legged womb, Wh*re of Babylon, zoo animal	1

Основной задачей данного этапа исследования является полевая стратификация репрезентантов в терминах ядра, ближней и дальней областей периферии, которая основывается на встречаемости лексических единиц. В ядро номинативного поля входят лексемы, номинирующие концепт напрямую, т. е. он состоит только из имен существительных. Важно отметить, что лексемы, входящие в состав ядра номинативного поля, можно разделить на три категории:

1. Лексемы, образующие синонимический ряд, приведенный в лексикографических источниках: *girl – Mrs. – woman – ma'am / миссис – девочка – девушка – женщина – мэм.*
2. Лексемы, вербализующие иерархическую структуру общества: *Aunt – Handmaid – Wife / тётка – служанка – жена.*
3. Лексемы *mommy – мама*, номинирующие денотат как часть социальной ячейки «семья».

Категориальная структура. За составлением номинативного поля концепта следует описание семантики формирующих его языковых средств. Когда речь идет об анализе текстового материала, описание семантики языковых средств с опорой на лексикографические источники может исказить результат исследования, так как при работе с текстом необходимо опираться на контекстуальное значение языковых единиц, что и было предпринято.

В таком случае можно перейти непосредственно к выявлению когнитивных, а затем и классификационных признаков концептов. Для более наглядного представления результатов было принято решение объединить эти два этапа и полученные данные представить в виде табл. 3.

Таблица 3. Когнитивные классификационные признаки концепта *woman*
Table 3. Cognitive classificational features of the concept *woman*

Когнитивный классификационный признак	Синонимические ряды	Связанные лексемы	Встречаемость
Положение в иерархии	1. ma'am, missus, mistress, Mrs., Wife 2. Handmaid, handmaiden, maid	Aunt concubine Martha Unwoman	160
Принадлежность к полу	girl, lady, Ms., woman	–	98
Морально-нравственные качества	1. beast, b*tch, c*nt, disgusting, evil, heartless, horrid, liar, monster, sadistic, sh*t 2. brave, dangerous, invincible, passionate, strong, tough 3. grateful, meek, obedient, thankful, well behaved 4. adulterer, dirty, sl*t, wh*re 5. coward, little, weak, weakling 6. amazing, nice, sweet 7. choosy, particular, picky	drama queen eager sneaky ungrateful	64
Роль в семье	mama, mom, mommy, mother	daughter sister	38
Взаимоотношения	1. babe, dear, honey, my love, sweetheart 2. companion, friend, partner	spy	36
Интеллект	1. dummy, idiot, moron, silly, stupid 2. crazy, degenerate, deranged, insane	smart	20
Фертильность	fertile, fruitful, ripe	barren pregnant	16
Внешность	attractive, beautiful, cute, graceful, pleasant, pretty, stunning	–	12
Привилегированность	1. blessed, precious, privileged, special 2. prisoner, trapped	–	9
Ориентация	d*ke, gay, gender traitor, lesbian	–	5
Религиозность	believer, pious	faithless	5
Полезность	useful, worthy	worthless	4
Принадлежность к биологическому виду	human being	thing	2

Табл. 3 была получена в результате анализа семантики языковых средств с опорой на оригинальный текст и контекстуальное значение лексических единиц. Таким образом, были сформированы синонимические ряды, соответствующие когнитивным признакам концепта *woman*, которые в дальнейшем были объединены по принципу однообразия, в результате чего и выявлены когнитивные классификационные признаки, представленные в первом столбце.

Поскольку выявление классификационных и когнитивных признаков было объединено в один этап, необходимо вернуться к описанию полевой стратификации концепта, т. е. атрибуции выявленных когнитивных признаков ядру, ближней, дальней и крайней областям периферии. Для этого необходимо подсчитать суммарную встречаемость элементов каждого синонимического ряда, а затем распределить их согласно данному параметру (табл. 4).

Таблица 4. Когнитивные признаки концепта *woman*
Table 4. Cognitive features of the concept *woman*

Когнитивный признак	Встречаемость	Зона
Принадлежность к полу	98	Ядро
Доминирование	93	
Подчинение	27	Ближняя периферия
Материнство	23	
Ласковое отношение	17	
Дружеские связи	17	
Испорченность	16	
Миловидность	12	Дальняя периферия
Внутренняя сила	11	
Развращенность	9	
Слабость	9	
Глупость	9	
Безумие	9	
Покорность	7	
Фертильность	7	
Статусность	5	
Гомосексуальность	5	
Придирчивость	4	Крайняя периферия
Угнетение	4	
Набожность	4	
Привлекательность	3	
Полезность	3	
Принадлежность к биологическому виду	2	

Ядро концепта представлено двумя признаками: *принадлежностью к полу* и *доминированием*. Важно понимать, что речь идет о доминировании в рамках женской вертикали власти, а не в обществе в целом.

В отличие от ядра концепта, периферия менее подвержена искажениям, связанным со спецификой материала. Отдельно стоит отметить факт вхождения противоречащих друг другу признаков в одну полевую зону: например, *ласковое отношение* и *испорченность*, *внутренняя сила* и *покорность*, *гомосексуальность* и *набожность*. Подобное внешнее несоответствие указывает на то, что художественная реальность построена на контрастах, чем и заинтересовывает зрителя.

Макроструктура. В отличие от категориальной структуры, макроструктурная организация концепта обладает меньшей объективностью, так как не существует конкретной методики ее выявления, и исследователю в большей степени приходится полагаться на собственное видение объекта исследования. Тем не менее выявление информационного компонента в составе макроструктуры обычно не представляет особой трудности. Информационное содержание макроструктуры концепта включает в себя минимальный набор когнитивных признаков, необходимых для описания наиболее важных отличительных черт концептуализируемого явления или предмета.

К основным дифференциальным признакам концепта *woman* можно отнести такие классификационные признаки, как *место в иерархии*, *принадлежность к полу* и *роль*

в семье. В рамках изображенного патриархального общества женщина не мыслится вне строго отведенной социальной роли, что выражено признаком положение в иерархии. Признак *роль в семье*, в рамках которого женщина номинируется лексемами *mommy*, *daughter*, *sister* и другими, также относится к информационному компоненту, поскольку не содержит в себе оценки и не является результатом перцептивного восприятия. Информационный компонент номинируется 22 единицами с суммой повторений 296 раз. Такой объем информационного содержания можно объяснить спецификой исследуемого материала: в скриптах преобладают диалоги героев, т. е. часто встречаются обращения.

К образному компоненту концепта *woman* относятся такие классификационные признаки, как *фертильность* и *внешность*, а также все фразеологические единицы, входящие в состав номинативного поля. Образный компонент концепта включает в себя те признаки, которые были получены в процессе перцептивного восприятия. В случае с концептом *woman* признак *фертильность* является результатом женского телесного опыта, включающего в себя разнообразные репродуктивные процессы: овуляцию, беременность, роды и т. д. Признак *внешность* также относится к образному компоненту, поскольку описывает денотат с точки зрения визуальных характеристик. Помимо перцептивных признаков, в состав образного компонента входят языковые единицы, номинирующие денотат метафорически, т. е. фразеологизмы. Образный компонент номинирован 31 единицей с суммой повторений 49 раз.

В интерпретационное поле концепта входят те когнитивные классификационные признаки, которые так или иначе интерпретируют основное информационное содержание концепта или оценивают его. Так, в интерпретационное поле концепта *woman* входят такие признаки, как *морально-нравственные качества*, *взаимоотношения*, *интеллект*, *привилегированность*, *ориентация*, *религиозность*, *полезность* и *принадлежность к биологическому виду*. С точки зрения лексического состава все эти признаки являются оценочными и не могут быть отнесены ни к информационному, ни к образному компонентам. Об этом говорит стилистическая окрашенность синонимических рядов, составляющих перечисленные классификационные признаки. Стоит отметить, что контекстуальное значение лексем, номинирующих признак *принадлежность к биологическому виду*, не позволяет отнести их к информационному компоненту. Интерпретационное поле номинировано 64 единицами с суммой повторений 145 раз. Таким образом, макроструктуру концепта *woman* можно представить в виде табл. 5.

Таблица 5. Макроструктура концепта *woman*
Table 5. Macrostructure of the concept *woman*

Элемент макроструктуры	Лексическая представленность	Суммарная встречаемость лексем
Информационный компонент	22	296
Образный компонент	31	49
Интерпретационное поле	64	145

Разнообразнее всего номинируется интерпретационное поле, представленное 64 единицами; на образный и информационный компоненты приходится 31 и 22 единицы соответственно. Стоит отметить, что утверждение о скудной номинации информационного компонента относится именно к лексическому разнообразию, но с точки зрения встречаемости

единиц информационный компонент лидирует. Это объясняется тем, что к этому компоненту относятся прямые, неспецифические способы номинации концепта, встречаемость которых будет гораздо выше по сравнению с единицами, имеющими стилистическую или эмоциональную окраску. Именно поэтому интерпретационное поле номинируется в 3 раза разнообразнее информационного компонента, уступая ему по встречаемости в 2 раза. Единицы, входящие в состав образного компонента, встречаются реже всего, т. е. женщина редко номинируется с точки зрения перцептивных характеристик. Тем не менее образный компонент достаточно разнообразен, поскольку включает в себя фразеологические единицы. Таким образом, исходя из того, что преобладающим макроструктурным элементом концепта *woman* является интерпретационное поле, в состав которого входят стилистически и эмоционально окрашенные единицы, можно сделать вывод, что в дискурсивном пространстве сериала концепт носит преимущественно оценочный характер.

Лексическое разнообразие. Сопоставляя оригинальный текст и русскоязычный перевод, можно сделать определенные выводы об особенностях локализации исследуемого концепта. Первым этапом сравнительного анализа скриптов является выявление репрезентантов концепта, имеющих однозначное соответствие в языке перевода. В результате было установлено, что однозначное соответствие в языке перевода имеют 62 лексемы, что составляет примерно 55 % номинативного поля, состоящего из 116 единиц. Важно отметить, что некоторые единицы, вербализующие концепт *woman*, имеют несколько соответствий в языке перевода (табл. 6).

Таблица 6. Лексическое разнообразие концепта *женщина*
Table 6. Lexical variety of the concept *woman*

Лексема	Варианты
girl (63)	Девочка (28), девушка (25), девчонка (7), молодец (2), подруга (1)
woman (28)	Женщина (26), жена (2)
meek (3)	Кроткая (2), смиренная (1)
b*tch (2)	С*чка (1), стерва (1)
worthy (2)	Достойная (1), годная (1)

Особого внимания заслуживает лексема *girl*, которая переводится на русский язык пятью разными способами. В случае с такими вариантами, как *девочка* (1), *девушка* (2) и *девчонка* (3), можно говорить о том, что лексическое разнообразие русского языка способствует более точной передаче смыслов и оттенков, чем оригинальный текст.

(1) *Think of what is to come for you, my girl.* / Только представь, что тебя ждет, **девочка моя**.

(2) *Whatever punishment these girls had to endure was for the greater good.* / Какие бы наказания ни понесли эти **девушки**, это было ради великого блага.

(3) *And that girl, that ungrateful girl, she snapped at me.* / А эта **девчонка**, эта **неблагодарная девчонка**, она меня цапнула.

Лексема *woman*, несмотря на устойчивое соответствие *женщина*, дважды переводится как *жена*, что связано с религиозным характером высказываний. Таким образом переводчику удастся более полно передать смысл исходного высказывания и соблюсти русскую религиозную традицию, где предпочтительнее употребление лексемы *жена* (4), (5):

(4) *And the rib, which the Lord God had taken from man, made he a woman, and brought her unto the man.* / *И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку.*

(5) *My bones, flesh of my flesh, she shall be called Woman because she was... Therefore, shall a man... Unto his wife.* / *Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо... Потому оставит человек... Прилепится к жене своей.*

Возможным также является рассмотрение противоположного процесса, при котором разные исходные единицы имеют один и тот же вариант перевода (табл. 7).

Таблица 7. Лексическое разнообразие концепта *woman*
Table 7. Lexical variety of the concept *woman*

Лексема	Варианты
Служанка (27)	Handmaid (25), handmaiden (1), maid (1)
Жена (24)	Wife (22), woman (2)
Подруга (12)	friend (11), girl (1)
Госпожа (6)	Mistress (5), missus (1)
Лесбиянка (4)	d*ke (1), carpet-munching (1), gay (1), lesbian (1)
Сильная (3)	tough (2), strong (1)
Благодарная (2)	thankful (1), grateful (1)
Милая (сущ.) (2)	my love (1), sweetheart (1)
Милая (прил.) (2)	sweet (1), nice (1)

Особого внимания в данном случае требует только единица *лесбиянка*, так как она в полной мере демонстрирует различие русско- и англоязычной культур. В русском языке существует куда меньше синонимов для лексемы *лесбиянка*, чем для единиц *gay* и *lesbian* в английском. Это связано с тем, что для представителей русскоязычной культуры тема гомосексуальности является гораздо более табуированной, что приводит к скудной номинации денотата (6), (7), (8):

(6) *She was rounded up in one of the d*ke purges.* / *Ее загнали в один из очистителей для лесбиянок.*

(7) *Especially a carpet-munching gender traitor.* / *Особенно гендерной изменнице лесбиянке.*

(8) *I knew she was gay.* / *Я знала, что она лесбиянка.*

Помимо случаев, демонстрирующих лексическое разнообразие русского или английского языков, в рамках номинативного поля существуют единицы, которые являются взаимозаменяемыми и формируют синонимические ряды (табл. 8).

Таблица 8. Синонимия репрезентантов концептов *woman/женщина*
Table 8. Synonymy within the representatives of the concepts *woman/женщина*

Английские лексемы	Русские лексемы
mommy (17), mom (3), mama (2), mother (1)	Мама (20), мамочка (2), мать (1)
dear (11), honey (3)	Дорогая (12), дорогуша (2)
sl*t (5), wh*re (2)	Шл*ха (6), шл*шка (1)
beautiful (4), pretty (2)	Красивая (3), чудесная (2), прекрасная (1)
c*nt (2), beast (1)	Тварь (2), с*ка (1)

Таким образом, синонимия встречается как в русской локализации, так и в оригинальном скрипте, что говорит о примерно равной степени выразительности исходного и переводного материала.

Переводческие трансформации. Помимо рассмотренных ранее однозначных соответствий и синонимичных вариантов перевода, при локализации концепта могут использоваться переводческие трансформации. Для их исследования необходимо провести сопоставительный анализ репрезентантов концептов *woman/женщина*, на основе чего можно будет сделать вывод о преобладании тех или иных видов трансформаций при локализации исходного концепта. Элементы номинативного поля, которые будут рассмотрены в этом разделе, можно поделить на две категории: лексем, которые имеют однозначное соответствие, но в ряде случаев подлежат переводческой трансформации, и лексем, которые переводятся только при помощи трансформаций. Это разделение принципиально важно для понимания того, в каких случаях применение переводческих трансформаций носит опциональный или окказиональный характер, а в каких оно является необходимостью. Первую категорию лексем можно представить в виде табл. 9.

Таблица 9. Использование однозначных соответствий и переводческих трансформаций при локализации концепта *woman*

Table 9. The use of one-to-one correspondences and transformations in the localization of the concept *woman*

Лексема в языке оригинала	Соответствие в языке перевода	Использование трансформаций в переводе
crazy (6)	Спятившая (2), сумасшедшая (1)	They all think I am crazy , but I am not. / Они все думают, что я спятила , но это не так. I know you are not crazy . / Я знаю, что ты не спятила . It is a wonder we are not all crazy . / Удивительно, как мы все не спятили .
partner (5), companion (1)	Напарница (5)	Of glen is your shopping partner , correct? / Гленова ходит с тобой за покупками , верно?
little (4)	Мелкая (2)	Little wh*res , all of them. / Все они шлюшки . You look like your mama, little June . / Ты похожа на свою маму, малышка Джун .
evil (3)	Злобная (2)	You are f*cking evil . / Ты злобная с*ка .
fruitful (2)	Плодоносная (1)	But God has seen fit to make you fruitful , and by that we are bound. / Но Господь счел нужным наделить тебя плодовитостью , и этим мы связаны.
picky (2)	Требовательная (1)	Do not be picky , just take one. / Не перебирайте , просто возьмите по одному.
spy (2)	Шпионка (1)	She is my spy , and I am hers. / Она шпионит за мной, я за ней.
stupid (2)	Глупая (1)	Do not be stupid . / Не будь идиоткой .

Суммарная встречаемость репрезентантов концепта *woman* составляет 27 раз, при этом в 16 случаях они переводятся при помощи однозначного соответствия, а на использование трансформаций приходится 11 случаев. Исходя из этого, можно сделать вывод, что при наличии однозначного соответствия переводческий выбор склоняется в сторону его использования, а трансформации носят опциональный характер.

От рассмотрения лексем, при переводе которых применяются как однозначные соответствия, так и трансформации, перейдем ко второй категории единиц. Они могут быть представлены в виде табл. 10.

Основываясь на сопоставлении оригинального и локализованного текста, можно сделать вывод, что преобладающей переводческой трансформацией является замена части речи, при этом наиболее часто замене подвергается имя прилагательное, а для перевода имен

существительных чаще используются однозначные соответствия. Также при переводе могут использоваться такие приемы, как замена типа предложения, компенсация и модуляция.

Таблица 10. Использование переводческих трансформаций при локализации концепта *woman*
Table 10. The use of transformations in the localization of the concept *woman*

Лексема	Трансформации при переводе
blessed (1)	I am blessed to have a home and a husband to care for and follow. / Это благословение – иметь дом и мужа, чтобы заботиться о нем и следовать за ним.
choosy (1)	But still, you cannot be choosy . / Ну, тут уж не попривередничаешь .
clumsy (1)	Clumsy! / Ох, кулёма!
cute (1)	You are cute . / Ты милашка .
damaged (1)	Please remove the damaged ones. / Пожалуйста, выведите тех, у кого есть увечья .
drama queen (1)	She is a drama queen . / Она вечно драматизирует .
passionate (1)	I heard you speak once at a rally, before the war, you were very passionate . / Однажды я слышала вашу речь на митинге, до войны, вы выступали с такой страстью .
precious (1)	But you are so very precious , we would not want to lose you. / Но ты такая драгоценность , мы бы не хотели тебя потерять.
ripe (1)	You are ripe . / Ты созрела .
well behaved (1)	Oh, isn't she well behaved ? / О, ну и кто скажет, что она не умеет себя вести ?

Фразеология. Важными элементами, номинирующими тот или иной концепт, являются фразеологические единицы. Без подробного рассмотрения фразеологических единиц, входящих в состав номинативных полей, анализ концепта будет неполным, поскольку именно во фразеологии закреплены самые яркие образные составляющие. Результат сопоставительного анализа фразеологизмов, входящих в состав номинативных полей концептов *woman/женщина*, можно представить в виде табл. 11.

Таблица 11. Фразеологизмы в концептуальной паре *woman/женщина*
Table 11. Phraseological units in the conceptual pair *woman/женщина*

Оригинал	Перевод	Категория
It is like living with a feral cat .	Словно живешь с дикой кошкой .	Анимализм
Like little mice .	Как мышки .	
Washed and brushed like a prize pig .	Быть вымытой и причесанной, как призовая свинья .	
Like zoo animals .	Как животные в зоопарке .	Фертильность
We are breeding stock .	Мы маточное поголовье .	
We are two legged wombs .	Мы двуногие утробы .	
The two of you will become one flesh, one flower , waiting to be seeded.	Вы обе станете одной плотью, одним цветком , ждущим, чтобы его опылили.	
We are flowers .	Мы цветы .	Неодушевленность
Go like an open flower .	Помни, ты распустившийся цветок .	
But you do not put the bruised apples at the top of the crate, do you?	Но порченые яблоки не кладут сверху корзины, не так ли?	
I do not want to be a doll , hung on the wall.	Я не хочу быть куклой , висящей на стене.	Собственность
Red tags .	Красные бирки .	
How does the quiet half of the room feel about Gilead?	А что тихая половина комнаты думает о жизни в Галааде?	Собственность
You are contraband .	Ведь ты контрабанда .	
An evening rental .	Арендовал на вечер .	
She is not your property .	Она не твоя собственность .	

Окончание таблицы 11
End of table 11

Оригинал	Перевод	Категория
Especially a carpet-munching gender traitor.	Особенно гендерной изменнице лесбиянке .	Сексуальность
Some of the guests have Sleeping Beauty fantasies.	Некоторые наши гости фантазируют о спящих красавицах .	
You look like the Wh*re of Babylon .	Ты выглядишь как вавилонская блудница .	
I was a " corrupting influence ".	Я была « разлагающим элементом ».	Оскорбление
That girl, that thing, was an offense to God .	Эта девушка, это существо, было оскорблением Господу .	

Все фразеологизмы, представленные в составе номинативных полей, можно разделить на 6 категорий: анимализм, фертильность, неодушевленность, собственность, сексуальность и оскорбление. Данная классификация основывается на семах, доминирующих в составе той или иной категории фразеологизмов. Практически все фразеологизмы, приведенные в табл. 11, в определенной степени подтверждают тезис о подчиненном положении женщины, что дает право говорить о прямой взаимосвязи языка и обстановки в обществе.

Заключение. В ходе исследования удалось доказать прямую взаимосвязь между общественным положением женщины в рамках художественной реальности и способами репрезентации концептов в языке. Образ женщины конструируется вокруг традиционного патриархального представления о ее подчиненной роли, что находит отражение на всех этапах исследования.

Особенности общественного устройства отражаются в макроструктурной организации исследуемых концептов. Лексемы, номинирующие ступени женской вертикали власти, входят в состав информационного компонента, поскольку в рамках исследуемой художественной реальности женщина не существует вне системы и не имеет индивидуальной ценности. Преобладающим компонентом является интерпретационное поле, состоящее из единиц с высокой степенью образности, в том числе фразеологических. Исходя из этого, можно говорить об оценочной природе концептов *woman/женщина* в исследуемом кинодискурсе, при этом эмоциональная и стилистическая окрашенность наблюдается как в оригинальной, так и в локализованной версии кинотекста.

С точки зрения лексического разнообразия языка оригинала и перевода демонстрируют равный уровень представленности концептов, однако в обоих текстах можно найти примеры опущения конкретных сем. Адекватность и эквивалентность перевода достигается при помощи использования переводческих трансформаций, наиболее часто встречающейся из которых является замена имени прилагательного.

Таким образом, результаты семантико-когнитивного анализа способов репрезентации концептов *woman/женщина* доказывают, что в рамках исследуемой художественной реальности женщина занимает подчиненное положение, что выражено как на сюжетном, так и на языковом уровнях повествования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Этимологический словарь русского языка: пособие для учителей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

2. Базарова Л. В. Понятие концепт в когнитивной лингвистике // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 4. С. 176–178.
3. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–269.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.
6. Чистова Е. В. Теоретический статус межъязыковой локализации как особого вида переводческой деятельности / Культура и текст. 2020. № 3 (42). С. 161–175. DOI: 10.37386/2305-4077-2020-3-161-175.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
8. Сдобников В. В. Новые тенденции в переводоведении // Казанский вестн. молодых ученых. 2018. Т. 2, № 4 (7). С. 72–79.
9. Achkasov A. V. Rethinking the Scope of Localization // J. of Siberian Federal Univ. Humanities & Social Sciences. 2017. № 3. P. 288–297. DOI: 10.17516/1997-1370-0036.
10. Чернявская В. Е. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестн. Ирк. гос. лингвистического ун-та. 2013. № 2. С. 122–127.
11. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980.
12. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Междунар. отношения, 1975.
13. Комалова Л. Р., Майорова Е. В. Исследования кинопереводческой практики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание. 2020. № 2. С. 72–78.
14. Анисимов В. Е., Борисова А. С., Консон Г. Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. 2019. Т. 23, № 2. С. 435–459. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459>.

Информация об авторах.

Степанова Наталия Валентиновна – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивный анализ, когнитивная лингвистика, стилистика, межкультурная коммуникация, теория перевода.

Матвеева Влада Николаевна – студентка (5-й курс) гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Сфера научных интересов: критический дискурс-анализ, миграционный дискурс, медиадискурс, гендерная лингвистика, кинодискурс.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.12.2022; принята после рецензирования 07.02.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.*

REFERENCES

1. Shanskii, N.M., Ivanov, V.V. and Shanskaya, T.V. (1982), *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: posobie dlya uchitelei* [Etymological dictionary of the Russian language: a guide for teachers], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, USSR.
2. Bazarova, L.V. (2010), "The concept of concept in cognitive linguistics", *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences], no. 4, pp. 176–178.

3. Askol'dov, S.A. (1997), "Concept and word", *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology], in Neroznak, V.P. (ed.), Academia, Moscow, RUS, pp. 267–269.
4. Popova, Z.D. and Sternin, I.A. (2006), *Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of language], Istoki, Voronezh, RUS.
5. Popova, Z.D. and Sternin, I.A. (2001), *Ocherki po kognitivnoi lingvistike* [Essays in Cognitive Linguistics], Istoki, Voronezh, RUS.
6. Chistova, E.V. (2020), "Theoretical status of interlanguage localization as a special type of translation activity", *Culture and text*, no. 3 (42), pp. 161–175. DOI: 10.37386/2305-4077-2020-3-161-175.
7. Komissarov, V.N. (1990), *Teoriya perevoda (Lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (Linguistic aspects)], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
8. Sdobnikov, V.V. (2018), "New Trends in Translation Studies", *Kazan Bulletin of Young Scientists*, vol. 2, no. 4 (7), pp. 72–79.
9. Achkasov, A.V. (2017), "Rethinking the Scope of Localization", *J. of Siberian Federal Univ. Humanities & Social Sciences*, no. 3, pp. 288–297. DOI: 10.17516/1997-1370-0036.
10. Tcherniavskaia, V.E. (2013), "Medial Turn in Linguistic: Text Hybridity", *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 2, pp. 122–127.
11. Min'yar-Beloruhev, R.K. (1980), *Obshchaya teoriya perevoda i ustnyi perevod* [General theory of translation and oral translation], Voenizdat, Moscow, USSR.
12. Barkhudarov, L.S. (1975), *Yazyk i perevod* [Language and translation], Mezhdunar. Otnosheniya, Moscow, USSR.
13. Komalova, L.R. and Maiorova, E.V. (2020), "Studies of film translation practice", *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 6. Linguistics*, no. 2, pp. 72–78.
14. Anisimov, V.E., Borisova, A.S. and Konson, G.R. (2019), "Linguocultural Localization of Movie Titles", *Russian J. of Linguistics*, vol. 23, no. 2, pp. 435–459. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459>.

Information about the authors.

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology, 2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, cognitive linguistics, stylistics, intercultural (cross-cultural) communication, translation theory.

Vlada N. Matveeva – Student (5th year) at the Humanity Department, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Area of expertise: critical discourse analysis, migration discourse, media discourse, gender linguistics, film discourse.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.12.2022; adopted after review 07.02.2023; published online 22.06.2023.*

Оригинальная статья

УДК 81

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-150-164>

Лингвоконцептологические исследования художественного текста: эволюция теоретических и методологических подходов

Инна Владимировна Кононова^{1✉}, Татьяна Анатольевна Пруцких²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹ivkononova-unecon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4903-5856>

²pruta@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3815-1445>

Введение. В статье представлены результаты аналитического обзора научных трудов, отражающих этапы формирования и развития когнитивной поэтики как междисциплинарного научного направления отечественной филологии. Целью статьи является систематизация и критический анализ подходов, концепций и методологических принципов изучения художественных концептов, составляющих когнитивную основу литературного текста, идиостиля автора и шире – поэтического социолекта и жанра.

Методология и источники. Статья опирается на теоретические концепции и подходы зарубежных и отечественных авторов (Р. Цура, П. Стоквелла, И. А. Тарасовой, Н. С. Болотновой, Л. О. Бутаковой и др.), послужившие основой для формирования когнитивной поэтики. Проводится сопоставительный анализ работ, направленных на рассмотрение структуры художественных концептов, способов их текстовой репрезентации и критериев типологизации. Методологической основой для аналитического обзора стали также научные труды, посвященные изучению художественных текстов методами корпусной лингвистики, в том числе работы Б. Фишер-Старке, Д. Зипманна, А. Стефановича, М. Мальберг и др.

Результаты и обсуждение. В статье охарактеризована эволюция теоретико-методологических подходов к исследованию индивидуально-авторских концептов и концептосфер, проанализирована современная проблематика лингвоконцептологических исследований художественных текстов. Подчеркивается важность дальнейшего рассмотрения проблемы выделения концептуальных констант идиостиля автора с описанием когнитивных механизмов, лежащих в основе смысловой вариативности индивидуально-авторского концепта. Обсуждается необходимость использования корпусной методологии в изучении художественного дискурса в его синхронном и диахроническом описании.

Заключение. Показано, что, несмотря на то, что моделирующие свойства авторского сознания длительно и интенсивно изучаются в отечественной когнитивной поэтике, дальнейшего осмысления требуют критерии выбора методики моделирования художественного концепта с учетом его типа; вопросы унификации терминологии в существующих подходах; алгоритмы описания структуры художественного концепта на основании его текстовых репрезентаций; методики выделения концептуальных констант идиостиля автора и описания когнитивных механизмов, лежащих в основе смысловой вариативности индивидуально-авторских концептов. Делается вывод о перспективно-

© Кононова И. В., Пруцких Т. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

сти применения корпусных методов исследования в когнитивной поэтике. Определен спектр задач лингвоконцептологических исследований художественного текста, которые могут быть решены статистическими методами корпусной лингвистики.

Ключевые слова: художественный концепт, идиостиль, когнитивная поэтика, корпусная лингвистика

Для цитирования: Кононова И. В., Пруцких Т. А. Лингвоконцептологические исследования художественного текста: эволюция теоретических и методологических подходов // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 150–164. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-150-164.

Original paper

Linguo-Conceptual Studies of Literary Text: Evolution of Theoretical and Methodological Approaches

Inna V. Kononova^{1✉}, *Tatiana A. Prutskikh*²

^{1,2}*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*ivkononova-unecon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4903-5856>*

²*pruta@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3815-1445>*

Introduction. The article presents the results of an analytical review of scientific papers reflecting the stages of formation and development of cognitive poetics as an interdisciplinary research area in Russian linguistics. The purpose of the article is to systematize and critically analyze approaches, concepts and methodological principles of the study of concepts that constitute the cognitive basis of literary texts, authors' idiostyles and, by extension, of poetic sociolects and literary genres.

Methodology and sources. The paper reviews theoretical concepts and approaches (developed by R. Tsur, P. Stockwell, I.A. Tarasova, N.S. Bolotnova, L.O. Butakova, etc.), which served as the foundations of cognitive poetics. A comparative analysis of works focusing on the structure of literary concepts, their textual representation aspect and categorization criteria is carried out. The studies which concentrate on the application of corpus methods in order to analyze literary texts, including the works by B. Fischer-Starcke, D. Siepmann, A. Stefanowitsch, M. Mahlberg, etc., also formed the methodological basis for the analytical review.

Results and discussion. As a result of the review study, the evolution of theoretical and methodological approaches to literary concepts and literary texts' ideospheres is demonstrated. The main concepts that influenced the formation of cognitive poetics are identified; the relevant problems of cognitive studies of poetic and prose texts are analyzed. It's shown that it is necessary to further consider the problem of identifying dominant concepts of authors' idiostyles describing cognitive mechanisms that underlie the semantic variability of individual concepts. The importance of using corpus methodology in the study of literary discourse in its synchronic and diachronic perspective is discussed.

Conclusion. It is shown that, despite the fact that the author's creative consciousness has been studied intensively and for a long time in Russian cognitive poetics, there are still problems that need further consideration. The following aspects must be analyzed: the criteria for choosing the method of modeling a literary concept, taking into consideration its type; the elaboration of uniform terminology in existing approaches; the development of the algorithms for describing the structure of literary concepts and identifying conceptual dominants of authors' ideospheres. A conclusion was made regarding the potential of applying corpus research methods in the field of cognitive poetics. A range of the tasks related to the cognitive research of literary texts that could be solved by using statistical methods of corpus linguistics was determined.

Keywords: literary concept, idiosyle, cognitive poetics, corpus linguistics

For citation: Kononova, I.V. and Prutskikh, T.A. (2023), "Linguo-Conceptual Studies of Literary Text: Evolution of Theoretical and Methodological Approaches", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 150–164. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-150-164 (Russia).

Введение. Одним из активно развивающихся направлений отечественной когнитивной поэтики является изучение индивидуально-авторских («художественных») концептов и концептосфер, составляющих ментальную основу идиостиля автора. При этом в целом вопросы когнитивной поэтики не сводятся исключительно к исследованию концептуальной основы литературного текста. По мнению Л. О. Бутаковой, основной задачей когнитивной поэтики как междисциплинарного научного направления является изучение «структуры и типа сознания автора <...> и исследование моделирующих свойств авторского сознания как креативной динамической системы» [1, с. 75]. Е. В. Лозинская не включила в обзор направлений когнитивных исследований литературы, который вышел в 2007 г. [2], анализ работ бурно развивавшегося в этот период в отечественной филологии *концептологического направления*. Однако в России именно описание индивидуально-авторских концептов стало магистральным курсом когнитивных исследований художественного текста. Большая часть работ, проводимых в данном русле, направлена на описание структуры концептов, моделирование концептосфер художественного произведения и выявление концептуальной модели идиостиля автора.

«Концептологический поворот» в когнитивных исследованиях литературы в отечественной филологии можно рассматривать как естественное следствие бурного развития отечественной лингвоконцептологии в конце XX – первой декаде XXI в. В этот период складываются научные школы (В. И. Карасика, И. А. Стернина, Н. Н. Болдырева и С. Г. Воркачёва и др.), разработавшие методологические подходы к анализу структуры и способов дискурсивной реализации концептов. Данные исследовательские подходы и методы нашли активное применение в анализе индивидуально-авторских концептов художественного текста, что способствовало становлению и развитию *поэтической лингвоконцептологии* или *концептологии художественного текста*.

Этапы становления когнитивной поэтики, специфика ее развития на отечественной почве, эволюция существующих методологических подходов и основная проблематика направления представлены в программной монографии И. А. Тарасовой «Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы» [3]. Автор уточняет понятийно-категориальный аппарат когнитивной поэтики как междисциплинарного направления исследований художественного текста, представляет результаты терминологической рефлексии, «вызванной “вбросом” новых терминов в литературоведческое поле» [3, с. 5], эксплицирует исследовательские процедуры, лежащие в основе предлагаемого в книге методологического подхода к исследованию художественной речи.

Поскольку научный интерес к концептологическим исследованиям художественной литературы на протяжении последних десяти лет не ослабевает, представляется важным осмыслить накопленный в данной области опыт, проведя аналитический обзор теоретико-методологических подходов когнитивной поэтики, каждый из которых предлагает определенную методику лингвоконцептологического анализа художественного текста. Необходи-

димо также обсудить возможные перспективы развития данного направления, в частности, эвристический потенциал применения современных количественных методов исследования в анализе художественных концептов.

Цель настоящей статьи – представить краткий обзор работ, которые, на наш взгляд, оказали наиболее значительное влияние на развитие концептологического направления когнитивной поэтики в России, обозначить актуальную проблематику и перспективы развития данного научного направления.

Методология и источники. Основные концепции когнитивной лингвистики, к которым можно отнести теорию прототипов и категорий базисного уровня Э. Рош и ее последователей, когнитивную грамматику Р. Лангакера, теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тёрнера, сформировались в 70-е и 80-е гг. XX в. В 1990-е гг. в фокус интересов когнитивной науки впервые помещается художественный текст, что со временем приводит к формированию западных школ когнитивного литературоведения. Для обозначения новой области исследований в западной традиции параллельно с термином «когнитивное литературоведение» используется также термин «когнитивная поэтика», введенный в научный обиход Р. Цуром [4]. Соотношение терминов «когнитивное литературоведение» и «когнитивная поэтика» по-разному трактуется в зарубежной филологической науке. Отсутствие объединяющего термина для дисциплины, направленной на когнитивные исследования художественного текста, можно объяснить, по мнению Е. В. Лозинской, «методологическими различиями между исследователями, практикующими или теоретически осмысляющими когнитивные подходы к литературе» [2, с. 16]. Если П. Стоквелл относит термин «когнитивная поэтика» ко всему комплексу исследований литературы, опирающихся на когнитивные подходы к изучению языка [5], то А. Ричардсон полагает, что между терминами «когнитивное литературоведение» и «когнитивная поэтика» существуют отношения включения, и трактует первую дисциплину как более содержательно широкую [6]. Автор предлагает рассматривать когнитивное литературоведение как комплекс дисциплин, в определенной мере различающихся теоретически и методологически, в числе которых выделяет *когнитивную риторiku*, *когнитивную нарратологию* и *когнитивную поэтику* [6].

Методологической базой *когнитивной риторики* стали концепции когнитивного моделирования, главным образом теории концептуальной метафоры [7] и концептуальной интеграции [8]. Возможность приложения теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона к литературному тексту была продемонстрирована самим автором подхода (в книге «More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor» [9]). Впоследствии идея системности метафорических отображений в художественном тексте получила широкое развитие в зарубежной и отечественной филологии [10, 11 и др.]. Новый вектор развития когнитивная риторика получила с появлением теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тёрнера. По мнению авторов концепции, образующееся в результате интеграции ментальное пространство (бленд), сформировавшись на основе двух исходных и одного родового (общего) пространства, далее развивается по собственным законам [8]. Мысль о независимости бленда от исходных ментальных пространств в плане его дальнейшего развития сделала теорию Ж. Фоконье и М. Тёрнера продуктивным методологическим подходом

к анализу систем образов и смыслов литературных произведений, в частности, литературы вымышленных миров и альтернативных вселенных.

Формирование *когнитивной ветви нарратологии*, по мнению А. Ричардсона, было во многом предопределено тем, что понятийный аппарат когнитивной психологии и искусственного интеллекта давно уже использовался в описании художественного текста [6]. К работам, стоящим у истоков направления, автор относит в первую очередь теорию формального описания фабулы М.-Л. Риаан [12] и «естественную» нарратологию М. Флудерник [13]. К основным объектам рассмотрения ученые, работающие в русле данного направления, относят нарративные репрезентации [14, с. 19]. Художественный мир, воссоздаваемый текстом, строится на основе нарративной репрезентации, состоящей из разного рода ментальных моделей – *схем, скриптов и фреймов*. «Одной из основных задач когнитивной нарратологии является выявление и описание основных ментальных моделей, положенных в основу авторского нарратива, специфики их комбинаций и способов текстовой реализации» [3, с. 20].

Цели и объект *когнитивной поэтики*, основы которой в западном когнитивном литературоведении закладывались в первую очередь в трудах Р. Цура [4] и П. Стоквелла [5], формулируются учеными достаточно вариативно. Если Р. Цур считает основным объектом когнитивной поэтики «способность человека создавать поэтические структуры и понимать эффект, вызываемый ими» [4, с. 2], то П. Стоквелл рассматривает задачи данного направления гораздо шире, предлагая систематизировать научную проблематику «когнитивной поэтики» в соответствии с ключевыми концепциями когнитивной лингвистики, применимыми к анализу художественных текстов [5]. Подход Стоквелла нивелирует целесообразность выделения когнитивной риторики, нарратологии и поэтики как трех хоть и интегративных, но отдельных направлений. Понимание задач когнитивной поэтики Р. Цуром позволяет отделить ее от когнитивной риторики и определяется «изучением не только концептуальных, но и аффективных аспектов человеческого сознания» [2, с. 16].

Отечественная традиция *когнитивных штудий* художественного текста опирается на широкое понимание объекта исследования когнитивной поэтики. Термин «когнитивное литературоведение», введенный в научный обиход Е. В. Лозинской [2], так и не получил в России широкого распространения по той причине, что, «в силу достаточно жестких институциональных границ между лингвистикой и литературоведением в отечественной науке такая номинация едва ли возможна: в основном когнитивными исследованиями художественного текста в России занимаются лингвисты» [3, с. 25]. Таким образом, в российской филологической науке основным наименованием для дисциплины, изучающей когнитивные аспекты порождения и восприятия художественного текста, стал термин «когнитивная поэтика». Несмотря на то, что задачи когнитивной поэтики рассматриваются многими учеными достаточно широко и многогранно [1, 2, 15–18 и пр.], именно лингвоконцептологические исследования ментального уровня языковой личности автора («когнитивного уровня» [19]) получили наиболее широкое развитие в отечественной науке.

Концептология художественного текста получила свое становление в первую очередь в работах, посвященных когнитивному анализу произведений русской литературы. Основными в этом плане можно считать труды И. А. Тарасовой [15, 20, 21], Н. С. Болот-

новой [16, 17], Л. О. Бутаковой [1, 18] и Л. В. Миллер [22]. В дальнейшем лингвоконцептологические исследования художественного текста активно развивались на материале произведений европейской литературы [например, 23–25 и др.].

В качестве перспективных направлений концептологических исследований литературы И. А. Тарасова выделяет *структурно-системный* и *системно-сопоставительный* аспекты [3, с. 35]. В рамках первого (структурно-системного) ракурса исследователь предлагает описывать концептосферу автора поэтического либо прозаического текста, моделируя ментальную основу идиостиля (индивидуальную концептосферу) как двухъярусное образование: «на первом ярусе располагаются концепты как базовые единицы индивидуально-авторского сознания, на втором – они объединяются в когнитивные структуры» [3, с. 35]. Системно-сопоставительный аспект рассмотрения концептуального уровня идиостилей авторов сводим к описанию концептосферы поэтической школы – «поэтического социолекта»; основную задачу в изучении *поэтического социолекта* И. А. Тарасова видит в «структурировании отдельных индивидуально-авторских концептов, выявлении их общих характеристик, образующих так называемый концепт-код» [3, с. 35].

Таким образом, центральной категорией анализа художественного текста в когнитивной поэтике по-прежнему остается образ автора и его языковая личность. Однако применение методологического аппарата когнитивной лингвистики в описании поэтических концептов, формирующих индивидуально-авторскую концептосферу, позволяет получить дополнительную информацию о когнитивных механизмах порождения скрытого, глубинного смысла художественного текста.

Результаты и обсуждение. Аналитический обзор сложившихся к настоящему моменту работ в области когнитивной поэтики позволил нам выделить основные методологические проблемы, которые привлекают внимание исследователей и обсуждаются в работах специалистов, занимающихся изучением когнитивного уровня идиостиля автора художественного текста.

К таким методологически важным аспектам когнитивной поэтики можно отнести в первую очередь проблему *моделирования структуры* художественного концепта и вопрос выявления *соотношения индивидуально-авторского концепта и концепта обыденного сознания*.

Проблема моделирования индивидуально-авторского концепта рассматривается в большей части исследований этого направления. Необходимо отметить, что методологическую основу современных исследований художественных концептов составляют представления о структуре концепта и способах его языковой репрезентации, сложившиеся в трудах ведущих отечественных лингвокультурологов В. И. Карасика, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина и С. Г. Вокачёва, во многом определивших современное состояние отечественной лингвоконцептологии, а также ученых, разработавших фреймовый подход к моделированию концептов [26, 27 и др.]. В соответствии с подходом В. И. Карасика в структуре концепта можно выделить образную, понятийную и ценностную составляющие [28, с. 3]. Ю. С. Степанов определяет структуру концепта как многослойную и выделяет в ней: 1) «актуальный слой», 2) «пассивные исторические» признаки и 3) «внутреннюю форму концепта» (этимологический признак) [29, с. 12]. И. А. Стернин и З. Д. Попова предложили полевую модель кон-

цепта, исходя из представления о том, что значение слова имеет полевую структуру, а ключевым репрезентантом концепта является слово [30].

В отечественной когнитивной поэтике можно найти исследования, развивающие как лингвокультурологический, так и лингвокогнитивный (фреймовый) подходы к концептуальному моделированию. В первом случае различается количество и смысловое наполнение составляющих («слоев») концепта, а также алгоритмы их выделения, во втором – методы построения фрейма. Так, И. А. Тарасова предлагает применять в анализе структуры художественного концепта оба эти подхода. Моделируя структуру концептов, автор принимает во внимание их тип и выделяет: концепты с предметным ядром, гештальты (совмещающие чувственные и рациональные признаки), образно-схематические и эмоциональные концепты [21]. В структуре концептов с чувственно воспринимаемым (предметным) ядром (например, *роза*), а также концептов-гештальтов (*жизнь, смерть, счастье* и пр.) автор выделяет понятийный, предметный, образный, ассоциативный, символический и ценностно-оценочный слои [21, с. 53–65]. При этом очевидно, что некоторые слои художественного концепта находятся в отношении пересечения. Н. С. Болотнова выделяет в структуре художественного концепта предметный, понятийный, образно-символический, ассоциативный, эмоционально-оценочный и ценностный (идейно-эстетический) слои [16], подчеркивая важность описания ассоциативного слоя концепта, который способен «актуализировать в сознании читателя остальные “слои”» [17, с. 75]. И. В. Кононова предлагает при выявлении структуры художественных концептов рассматривать, в первую очередь, образную, ассоциативную и ценностную составляющие, так как именно они являются наиболее подвижными и отражающими своеобразие концептов [31, с. 138].

Фреймовый подход к моделированию художественных концептов также нашел применение в исследованиях данного направления. Так, И. А. Тарасова в цитируемой выше монографии предлагает моделировать на основе фреймовой методики авторские концепты, которые могут быть рассмотрены как пропозициональные модели, структурированные на основе гиперо-гипонимических отношений и имеющие сложную иерархическую структуру (например, фрейм *искусство* в поэзии И. Анненского и Г. Иванова, фрейм *Петербург* в поэзии Г. Иванова) [21, с. 108–113]. При этом, по мнению автора, «фреймовая модель с равным успехом может быть применена к анализу комплексных концептов разных типов – как с логическим, так и с чувственным ядром» (подробнее см.: [21, с. 106]). Фреймовое моделирование достаточно часто применяется в отечественной когнитивной поэтике. Текстовый аспект фреймового анализа представлен в докторской диссертации О. А. Бутаковой [18], Е. В. Лобкова структурирует фрейм *любовь* на материале произведений И. А. Бунина [32], Л. В. Коробко моделирует фрейм концепта *музыка* на материале произведений Э. Бёрджесса [33] и т. д.

К требующим дальнейшего осмысления вопросам, связанным с моделированием структуры индивидуально-авторских концептов, можно отнести: 1) проблему обоснованности выбора методики (с учетом типа концепта); 2) различное трактование ключевых терминов и категорий в существующих подходах; 3) проблему последовательности и обоснованности предлагаемого алгоритма анализа.

Проблема единообразия терминов проявляется, в частности, в том, что ученые по-разному номинируют и трактуют составляющие («слои») художественного концепта. Так, мно-

гие исследователи выделяют в структуре художественного концепта образную составляющую, однако по-разному понимают ее содержание. Образную составляющую концепта определяют: 1) как совокупность метафорических моделей, представляющих концепт в произведении/творчестве писателя [21, с. 54–57; 23], либо 2) как «наглядно-чувственное представление (перцептивный образ) и/или комбинацию концептуальных метафор, выводимых носителем языка из сочетаемости имени, объективирующего концепт в тексте» [34, с. 149]. Таким образом, исследователи сходятся во мнении, что метафорические репрезентации концепта входят в его образную составляющую, при этом наглядно-чувственные представления относят к разным его составляющим.

И. А. Тарасова соотносит с чувственно-воспринимаемым образом объекта (перцептом) «предметный слой» художественного концепта, отмечая, что он «включает представления ряда модальностей (зрительной, тактильной, обонятельной и пр.» [21, с. 54]. Данный подход является вполне оправданным, так как сенсорные представления об объекте часто становятся основой для его символично-метафорических репрезентаций и требуют отдельного осмысления. Объектом обсуждения ученых неоднократно становилось также выделение «символического» слоя художественного концепта. Исследователи отмечают, что символический слой концепта основан на «устойчивых» [21, с. 61], «типовых для узуса или поэтической системы автора» ассоциациях [17, с. 75], что затрудняет проведение четкой границы между символической и ассоциативной составляющими концепта. И. А. Тарасова отмечает, что «фиксация типичной ассоциации в символическом слое концепта происходит <...>, если она восходит к мифу или архетипу, носит традиционно-поэтический характер, принимает устойчивый для поэтического сознания автора характер, реализуется определенными средствами экспликации (сквозным повтором, метафорическими уподоблениями и пр.)» [21, с. 61].

Очевидно, что в случае такого подхода ассоциативную составляющую концепта и его символический слой довольно сложно разграничить, так как обычно исследователей интересуют именно доминантные концепты творчества автора, выявляемые на основе устойчивых ассоциаций. Невозможно также провести четкую грань между образной составляющей концепта и его символическим слоем, так как в трактовке многих исследователей оба эти слоя основаны на типичных метафорических проекциях [15, 16, 21, 31 и др.]. В этом плане абсолютно оправданной представляется точка зрения Н. С. Болотновой, которая подчеркивает значимость выявления ассоциативного слоя художественного концепта и предлагает подробный пошаговый алгоритм его описания [17].

Еще одной важной проблемой когнитивной поэтики, тесно связанной с вопросом выбора методики моделирования художественных концептов и концептосфер, является вопрос соотношения художественного концепта и концепта обыденного сознания. В современных лингвоконцептологических работах, фокусирующихся на выявлении места художественного концепта на шкале коллективное/индивидуальное, можно найти различные взгляды на этот вопрос. Лингвоконцептология традиционно разводит понятия лингвокультурного и индивидуального концептов. По справедливому наблюдению В. И. Карасика, «принципиально важным является тезис о противопоставлении концепта как феномена культуры и как феномена индивидуального сознания» [35, с. 5]. Разграничивая лингвокультурный и худо-

жественный концепты, многие авторы тем не менее считают, что художественный концепт является результатом трансформации концепта обыденного сознания (лингвокультурного концепта), следствием его смыслового и символического развития в рамках индивидуально-авторской картины мира [см.: 20, 22, 24, 31 и др.]. При этом в когнитивной поэтике обсуждается возможность формирования в художественной картине мира писателя индивидуально-авторского концепта, не имеющего связей с уже существующими в культуре образами и символами: «...с целью заполнения лакуны в рамках отдельной художественной концептосферы возможно создание нового индивидуально-авторского концепта» [36, с. 6]. Интересно отметить, что Ю. Н. Караулов, идеи которого остаются созвучными проблемам современного языкознания, подчеркивал, что выявление вариативной части языковой картины мира возможно только при условии, что «базовая инвариантная часть картины мира, единая и общая для целой эпохи, нам известна» [19, с. 37]. Очевидно, что человеческое сознание не способно создать новый ментальный конструкт, не опираясь каким-либо образом на тот культурно обусловленный опыт и культурно-семиотический код, которым оно обладает.

Выводы авторов относительно возможных модификаций концептов в рамках художественного пространства текста во многом определяются методологическим подходом к анализу структуры концепта, а также философской и эстетической направленностью выбранных для анализа художественных текстов. Так, И. А. Тарасова, исследуя художественные концепты на материале русской поэзии, отмечает, что «отличия структуры художественного концепта от концепта обыденного сознания могут заключаться: 1) в соотношении предметного и образного слоев; 2) в оценочном знаке концепта; 3) в степени проработанности понятийного слоя; 4) в наличии/отсутствии символического слоя концепта; 5) в степени оригинальности <...>; 6) в актуальности/неактуальности фонетической оболочки» [21, с. 42]. И. В. Кононова полагает, что «лингвокультурный концепт подвергается наивысшей степени трансформации в рамках индивидуально-авторской картины мира художественного текста в случае, если его оценочный знак меняется на противоположный тому, что принят в культуре» [34, с. 172–173]. Автор отмечает также, что «данный процесс сопровождается кардинальной переструктуризацией образной и ассоциативной составляющих концепта, что приводит к изменению его символического потенциала» [34, с. 173].

Интересные выводы об индивидуально-авторской специфике концептов можно сделать, проводя *сопоставительные исследования*. В этом случае можно сравнивать концепты авторов, принадлежащих одной культуре [21, с. 108–111; 32], разным культурам [23, 24 и др.] (в данном случае необходимо учитывать этноспецифичность концепта), одного и того же автора на разных этапах его творчества [34, с. 152–174].

Последний исследовательский ракурс выводит исследователей на проблему выделения *концептуальных констант идиостиля* автора с последующим описанием когнитивных механизмов, лежащих в основе смысловой вариативности индивидуально-авторского концепта. Мысль о том, что доминантные концептуальные константы творчества писателя/поэта подвергаются динамическим изменениям, не является новой, идея о возможности эволюционирования содержания индивидуально-авторского концепта от одного периода творчества к другому высказывалась уже на этапе становления когнитивной поэтики как исследовательского направления [15]. Предлагается говорить об инвариантном содержании

индивидуального концепта и его вариативной части, которая во многом определяется тематикой произведения, отмечается, что «смысловая вариативность художественного концепта проявляется в первую очередь в структуре его ассоциативной и образной составляющих, при этом оценочный знак концепта является инвариантной чертой» [34, с. 174]. Так, проведенный И. В. Кононовой сопоставительный анализ структуры индивидуально-авторских концептов Леонида Андреева «смех» и «танец» – констант творчества писателя в рассказе «Красный смех» (1904 г.) и повести «Он. Рассказ неизвестного» (1913 г.) (см. подробнее [34]), позволил автору прийти к заключению, что в антивоенном рассказе «Красный смех» доминантой образной составляющей концепта «смех» становится метафора *смех – это кровавый убийца*, в то время как в повести «Он. Рассказ неизвестного» смех метафорически представлен как инструмент насилия (*смех – удил лошади, клещи, удавка на шее* и пр.).

Когнитивные модели образной репрезентации танца в данных произведениях также существенно различаются. В рассказе «Красный смех» танец концептуализируется как предсмертные конвульсии (танец – это агония), в то время как в повести «Он. Рассказ неизвестного» разворачивается метафора «танца кукол», управляемых рукой кукловода, и в результате дальнейших метафорических импликаций дом главного героя уподобляется кукольному театру, механической музыкальной шкатулке [34, с. 173]. Вариативность авторского художественного концепта наблюдается также в полевой структуре его ассоциативного слоя. Можно говорить об изменении положения признаков в ассоциативном поле концепта относительно его ядра: признак может приближаться к ядру и удаляться на периферию поля [34, с. 174]. Представляется, что данный вопрос требует дальнейшего осмысления на материале произведений разной эстетической направленности и жанровой отнесенности.

И, наконец, еще одной важной методологической проблемой, которая приобретает все большую значимость на современном этапе развития когнитивной поэтики, становится определение диапазона применимости в этой области количественных методов исследования. Речь идет прежде всего о корпусной методологии, использование которой в отечественных дискурсивных и концептологических исследованиях находится сегодня в стадии становления. В европейской лингвистике текста можно выделить такой раздел количественной лингвистики, как корпусная стилистика [37–39]. Используя имеющиеся в лингвистике данные о типологии синтаксических моделей языка, ученые проводят корпусные эксперименты по выявлению частотности коллокаций и коллигаций с доминантными для стилистики художественного текста классами единиц языка [37, 40, 41]. В отечественной лингвистике применение статистических методов исследования в анализе литературных произведений находится в начальной стадии. В этом плане хочется отметить исследование Е. Ю. Ильиной и Л. А. Кочетовой (см. подробнее [42]), посвященное изучению нарративных стратегий автора в современном английском психологическом романе с использованием инструментов корпусного анализа текста [34]. В перспективе статистические методы исследования, такие как 1) метод ключевых слов, позволяющий выделить лексемы, уникальные для исследуемого корпуса текстов в сопоставлении с референциальным корпусом и 2) метод выделения коллокаций, под которыми понимают неслучайное сочетание двух и более лексических единиц, характерное и для языка в целом (текстов любого типа), и определенного типа текстов (или даже (под)выборки текстов), могут помочь доказательно решить актуальные для

когнитивной поэтики научные задачи, к которым можно отнести в первую очередь выявление концептуальных доминант и универсалий для текстов художественных произведений как отдельного автора, так и «поэтического социолекта», жанра или даже литературного направления в аспекте синхронии и диахронии.

Заключение. Несмотря на то, что моделирующие свойства авторского сознания вообще и концептуальные основы идиостиля в частности активно и успешно изучаются в отечественной лингвистике на протяжении последних двадцати лет, в существующих теоретико-методологических подходах остаются определенные лакуны. Дальнейшего осмысления требуют: критерии выбора методики моделирования художественного концепта с учетом его типа; вопросы унификации терминологии в существующих подходах; алгоритмы описания структуры художественного концепта на основании его текстовых репрезентаций; методики выделения концептуальных констант идиостиля автора и описания когнитивных механизмов, лежащих в основе смысловой вариативности индивидуально-авторских концептов.

Следует отметить недостаточную востребованность корпусной методологии при проведении лингвоконцептологических исследований художественной литературы. На повестку дня выходит необходимость определения спектра задач когнитивной поэтики, которые могут быть решены методами корпусной лингвистики. К таким задачам можно отнести: выявление концептуальных доминант идиостиля автора художественного текста и концепт-кода «поэтического социолекта»; описание динамических процессов в концептуальной модели идиостиля автора и концептуальном стандарте литературного жанра; получение верифицированных выводов о структуре индивидуально-авторских концептов (в частности, метод выделения коллокаций может позволить получить объективные данные об ассоциативном и эмоционально-оценочном слоях концепта).

Применение инструментов корпусного анализа и лексико-грамматического моделирования может быть эффективным не только для изучения особенностей авторской стилистики, но и для получения достоверных данных об уникальных и универсальных чертах художественного нарратива на когнитивном уровне организации дискурса на фоне вариативности их реализации в коллекциях текстов различной жанровой и исторической отнесенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутакова Л. О. Когнитивная поэтика: вариант интерпретации текста // Предложение и слово: межвуз. сб. науч. трудов / СГУ. Саратов, 2002. С. 74–80.
2. Лозинская Е. В. Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков. М.: РАН ИНИОН, 2007.
3. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. М.: ИНФРА-М, 2018.
4. Tsur R. *Toward a theory of cognitive poetics*. Amsterdam: Elsevier, 1992.
5. Stockwell P. *Cognitive poetics: An introduction*. London: Routledge, 2002.
6. Richardson A. *Studies in literature and cognition: A field map (introduction)* // *The work of fiction: cognition, culture and complexity* / ed. by A. Richardson, E. Spolsky. NY: Ashgate, 2004. P. 1–29.
7. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
8. Turner M., Fauconnier G. *Conceptual integration and formal expression* // *Metaphor and symbolic activity*. 1995. Vol. 10, N 3. P. 183–203. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327868ms1003_3.
9. Lakoff G., Turner M. *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: Univ. of Chicago press, 1989.

10. Turner M. *Death is the mother of beauty: mind, metaphors, criticism*. Chicago: Univ. of Chicago press, 1987.

11. Рябых Е. Б. Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / ТГУ им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2006.

12. Ryan M.-L. *Possible worlds: Artificial intelligence and narrative theory*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1991.

13. Fludernik M. *Towards a 'Natural' Narratology*. London: Routledge, 1996.

14. Herman D. Basic elements of narrative / пер. Е. В. Лозинской // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. 2011. № 2. С. 18–24.

15. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского): дис. ... д-ра филол. наук / СГУ. Саратов, 2004.

16. Болотнова Н. С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 198–207.

17. Болотнова Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестн. ТПГУ, 2007. Вып. 2 (65). С. 74–79.

18. Бутакова Л. О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект: дис. ... д-ра филол. наук / ОмГУ. Омск, 2001.

19. Караулов Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

20. Тарасова И. А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 742–745.

21. Тарасова И. А. *Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте*. М.: Флинта, 2012.

22. Миллер Л. В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира: дис. ... д-ра филол. наук / СПбГУ. СПб., 2004.

23. Малахова С. А. Образная составляющая концепта «гордость»/«pride» в русском и английском поэтическом дискурсе // Вестн. ИГЛУ. 2009. № 3 (7). С. 163–169.

24. Фокина Ю. М. Особенности репрезентации индивидуально-авторской концептосферы в англоязычной и русскоязычной прозе (на материале рассказов А. П. Чехова и Д. Джойса): автореф. дис. ... канд. филол. наук / СГУ. Саратов, 2010.

25. Огнева Е. А. Концепты-доминанты как информативные конструкторы текстовых миров. М.: Эдитус, 2019.

26. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума; под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979.

27. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

28. Карасик В. И. Культурные концепты: проблема ценностей // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Перемена, 1996. С. 3–16.

29. Степанов Ю. С. *Константы: словарь русской культуры*. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академ. проект, 2004.

30. Попова З. Д., Стернин И. А. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения // Культура общения и ее формирование. Вып. 8. Воронеж: Полиграф, 2001. С. 27–30.

31. Кононова И. В. О типах трансформации структуры лингвокультурных концептов в рамках индивидуально-авторской концептосферы текста // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 7, № 1. С. 138–149.

32. Лобкова Е. В. Образ-концепт «Любовь» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / ОмГУ. Омск, 2005.

33. Коробко Л. В. Фрейм «Музыка» в английском художественном тексте на материале произведений Э. Бёрджесса: дис. ... канд. филол. наук / ВГУ. Воронеж, 2020.

34. Кононова И. В. Художественный концепт как феномен индивидуального сознания // Художественный текст: формулы смысла / Е. А. Гончарова, Е. Ю. Ильинова, В. И. Карасик и др. М.: Флинта, 2022. С. 143–178.

35. Карасик В. И. Семиотические типы концептов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. С. 5–11.

36. Клебанова Н. Г. Формирование и способы репрезентации индивидуально-авторских концептов в англоязычных прозаических текстах: дис. ... канд. филол. наук / ТГУ им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2005.

37. Fischer-Starcke B. *Corpus Linguistics in Literary Analysis: Jane Austen and her Contemporaries*. London: Continuum, 2010.

38. Mahlberg M. *Corpus Stylistics and Dickens's Fiction*. London, NY: Routledge, 2013.

39. Siepmann D. A corpus-based investigation into key words and key patterns in post-war fiction // *Functions of Language*. 2015. Vol. 22, iss. 3. P. 362–399. DOI: 10.1075/foL.22.3.03sie.

40. *Phraseology and Style in Subgenres of the Novel. A Synthesis of Corpus and Literary Perspectives* / I. Novakova, D. Siepmann (eds.). Cham: Palgrave Macmillan, 2020. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-23744-8>.

41. Stefanowitsch A., Gries S. Th. Collostructions: Investigating the interaction of words and constructions // *International J. of Corpus Linguistics*. 2003. Vol. 8, iss. 2. P. 209–243. DOI: <https://doi.org/10.1075/ijcl.8.2.03ste>.

42. Ильинова Е. Ю., Кочетова Л. А. Эстетика фокусности английского художественного нарратива: корпусно-ориентированный и прагматилистический анализ // Художественный текст: формулы смысла / Е. А. Гончарова, Е. Ю. Ильинова, В. И. Карасик и др. М.: Флинта, 2022. С. 62–111.

Информация об авторах.

Кононова Инна Владимировна – доктор филологических наук (2010), доцент (2002), профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 90 научных публикаций. Сфера научных интересов: аксиологическая лингвистика, диахроническая концептология, когнитивная поэтика, корпусные исследования текста и дискурса.

Пруцких Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук (2009), доцент кафедры восточных языков Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, фоносемантика, переводоведение.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 16.03.2023; принята после рецензирования 11.04.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.*

REFERENCES

1. Butakova, L.O. (2002), "Cognitive poetics: a variant of the text interpretation", *Predlozhenie i slovo* [The sentence and the word], SSU, Saratov, RUS, pp. 74–80.

2. Lozinskaya, E.V. (2007), *Literatura kak myshlenie: Kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX-XXI vekov* [Literature as thinking: Cognitive Literary Studies at the Turn of the 20th-21st Centuries], INION RAN, Moscow, RUS.

3. Tarasova, I.A. (2018), *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody* [Cognitive poetics: subject, terminology, methods], INFRA-M, Moscow, RUS.

4. Tsur, R. (1992), *Toward a theory of cognitive poetics*, Elsevier, Amsterdam, NDL.

5. Stockwell, P. (2002), *Cognitive poetics: An introduction*, Routledge, London, GBR.
6. Richardson, A. (2004), "Studies in literature and cognition: A field map (introduction)", *The work of fiction: cognition, culture and complexity*, in Richardson, A. and Spolsky, E. (eds.), Ashgate, NY, USA, pp. 1–29.
7. Lakoff, G. and Johnson, M. (1980), *Metaphors we live by*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
8. Turner, M. and Fauconnier, G. (1995), "Conceptual integration and formal expression", *Metaphor and symbolic activity*, vol. 10, no. 3, pp. 183–203. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327868ms1003_3.
9. Lakoff, G. and Turner, M. (1989), *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*, Univ. of Chicago press, Chicago, USA.
10. Turner, M. (1987), *Death is the mother of beauty: Mind, metaphors, criticism*, Univ. of Chicago press, Chicago, USA.
11. Ryabykh, E.B. (2006), "Metaphorization of the Concepts of Natural Phenomena in Poetic Discourse (Based on the Russian and German Languages)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Derzhavin TSU, Tambov, RUS.
12. Ryan, M.-L. (1991), *Possible worlds: Artificial intelligence and narrative theory*, Indiana Univ. Press, Bloomington, USA.
13. Fludernik, M. (1996), *Towards a 'Natural' Narratology*, Routledge, London, GBR.
14. Herman, D. "Basic elements of narrative" (2011), Transl. by Lozinskaya, E.V., *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 7. Literary Studies*, no. 2, pp. 18–24.
15. Tarasova, I.A. (2004), "Poetic idiostyle in the cognitive aspect (based on the poetry of G. Ivanov and I. Annensky)", Dr. Sci. (Philology) Thesis, SSU, Saratov, RUS.
16. Bolotnova, N.S. (2003), "A poetic world-image and its investigation in the communicative stylistics of a text", *Siberian J. of Philology*, no. 3–4, pp. 198–207.
17. Bolotnova, N.S. (2007), "Methods of Study of Associative Layer of Literature Concept in Text", *Tomsk State Pedagogical Univ. Bulletin*, iss. 2 (65), pp. 74–79.
18. Butakova, L.O. (2001), "Author's consciousness as a basic category of text: Cognitive aspect", Dr. Sci. (Philology) Thesis, OmsSU, Omsk, RUS.
19. Karaulov, Yu.N. (2010), *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality], Izd-vo LKI, Moscow, RUS.
20. Tarasova, I.A. (2010), "Literary concept: a dialogue of linguistics and literary studies", *Vestnik of Lobachevsky Univ. of Nizhni Novgorod*, no. 4–2, pp. 742–745.
21. Tarasova, I.A. (2012), *Poeticheskii idiostil' v kognitivnom aspekte* [Poetic idiostyle in the cognitive aspect], Flinta, Moscow, RUS.
22. Miller, L.V. (2004), "Linguistic and cognitive mechanisms of formation of an artistic picture of the world", Dr. Sci. (Philology) Thesis, SPbSU, SPb., RUS.
23. Malakhova, S.A. (2009), "The metaphorical component of the concept "pride" in Russian and English poetic discourse", *ISLU Philological Review*, no. 3 (7), pp. 163–169.
24. Fokina, Yu.M. (2010), "Peculiarities of Representation of the Individual-Author's Conceptual Sphere in English-Language and Russian-Language Prose (based on the stories of A.P. Chekhov and D. Joyce)", Can. Sci. (Philology) Thesis, SSU, Saratov, RUS.
25. Ogneva, E.A. (2019), *Kontsepty-dominanty kak informativnye konstrukty tekstovykh mirov* [Concepts-dominants as informative constructs of textual worlds], Editus, Moscow, RUS.
26. Minsky, M. (1979), *A Framework for Representing Knowledge*, Transl. by Grinbaum, O.N., in Kulakov, F.M. (ed.), Energiya, Moscow, RUS.
27. Boldyrev, N.N. (2004), "The Conceptual Space of Cognitive Linguistics", *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1, pp. 18–36.
28. Karasik, V.I. (1996), "Cultural Concepts: The Problem of Values", *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty* [Linguistic personality: cultural concepts], Volgograd, Peremena, RUS, pp. 3–16.
29. Stepanov, Yu.S. (2004), *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture], 3rd. ed., Akadem. proekt, Moscow, RUS.

30. Popova, Z.D. and Sternin, I.A. (2001), "Interpretive field of the national concept and methods of its study", *Kul'tura obshcheniya i ee formirovaniye* [Culture of communication and its formation], iss. 8, Polygraph, Voronezh, RUS, pp. 27–30.

31. Kononova, I.V. (2015), "To the types of transformation of the cultural concepts structure within the conceptual sphere of a literary text", *Pushkin Leningrad State Univ. J.*, vol. 7, no. 1, pp. 138–149.

32. Lobkova, E.V. (2005), "The image-concept "Love" in the Russian linguistic worldview", Can. Sci. (Philology) Thesis, OmsU, Omsk, RUS.

33. Korobko, L.V. (2020), "Frame "Music" in the English literary text based on the works of E. Burgess", Can. Sci. (Philology) Thesis, VSU, Voronezh, RUS.

34. Kononova, I.V. (2022), "Artistic concept as a phenomenon of individual consciousness", *Khudozhestvennyi tekst: formuly smysla* [The Fiction Text: Formulas of Meaning], Goncharova, E.A., Ilinova, E.Yu., Karasik, V.I. et al., Flinta, Moscow, RUS, pp. 143–178.

35. Karasik, V.I. (2012), "Semiotic types of concepts", *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 4, pp. 5–11.

36. Klebanova, N.G. (2005), "Formation and ways of representing individual-author's concepts in English prose texts", Can. Sci. (Philology) Thesis, Derzhavin TSU, Tambov, RUS.

37. Fischer-Starcke, B. (2010), *Corpus Linguistics in Literary Analysis: Jane Austen and her Contemporaries*, Continuum, London, GBR.

38. Mahlberg, M. (2013), *Corpus Stylistics and Dickens's Fiction*, Routledge, London, NY, GBR.

39. Siepman, D. (2015), "A corpus-based investigation into key words and key patterns in post-war fiction", *Functions of Language*, vol. 22, iss. 3, pp. 362–399. DOI: 10.1075/foL.22.3.03sie.

40. *Phraseology and Style in Subgenres of the Novel. A Synthesis of Corpus and Literary Perspectives* (2020), in Novakova, I. and Siepman, D. (eds.), Palgrave MacMillan, Cham, GBR. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-23744-8>.

41. Stefanowitsch, A. and Gries, S.Th. (2003), "Collostructions: Investigating the interaction of words and constructions", *International J. of Corpus Linguistics*, vol. 8, iss. 2, pp. 209–243. DOI: <https://doi.org/10.1075/ijcl.8.2.03ste>.

42. Ilyinova, E.Yu. and Kochetova, L.A. (2022), "Aesthetics of focus of the English artistic narrative: corpus-oriented and pragmatic analysis", *Khudozhestvennyi tekst: formuly smysla* [The Fiction Text: Formulas of Meaning], Goncharova, E.A., Ilinova, E.Yu., Karasik, V.I. et al., Flinta, Moscow, RUS, pp. 62–111.

Information about the authors.

Inna V. Kononova – Dr. Sci. (Philology, 2010), Docent (2002), Professor at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 90 scientific publications. Area of expertise: axiological linguistics, diachronic conceptology, cognitive poetics, corpus-based studies of text and discourse.

Tatiana A. Pruczkih – Can. Sci. (Philology, 2009), Associate Professor at the Department of Oriental Languages, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 35 scientific publications. Area of expertise: linguoculturology, phonosemantics, translation studies.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 16.03.2023; adopted after review 11.04.2023; published online 22.06.2023.

Оригинальная статья
УДК 81'42
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-165-175>

Мем-дискурс как объект лингвокогнитивного моделирования

Ирина Владимировна Рогозина¹, Наталия Юрьевна Бухнер²

^{1,2}Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова,
Барнаул, Россия

¹irogozi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7938-1031>

²nbuhner@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3911-530X>

Введение. Цель настоящего исследования заключается в получении нового знания о мем-дискурсе на основе реконструкции лингвокогнитивной модели актуальных для интернет-коммуникантов свойств и характеристик мемов.

Методология и источники. Для реконструкции модели мем-дискурса авторы используют метод лингвокогнитивного моделирования в сочетании с техникой фрагментации ответов респондентов и введения такой единицы измерения полученных данных, как *мотивировочная экспликация*. Модель мем-дискурса построена на основе ответов 100 студентов АлтГТУ им. И. И. Ползунова на открытый вопрос: «Почему вы используете мемы при общении?». Выбор респондентов обусловлен тем, что они обучаются на факультете информационных технологий и являются продвинутыми интернет-пользователями.

Результаты и обсуждение. Мотивировочные экспликации интернет-коммуникантов служат языковым материалом для выведения когнитивных оснований использования мемов. Самым значимым когнитивным основанием для использования мемов коммуникантами является результативность их воздействия (47,3 %). Второе по значимости когнитивное основание связано с продуктивностью общения посредством мемов: они помогают устанавливать и поддерживать коммуникацию (20,9 %). Третьим основанием становится функциональность мемов, облегчающая передачу контента (17,1 %, четвертым – формат мемов как наиболее подходящий для передачи мыслей и чувств (14,7 %). Опираясь на концепцию дискурса, предложенную Т. ван Дейком, в сочетании с реконструированной с учетом когнитивных оснований моделью свойств и характеристик мемов, авторы раскрывают специфику природы мем-дискурса.

Заключение. Основной концептуальный вывод относительно мем-дискурса заключается в том, что, будучи сложным коммуникативным явлением, он предстает как важный для его участников компонент социокультурного взаимодействия, поскольку и целью, и результатом этого взаимодействия является создание позитивного социального контекста. Его поддержание и сохранение осуществляется посредством достижения взаимопонимания между коммуникантами, которые стремятся находить общие точки соприкосновения, передавая свои мысли в «упаковке» из положительных эмоций. Таким способом коммуниканты продуцируют мем-дискурс как актуальный референциальный контекст для трансляции фрагментов своей картины мира.

Ключевые слова: мем-коммуникация, мем-дискурс, лингвокогнитивное моделирование, лингвокогнитивная модель, экспериментальное исследование

© Рогозина И. В., Бухнер Н. Ю., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Рогозина И. В., Бухнер Н. Ю. Мем-дискурс как объект лингвокогнитивного моделирования // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 165–175. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-165-175.

Original paper

Meme Discourse as an Object of Linguocognitive Modelling

Irina V. Rogozina¹, Nataliya Yu. Buhner²

^{1,2}*Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russia*

¹*irogozi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7938-1031>*

²*nbuhner@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3911-530X>*

Introduction. The goal of this study is to gain new insights into meme discourse by reconstructing its linguocognitive model, based on the properties and characteristics of memes, relevant for Internet communicators.

Methodology and sources. In order to reconstruct the meme-discourse model the authors combine the method of linguocognitive modelling with the technique of fragmenting the respondents' answers into motivational explications as units of measurement for the obtained data. The meme discourse model is based on the answers of 100 students at I.I. Polzunov Altai State Technical University – “Why do you use memes when communicating?” The choice of respondents is determined by their studying at the Faculty of Information Technology and being advanced Internet users.

Results and discussion. Motivational explications of Internet users of why they resort to memes to communicate serve as language material for inferring cognitive foundations for using memes. The most significant cognitive foundation for the use of memes by communicators is the effectiveness of the impact they make (47.3 %). The second cognitive foundation is related to communication productivity: memes help to establish and maintain communication (20,9 %). The third one is the functionality of memes, which facilitates the transmission of content (17,1 %). The fourth one is the format suitable for conveying thoughts and feelings (14,7 %). Based on the concept of discourse, proposed by T. van Dijk and the reconstructed model the authors gain new insights into the nature of meme-discourse.

Conclusion. The main conceptual conclusion regarding meme-discourse is that, as a complex communicative phenomenon, it appears to be an important component of socio-cultural interaction for its participants. Both the goal and the result of this interaction is to create a positive type of social context maintained and preserved through mutual understanding between the communicants. Memes facilitate finding common points of contact serving as a “package” of positive emotions for communicators' thoughts and feelings. In this way communicants produce meme-discourse as an actual referential context to share their worldview.

Keywords: meme-communication, meme-discourse, linguocognitive modelling, linguocognitive model, experimental study

For citation: Rogozina, I.V. and Buhner, N.Yu. (2023), “Meme Discourse as an Object of Linguocognitive Modelling”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 165–175. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-165-175 (Russia).

Введение. В современном мире интернет-коммуникация становится все более интенсивной. Как следствие, постоянно расширяется ее дискурсивное пространство, что находит выражение в появлении новых типов интернет-дискурса. В частности, в последнее время особое место занимает общение посредством мемов, что обуславливает возрастание научного интереса к мем-дискурсу как одной из востребованных форм интернет-коммуникации.

Поэтому закономерно, что изучению мемов уделяется пристальное внимание, выражающееся в том, что они исследуются с самых различных позиций. Большое количество работ посвящено воздействию мемов на интернет-коммуникантов. Например, изучается влияние мемов на эмоциональную сферу человека и их роль в регуляции эмоций [1–4]. Кроме того, описывается прагматическое воздействие мемов на интернет-пользователей, в частности, с учетом их принадлежности к различным демографическим, этническим и иным группам [5, 6]. Помимо этого, мем широко трактуется как феномен массовой культуры [7–9] и более узко – как единица социально-культурного контента [10, 11]. В лингвистике мем-дискурс рассматривается как новый вид полимодального дискурса [12, 13]. Мемы также широко исследуются с позиций семиотики в качестве креолизованных текстов, которые включают вербальные и авербальные компоненты, находящиеся в тесном взаимодействии [14, 15]. Особое внимание уделяется механизмам порождения мемами комического эффекта вследствие языковой игры [14, 16, 17] и выявляются особенности реализации категории интертекстуальности [18, 19].

Необходимо акцентировать, что, несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению мемов, практически все они описывают и анализируют это явление с позиции исследователя. Как следствие, вне поля зрения остаются сами коммуниканты как носители языка, использующие мемы и тем самым порождающие этот тип дискурса. Возникающий в результате дисбаланс обуславливает актуальность получения опосредованного представления о природе мем-дискурса с помощью лингвокогнитивного моделирования фрагмента сознания интернет-коммуникантов, формирующих его под воздействием мем-коммуникации. Такой подход позволяет встать на позицию тех, кто непосредственно участвует в порождении мем-дискурса и, как следствие, располагает соответствующими когнитивными, посмотреть на это явление под иным углом зрения.

Таким образом, цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить те свойства и характеристики мемов, которые побуждают коммуникантов использовать их в своих дискурсивных практиках и на основании этих свойств и характеристик построить комплексную модель, раскрывающую природу этого типа дискурса. Согласно Т. ван Дейку, такая «модель представляет собой когнитивный коррелят» того, «что происходит в уме человека», его личного знания, «когда он является наблюдателем или участником ситуации» [13, с. 68].

Методология и источники. Планируя проведение исследования, мы исходили из центрального положения психолингвистики и когнитивной лингвистики о том, что доступ к необходимым для достижения цели данным возможен исключительно через язык, посредством которого участники интернет-коммуникации овнешняют свое знание об этом типе дискурса [20–23]. Для получения достоверных данных были сформулированы два вопроса. Первый вопрос: «Используете ли вы мемы в общении?» – преследовал цель отбора тех респондентов, которые могли бы дать валидные данные при ответе на второй, исследовательский вопрос открытого типа: «Почему вы используете мемы при общении?». В этой формулировке он был предложен 100 студентам (возраст от 18 до 21 года) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, большая часть которых обучается на факультете информационных технологий и является продвинутыми интернет-пользователями, активно применяющими мемы в повседневной коммуникации. Следует

отдельно сказать о преимуществе открытых вопросов, которое видится в том, что они стимулируют респондентов выражать содержание своего мышления в виде развернутых ответов и пояснений языком, достаточно точно отражающим их собственное знание о мемах.

Полученные реакции обрабатывались с применением качественных и количественных методов, основным из которых был метод лингвокогнитивного моделирования, применявшийся на всех этапах исследования. На первом этапе обработки полученных данных была также использована техника фрагментации ответов респондентов. Необходимость фрагментации обусловлена тем, что некоторые ответы респондентов оказались неоднородными в смысловом отношении, что потребовало их деления на гомогенные фрагменты и введения такой единицы измерения полученных данных, как *мотивировочная экспликация*. Под мотивировочной экспликацией в работе понимается либо весь ответ респондента, либо его фрагмент, в котором отчетливо дифференцируется цельная смысловая доминанта.

На втором этапе на основе доминантных смыслов мотивировочных экспликаций, выраженных лексическими средствами как эксплицитно, так и имплицитно, был выведен ряд когнитивных оснований, побуждающих респондентов пользоваться мемами в процессе коммуникации. Под когнитивным основанием мы понимаем фрагмент знания человека о мире, который позволяет ему категоризировать объекты и явления реальности, причисляя их к какому-либо классу.

На третьем этапе лингвокогнитивного моделирования была установлена корреляция между когнитивными основаниями и совокупностями характеристик, обеспечивающих восребованность мемов.

Дальнейшая процедура лингвокогнитивного моделирования состояла в создании модели выраженного в мотивировочных экспликациях знания респондентов о мемах с учетом когнитивных оснований, что в совокупности обеспечивает достаточно цельное представление о природе мем-дискурса, продуцируемого посредством креолизованных полимодальных текстов.

Результаты и обсуждение. В первую очередь следует указать на то, что из 100 реакций респондентов на открытый вопрос, было получено 129 мотивировочных экспликаций, на основе которых были выведены следующие четыре когнитивных основания использования мемов в качестве «полуфабрикатов» для интернет-дискурса:

- результативность воздействия мемов на участников коммуникации (61 мотивировочная экспликация);
- продуктивность мемов для поддержания общения (27 мотивировочных экспликаций);
- функциональность мемов при передаче контента (22 мотивировочные экспликации);
- эффективность мемов как способа передачи эмоций и мыслей (19 мотивировочных экспликаций).

Приведенные количественные данные свидетельствуют о том, что самым значимым свойством мемов для респондентов является результативность воздействия, которое они оказывают на человека (47,3 %). Это воздействие респонденты оценивают как положительное, причем для них оно распадается на две совокупности характеристик. Одна связана с причиной действенности мемов, заключающейся в том юмористическом содержании, которое они репрезентируют: *мем по своей сути – это аналог шутки* (1), *ради шутки* (3),

для шутки (1), уместная шутка (1), способ пошутить (2), мем – это формат шутки (1), показать свое чувство юмора (1), с долей юмора (1).

Вторая совокупность характеристик демонстрирует следствие воздействия мемов, а именно шесть основных импактов, возникающих при их восприятии:

– смех – смешно (8), делают общение смешнее (1), дают повод посмеяться (1);
– веселье – весело (5), добавляет веселья переписке (1), переписка становится веселее (1), создание веселой обстановки (1), сделать общение веселее (1), развеселить собеседника (1), это прикольно (2), забавно (1);

– релаксация – это позволяет расслабиться (1), разрядить обстановку (4), иногда разрядить обстановку (1), для того, чтобы раскрепостить человека (1);

– диверсификация общения – потому что мемы разнообразят общение (2), для разнообразия общения (1), для общения, чтобы разнообразить диалог (1), чтобы разнообразить повседневное общение (1), могут свести общение к другой теме или характеру ведения беседы (1), развлечь людей (1);

– положительные эмоции – потому что они вызывают положительные эмоции у людей (1), людям нравятся образы с позитивной окраской (1), чтобы придать ситуации позитивный окрас (1), мем – это слова, картинки, которые могут радовать людей (1), людям нравятся мемы (1);

– улучшение настроения – чтобы поднять себе и окружающим настроение (1), улучшить настроение (1), чтобы поднять настроение при разговоре (1), я думаю, что люди используют мемы в чатах для того, чтобы поднять настроение собеседнику (1), помогают поднять настроение (2), это помогает людям поднять настроение (1).

Второе по значимости когнитивное основание связано с продуктивностью общения посредством мемов – они помогают устанавливать и поддерживать коммуникацию (20,9 %). Одной из трех идентифицированных нами совокупностей характеристик, соотносимых с названным выше когнитивным основанием, является достижение взаимопонимания с партнерами по общению: для понимания (наибольшего) в группе общения (1); мемы помогают людям лучше понимать друг друга, особенно если круг их интересов пересекается (1); мемы помогают найти общие точки соприкосновения между общающимися (1); так проще понять друг друга (1); мемы помогают найти общий язык при общении (1); помогают находить точки соприкосновения по актуальности (1); мемы – это способ найти общий язык (1); люди используют мемы для поддержания общего языка (1); во время общения в соцсетях люди обмениваются мемами, если те подходят для разговора (1); мемы используются при общении, потому что они могут поддерживать разговор между людьми (1); способ поддержания разговора (1); это способ узнать человека лучше, посмотреть на реакцию на тот или иной мем и понять, как вести себя с человеком (1).

Другой совокупностью характеристик, которая важна для респондентов, является возможность демонстрации с помощью мемов своего статуса с целью быть принятым в определенном круге общения: показать с помощью мема, что ты «шаришь» (1); чтобы выделяться в обществе и показывать, насколько ты в тренде (1); показать, что ты в тренде (1); оригинально, молодежно (1); некоторые считают это крутым (1); хотят сострить, отвечая неординарно (1).

Последняя совокупность связана с востребованностью мемов, их популярностью для осуществления коммуникации: *это стало популярно (1); популярно (2); потому что мемы очень популярны (1); из-за их популярности, современности (1); мемы – это целая интернет-культура (1); потому что мемы стали частью нашей жизни (1); мы видим мемы каждый день (1); потому что часто их видят (1).*

Третьим по значимости когнитивным основанием для респондентов является функциональность мемов, облегчающая передачу контента (17,1 %). В нем отчетливо дифференцируются две взаимосвязанные совокупности характеристик – экономия усилий в процессе коммуникации и легкость достижения языковой компрессии при передаче определенного контента.

Экономия усилий, достигаемую благодаря мемам, передают такие экспликации, как *это удобно и легко (1); так удобнее и нагляднее (1); упрощают процесс передачи информации (1); их можно использовать для упрощения общения (1); это упрощает общение (3); когда есть ситуации, которые проще и быстрее описать с помощью мемов (1); удобно, потому что мемы часто известны кругу людей и понятны для них (1); быстрый способ описать ситуацию одной картинкой (1); знакомые и узнаваемые образы с позитивной окраской, удобные в использовании (1); мемы часто известны кругу людей и понятны для них (1); мемы в основном все понимают (1); все понимают (1); большинство людей пользуются соцсетями, где мемы общеизвестны (1).*

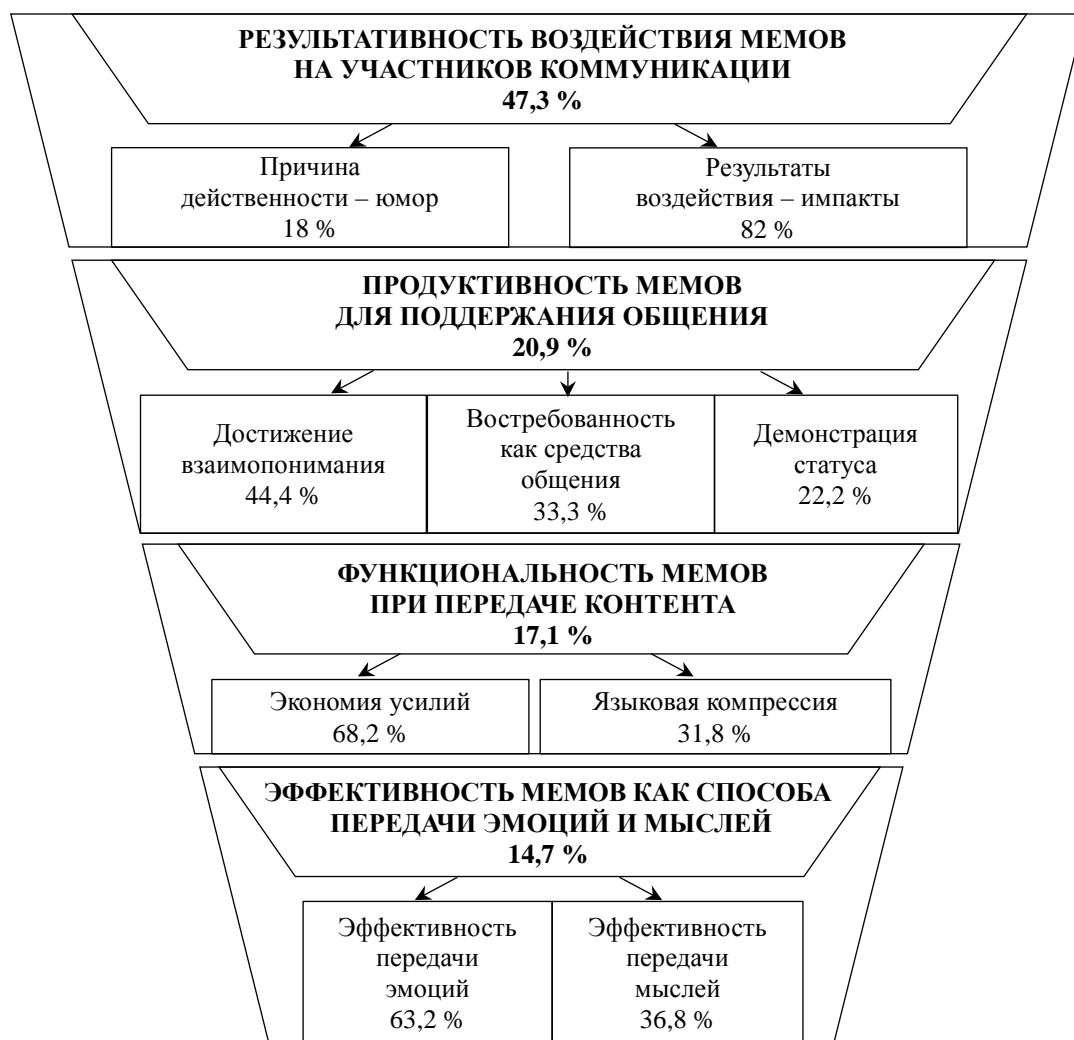
Для респондентов важна и другая совокупность характеристик – возможность посредством краткого сообщения (языковой компрессии) описать более развернутую ситуацию и показать свое отношение к ней. Это свойство мемов передается следующими экспликациями: *некоторые из них могут ярко описать жизненную ситуацию человека без лишних слов и дополнений (1); при описании чего-то, вместо того, чтобы описывать другими словами, я могу заменить это длинное описание коротким мемом (1); в мем можно емко уместить информацию (1); чтобы меньше разговаривать (1); не нужно писать много текста, картинка несет больше (1); с помощью мемов можно описать какое-то состояние (1); выразить свое отношение к чему-то (1).*

Третье и четвертое когнитивные основания тесно связаны друг с другом, однако если для третьего когнитивного основания характерна сфокусированность респондентов на функциональности, легкости и удобстве использования мемов, то в четвертом фокус внимания перемещается на возможность передать мысли и чувства (14,7 %). Что касается передачи эмоций, то по экспликациям респондентов видно, что они ценят возможность посредством уже существующих вербально-авербальных средств передать свои эмоции партнерам по общению: *мемы – это способ передачи эмоций (1); они могут передать эмоциональное состояние (1); они дополняют речь, помогают передать чувства, эмоции (1); люди используют мемы, так как они являются выражением некоторых устоявшихся чувств и эмоций, поэтому проще использовать мем, чем придумывать что-то свое (1); они придают эмоциональную окраску сообщению (1); мемы позволяют лучше передать эмоции человека в переписках (1); используют, когда не могут выразить достаточно полно свои эмоции (1); с их помощью проще передать эмоции (1); проще передать эмоции, интонацию, намерение (1); мемы содержат в себе чувства, эмоции – все то, что сложно или невозможно передать*

словами (1); можно выразить состояние или нечто подобное всего парой слов (1); они помогают добавить эмоций (1).

Ценными для респондентов являются простота и легкость передачи не только эмоций, но и мыслей: просто можно сформулировать свою мысль картинкой (1); люди используют мемы при общении по причине того, что с их помощью людям проще выразить свою мысль (1); для выражения мыслей без слов (1); выражаю часть своей мысли через мем (1); легче донести свою мысль собеседнику (1); они позволяют кратко описать свою мысль (1); иногда думаю о жизненной ситуации и сравниваю ее с мемом (1).

Установленные на третьем этапе исследования корреляции между когнитивными основаниями и совокупностями характеристик мемов предоставляют необходимый языковой материал для реконструкции фрагмента сознания респондентов, сформированного под воздействием использования мемов в процессе коммуникации, и представления полученных данных в виде комплексной модели (см. рис.).

Лингвокогнитивная модель мем-дискурса
Linguistic and cognitive model of meme-discourse

Заключение. Опора на концепцию дискурса, предложенную Т. ван Дейком, с одной стороны, и на реконструированную в результате проведенного исследования модель свойств

и характеристик мемов – с другой, позволяет прийти к ряду концептуальных выводов относительно природы мем-дискурса. Основополагающим при этом становится подход ван Дейка к пониманию дискурса вообще как сложного коммуникативного явления, включающего в себя социальный контекст, который дает представление об участниках коммуникации, их характеристиках и процессах производства и восприятия сообщения [13, с. 113]. Как следствие, специфика мем-дискурса (как и любого другого типа дискурса) детерминруется алгоритмом взаимодействия указанных ученым компонентов, определяющим их соотношение и выраженность.

Основной концептуальный вывод заключается в том, что мем-дискурс, безусловно являясь сложным коммуникативным явлением, предстает как важный для его продуцентов компонент социокультурного взаимодействия, имеющего двуединую основу, поскольку как целью, так и результатом этого взаимодействия является создание позитивного коммуникативного пространства или позитивного типа социального контекста, что убедительно подтверждается полученными экспликациями (47,3 %).

Не менее важным выводом является и то, что поддержание и сохранение создаваемого позитивного коммуникативного пространства осуществляется посредством обеспечения взаимопонимания между коммуникантами (20,9 %). При этом мем-дискурс видится его участникам как коммуникативное пространство, оптимальное для поиска и нахождения общего языка, общих точек соприкосновения. И в этом смысле его можно отнести к неформальному, дружескому, лично-ориентированному типу неинституционализированного дискурса [13, с. 56].

Другой вывод относительно природы мем-дискурса базируется на социальном контексте, соотносящемся с типами взаимодействующих лиц [13, с. 54], что дает представление об участниках мем-коммуникации, основной характеристикой которых является стремление передавать свои мысли в «упаковке» из положительных эмоций, делаясь ими в позитивном ключе с партнерами по коммуникации (14,7 %).

Еще один вывод связан с особенностями процессов производства, передачи и восприятия мемов, что делает мем-дискурс особым социокультурным произведением, главными отличительными свойствами которого являются экономия усилий и языковая компрессия (17,1 %). Иными словами, речь идет как об особом типе языкового употребления, так и, соответственно, об особом типе текстов, «относящихся к специфической социокультурной деятельности» [13, с. 112]. Основываясь на общих целях коммуникативного взаимодействия, коммуниканты, с одной стороны, опираются на общие знания о мире, а с другой – создают мем-дискурс как актуальный референциальный контекст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Internet Memes Related to the COVID-19 Pandemic as a Potential Coping Mechanisms for Anxiety / U. Akram, K. Irvine, S. F. Allen et al. // Scientific Reports. 2021. Vol. 11: 22305. DOI: 10.1038/s41598-021-00857-8.
2. Humor Styles Influence the Perception of Depression-related Internet memes in Depression / K. J. Gardner, N. Jabs, J. Drabble, U. Akram // Humor. 2021. Vol. 34, iss. 4. P. 497–517. DOI: 10.1515/HUMOR-2021-0045.

3. Eye Tracking and Attentional Bias for Depressive Internet Memes in Depression / U. Akram, J. G. Ellis, G. Cau et al. // *Experimental Brain Research*. 2021. Vol. 239. P. 575–581. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00221-020-06001-8>.

4. Костюхина Е. Д., Холмогорова А. Б. Виртуальная коммуникация о депрессии и суициде с использованием интернет-мемов // *Возможности и риски цифровой среды: сб. материалов*. Т. 1. М.: Из-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 332–335.

5. Щербин В. К. Меметика как новая междисциплинарная наука и направление современной семиотики // *Журнал Белорус. гос. ун-та. Социология*. 2019. № 4. С. 40–47.

6. Чернякевич Е. Ю., Зыгина Д. С. Особенности восприятия интернет-мемов молодыми людьми // *Modern Science*. 2019. № 6 (3). С. 223–225.

7. Ершова Д. Е. Современный АРТ-контент как феномен культурной коммуникации: автореф. ... дис. канд. культурол. / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2018.

8. Савицкая Т. Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры // *Культура в современном мире*. 2013. № 3. URL: http://infoculture.rsl.ru/_IK_Archive/KVM/articles/2013/03/2013-03_r_kvms3.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

9. Голубева А. Р., Семилет Т. А. Мем как феномен культуры // *Культура и текст*. 2017. № 3 (30). С. 193–205.

10. Савкина И. Л. Пушкин – мем (образ поэта в телесериалах и кино 2016-2017 годов) // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2018. № 2. С. 94–102. DOI: 10.20339/PhS.2-18.094.

11. Моисеенко Л. В. Интернет-мем как единица социально-культурного контента // *Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Языкознание и литературоведение*. 2015. № 27 (738). С. 104–114.

12. Канашина С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГИМО. Москва, 2016.

13. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.

14. Щурина Ю. В. Интернет-мемы: проблемы типологии // *Вестн. Черепов. гос. ун-та*. 2014. № 6. С. 85–89.

15. Нежура Е. А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве Интернета // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2012. № 2. С. 47–52.

16. Аникина Т. В. Специфика вербальной составляющей креолизованных интернет-мемов // *Интерактивная наука*. 2017. Вып. 9 (19). С. 66–68. DOI: 10.21661/r-463985.

17. Гридина Т. А., Талашманов С. С. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект // *Политическая лингвистика*. 2019. № 3. С. 31–37. DOI: 10.26170/pl19-03-03.

18. Мичурин Д. С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ: автореф. дис. ... канд. филол. наук / МИЛ. М., 2014.

19. Квят А. Г. Медиаем как инструмент политического PR: когнитивный подход // *Медиаскоп*. 2013. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1254> (дата обращения: 10.01.2023).

20. Тарасов М. И. Теория текста и дискурса. Дискурс рассуждения. М.: Юрайт, 2021.

21. Залевская А. А. ТЕКСТ versus ДИСКУРС: проблемы понимания и интерпретации. М.; Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001.

22. Карасик В. И. Дискурс // *Дискурс-Пи*. 2015. № 3–4. С. 147–148.

23. Пищальникова В. А. Текст и дискурс: к вопросу о содержании лингвистических понятий // *Русский язык в школе*. 2008. № 8. С. 60–66.

Информация об авторах.

Рогозина Ирина Владимировна – доктор филологических наук (2004), доцент (1993), профессор кафедры иностранных языков Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, пр. Ленина, д. 46, Алтайский край, г. Барнаул, 656038,

Россия. Автор 140 научных публикаций. Сфера научных интересов: медиалингвистика, когнитивная лингвистика.

Бухнер Наталия Юрьевна – кандидат социологических наук (2009), доцент кафедры иностранных языков Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, пр. Ленина, д. 46, Алтайский край, г. Барнаул, 656038, Россия. Автор 75 научных публикаций. Сфера научных интересов: медиалингвистика, когнитивная лингвистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 30.01.2023; принята после рецензирования 01.03.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.

REFERENCES

1. Akram, U., Irvine, K., Allen, S.F. et al. (2021), "Internet Memes Related to the COVID-19 Pandemic as a Potential Coping Mechanisms for Anxiety", *Scientific Repots*, vol. 11: 22305. DOI: 10.1038/s41598-021-00857-8.
2. Gardner, K.J., Jabs, N., Drabble, J. and Akram, U. (2021), "Humor Styles Influence the Perception of Depression-related Internet memes in Depression", *Humor*, vol. 34, iss. 4, pp. 497–517. DOI: 10.1515/HUMOR-2021-0045.
3. Akram, U., Ellis, J.G., Cau, G. et al. (2021), "Eye Tracking and Attentional Bias for Depressive Internet Memes in Depression", *Experimental Brian Research*, vol. 239, pp. 575–581. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00221-020-06001-8>.
4. Kostyukhina, E.D. and Kholmogorova, A.B. (2020), "Virtual communication about depression and suicide using Internet memes", *Vozможности i riski tsifrovoy sredy* [Opportunities and risks of the digital environment], vol. 1, Iz-vo FGBOU VO MGPPU, Moscow, RUS, pp. 332–335.
5. Shcherbin, V.K. (2019), "Memetics as the new interdisciplinary science and the branch of social semiotics", *J. of the Belarusian State Univ. Sociology*, no. 4, pp. 40–47.
6. Chernyakevich, E.Yu., Zygina, D.S. (2019), "Perception of Internet memes by young people", *Modern Science*, no. 6 (3), pp. 223–225.
7. Ershova, D.E. (2018), "Modern ART content as a phenomenon of cultural communication", Abstract of Can. Sci. (Culturology) dissertation, Herzen Univ., SPb., RUS.
8. Savitskaya, T.E. (2013), "Internet memes as a phenomenon of mass culture", *Kul'tura v sovremennom mire* [Culture in the modern world], no. 3, available at: http://infoculture.rsl.ru/_IK_Archive/KVM/articles/2013/03/2013-03_r_kvms3.pdf (accessed 10.01.2023).
9. Golubeva, A.R. and Semilet, T.A. (2017), "Meme as a cultural phenomenon", *Kul'tura i tekst* [Culture and text], no. 3 (30), pp. 193–205.
10. Savkina, I.L. (2018), "Pushkin as a meme: (the image of the poet in television series and movies of 2016/2017th)", *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. 2, pp. 94–102. DOI: 10.20339/PhS.2-18.094.
11. Moiseenko, L.V. (2015), "Internet Meme as a Unit of Socio-Cultural Content", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ. Linguistics*, no. 27 (738), pp. 104–114.
12. Kanashina, S.V. (2016), "Internet meme as a new type of polymodal discourse in Internet communication (on the material of the English language)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, MGIMO, Moscow, RUS.
13. Dijk, van T.A. (2000), *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication], BGK im. I.A. Boduehna de Kurteneh, Blagoveshchensk, RUS.
14. Shchurina, Yu.V. (2014), "Internet memes: problems of typology", *Cherepovets State Univ. Bulletin*, no. 6, pp. 85–89.
15. Nezhura, E.A. (2012), "New types of multi-semiotic texts in the communication space of the internet", *Theory of Language and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 47–52.

16. Anikina, T.V. (2017), "Verbal component specific features of creolized internet memes", *Interactive science*, iss. 9 (19), pp. 66–68. DOI: 10.21661/r-463985.
17. Gridina, T.A. and Talashmanov, S.S. (2019), "Language game in modern internet communication: metalinguistic aspect", *Political linguistics*, no. 3, pp. 31–37. DOI: 10.26170/pl19-03-03.
18. Michurin, D.S. (2014), "Precedent polycode text in verbal-pictorial communication of Internet communities", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, MIL, Moscow, RUS.
19. Kvyat, A.G. (2013), "Media Meme as a Tool of Political PR: a Cognitive Approach", *Mediascope*, no. 1, available at: <http://www.mediascope.ru/node/1254> (accessed 10.01.2023).
20. Tarasov, M.I. (2021), *Teoriya teksta i diskursa. Diskurs rassuzhdeniya* [Theory of text and discourse. Discourse of reasoning], Izd-vo Yurait, Moscow, RUS.
21. Zalevskaya, A.A. (2001), *TEKST versus DISKURS: problemy ponimaniya i interpretatsii* [TEXT versus DISCOURSE: problems of understanding and interpretation], Tver', Moscow, RUS.
22. Karasik, V.I. (2015), "Discourse", *Discourse-p*, no. 3–4, pp. 147–148.
23. Pishchal'nikova, V.A. (2008), "Text and discourse: on the question of the content of linguistic concepts", *Russian language at school*, no. 8, pp. 60–66.

Information about the authors.

Irina V. Rogozina – Dr. Sci. (Philology, 2004), Docent (1993), Professor at the Department of Foreign Languages, Polzunov Altai State Technical University, 46 Lenin ave., Altai Territory, Barnaul 656038, Russia. The author of 140 scientific publications. Area of expertise: media linguistics, cognitive linguistics.

Nataliya Yu. Buhner – Can. Sci. (Sociology, 2009), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Polzunov Altai State Technical University, 46 Lenin ave., Altai Territory, Barnaul 656038, Russia. The author of 75 scientific publications. Area of expertise: media linguistics, cognitive linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 30.01.2023; adopted after review 01.03.2023; published online 22.06.2023.*

Оригинальная статья
УДК 81'42
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-176-187>

О судьбе заимствованных единиц в языке (на примере немецкого языка)

Евгения Сергеевна Алексеенко

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
alekseenko.eugenia@gmail.com*

Введение. В статье рассматриваются заимствования как один из путей пополнения словарного состава, отношение к иноязычным единицам в немецком языковом сообществе, в частности пуристические движения и борьба за чистоту языка, проводится краткий анализ заимствований в современном немецком языке. В настоящий момент заимствования, особенно из английского языка, играют значительную роль в процессе эволюции словарного состава. Анализ сути этого явления и отношения к нему носителей на разных этапах развития языка и общества может позволить предположить дальнейшие пути становления немецкого языка.

Методология и источники. В ходе исследования были проанализированы и описаны такие понятия, как «языковая эволюция», «заимствования», «пуризм», «борьба за чистоту языка». Материалами для исследования послужили статьи, посвященные развитию лексики и пополнению словарного состава, в частности немецкого языка, таких авторов, как Е. Д. Поливанов и М. Д. Степанова, социолингвистические труды Л. П. Крысина и И. В. Беликова, связанные с языковой эволюцией, а также современные исследования немецкого языка.

Результаты и обсуждение. В статье освещены современные социолингвистические представления о языковой эволюции, рассмотрены заимствования как значимая часть этого процесса. Проведен диахронический и синхронический анализ иноязычных элементов в словарном составе немецкого языка, представлены основные вехи развития пуризма в Германии. Развитие языка, как и развитие общества, неизбежно оказывается под влиянием сторонних культур, привносящих нечто новое; изолированное развитие оказывается практически невозможным. На разных этапах язык заимствует недостающие элементы из языков тех сообществ, которые добились большего успеха в той или иной области. Восприятие заимствованных элементов оказывается под непосредственным влиянием настроений в языковом сообществе, политической ситуации и иных экстралингвистических факторов. Проведенное исследование позволяет предположить, что, несмотря на не всегда положительное отношение членов языкового сообщества к заимствованиям, процесс включения в лексику слов из других языков неизбежен.

Заключение. Заимствования – это следствие языковой эволюции, происходящей в тесном контакте с другими языками и культурами. На настоящий момент заимствования представляют собой неотъемлемую часть словарного состава немецкого языка и являются необходимым элементом его развития.

Ключевые слова: заимствования, пуризм, немецкий язык

© Алексеенко Е. С., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Алексеенко Е. С. О судьбе заимствованных единиц в языке (на примере немецкого языка) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 176–187. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-176-187.

Original paper

On the Fate of Loanwords in a Language (the Case of the German Language)

Evgeniia S. Alekseenko

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
alekseenko.eugenia@gmail.com*

Introduction. The article discusses loanwords as one of the ways to expand lexis, the attitude towards foreign language units in the German language community, in particular, purist movements and efforts to preserve purity of the language, a brief analysis of loanwords in modern German is carried out. Currently, loanwords, especially those from English, have a crucial role in the process of lexis evolution. Analyzing this phenomenon and its perception by native speakers might help to suggest how the German language will evolve.

Methodology and sources. In the course of the study, such concepts as “language evolution”, “loanwords”, “purism” were analyzed and described. The materials for the study were the articles of such linguists as E.D. Polivanov and M.D. Stepanova on the development and expansion of lexis, in particular the one of the German language, the works of sociolinguists, L.P. Krysin and I.V. Belikov, in particular, related to language evolution, as well as modern studies of the German language.

Results and discussion. The article highlights modern sociolinguistic ideas about language evolution, considers loanwords as a significant part of this process. The diachronic and synchronic analysis of foreign language elements in the lexis of the German language is carried out, the main milestones in the development of purism in Germany are presented. The development of a language, like the development of any society, is inevitably influenced by foreign cultures that bring something new; isolated development is practically impossible. At different stages, the language borrows missing elements from the languages of those communities that have achieved greater success in one area or another. The perception of borrowed elements is directly influenced by the mood in the language community, the political situation and other extralinguistic factors. The conducted research suggests that despite the not always positive attitude of members of the language community to loanwords, the process of including words from other languages into the lexis is inevitable.

Conclusion. Borrowings are an inevitable consequence of linguistic evolution taking place in close contact with other languages and cultures. At the moment, borrowings are an integral part of the lexis of the German language and are an essential element of its development.

Keywords: borrowings, purism, German language

For citation: Alekseenko, E.S. (2023), “On the Fate of Loanwords in a Language (the Case of the German Language)”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 176–187. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-176-187 (Russia).

Введение. Связь языка и общества приводит к необходимости постоянного обновления словарного состава, и история красноречиво демонстрирует, что развитие лексики практи-

чески невозможно без проникновения в нее единиц, заимствованных из других языков. Соотношение исконных и заимствованных слов, статус последних и отношение к ним носителей языка, их нахождение в ядре или на периферии лексики, участие в словообразовательных процессах могут варьироваться от одного языкового сообщества к другому.

Методология и источники. Исследование было проведено на основе работ отечественных и зарубежных лингвистов, посвященных вопросам развития языка и его словарного состава, в частности, заимствованиям. Также были проанализированы материалы на русском и немецком языках, посвященные сути и специфике такого явления, как пуризм, и истории пуризма в Германии. В работе были использованы аналитический и описательный методы.

Результаты и обсуждение. Утверждение о том, что язык является живым, постоянно изменяющимся организмом уже давно стало расхожим в лингвистической науке. Прочная и устойчивая взаимосвязь языка и общества, которое его использует, стимулирует бесконечное развитие языка, необходимое для того, чтобы он соответствовал современности и отвечал всем потребностям носителей. Одним из наиболее подвижных и чутко реагирующих на воздействие окружающей действительности языковых уровней является лексика. Именно словарный состав языка быстро впитывает и отражает изменения, происходящие в конкретном обществе, причем речь идет об изменениях как количественных, так и качественных: исчезновение устаревших, более неактуальных слов, замена и/или вытеснение их новыми постепенно, когда количество подобных изменений становится значимым, могут привести к ощутимым сдвигам в лексико-семантической системе языка, например, изменениям отношений единиц, входящих в лексико-семантические поля и группы, появлению новых стилистических оттенков, возникновению эмоциональной окраски и т. д. [1, с. 80]. «Лексика (с фразеологией) – единственная область языковых явлений, где содержание культуры (данного коллектива в данную эпоху) отражается более или менее непосредственно. Вот почему здесь быстрее всего (даже в пределах языка одного и того же поколения) может обнаруживаться результат социально-экономической мутации» [2, с. 208].

Говоря о непрерывном процессе эволюции языка, обратимся к современной социолингвистической концепции языкового развития, сформулированной Уильямом Лабовым. Данная теория интересна в первую очередь тем, что основана на анализе реальных языковых данных, полученных в процессе взаимодействия с современными американцами. Особенно важным представляется утверждение исследователя о невозможности правильно понять структурные языковые изменения без учета данных об особенностях языкового сообщества, обслуживаемого рассматриваемым языком. В ходе исследования американского варианта английского языка Лабов выделил следующие этапы усвоения изменений:

- 1) начальный этап, на котором новая языковая форма (изменение) усваивается всеми членами ограниченной подгруппы языкового сообщества;
- 2) языковые изменения становятся для новых поколений признаком речи старшего поколения;
- 3) постепенное распространение изменения среди других подгрупп, при этом скорость распространения связана в том числе с тем, насколько ценности подгруппы, первой освоившей изменение, воспринимаются другими подгруппами;

4) постепенное распространение изменений в границах всего языкового сообщества;
5) перестройка соответствующего уровня языка под воздействием новшеств;
б) новые изменения, спровоцированные произошедшими структурными изменениями, повторение цикла [1, с. 86].

В схеме, предложенной Лабовым, особенно важна мысль о том, что любое языковое изменение связано с изменениями социальными и должно рассматриваться в социальном контексте, поэтому «нельзя вначале произвести анализ структурных соотношений внутри языковой системы, а потом обратиться к внешним факторам» [1, с. 87]. В поддержку этого тезиса можно привести и утверждение академика В. В. Виноградова о том, что законы развития языка, связанные с его общественной сущностью и общественными функциями, и законы, обусловленные языковой структурой, представляют собой неразрывные и тесно взаимосвязанные закономерности функционирования языка [1, с. 79].

Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что каждый этап языковой эволюции характеризуется своим словарным составом, включающим в себя так называемую пассивную лексику (к которой, прежде всего, относятся устаревшие слова) и лексику активную (известные всем членам языкового сообщества и постоянно ими употребляемые слова). Помимо выделения активной и пассивной частей словарного состава языка иногда также говорят об устойчивых и неустойчивых лексических единицах, к которым, например, можно отнести авторские окказионализмы, слова со свободно присоединяемыми аффиксами, ассимилированные заимствования [3, с. 162]. Очевидно, что изменение словарного состава языка в первую очередь связано с возникновением и открытием новых явлений и предметов окружающей действительности, а также с исчезновением как самих устаревших и более неактуальных объектов, так и их наименований (когда сохранившее свою значимость явление получает новое название), подобному вытеснению в основном подвержены пассивные и неустойчивые лексические единицы.

Таким образом, перед словарным составом языка постоянно стоит такая масштабная задача, как регистрация и адекватное отражение всех изменений, происходящих в жизни языковых сообществ. Именно поэтому каждый язык вырабатывает многочисленные способы пополнения словарного состава, позволяющие ему чутко реагировать на происходящие изменения. Обогащение лексики может происходить с участием единиц морфологического уровня, семантическим путем и благодаря заимствованиям.

Если говорить о немецком языке, то к основным способам пополнения лексики морфологическим путем, иначе говоря – словообразования, относят изменение корня слова, переход слова из одного лексико-грамматического класса в другой, аффиксацию (подразделяемую на префиксацию и суффиксацию) и словосложение. Помимо этого, выделяют близкие к последнему словообразованию при помощи полуаффиксов, образование сращений и образование сложносокращенных слов [4, с. 61].

Пополнение словарного состава с задействованием семантического уровня связано не с количественными, а с качественными изменениями в языке – с развитием новых значений уже существующих слов. В основе этого процесса могут находиться две противоположные тенденции: генерализация (т. е. расширение лексического значения, вызванное увеличением объема обозначаемого понятия) и специализация (сужение лексического зна-

чения, связанное с уменьшением объема обозначаемого понятия). Сюда же относится и возникновение переносных значений слов, связанное с метафорическим, метонимическим и функциональным переносами [5].

Заимствования связаны с процессом усвоения одним языком слова или выражения из другого языка. Под заимствованием понимают «переход элементов одного языка в систему другого языка в результате более или менее длительных контактов между этими языками под влиянием интра- и экстралингвистических факторов» [6, с. 18]. Обычно принято выделять две основные формы заимствований – формальные и осложненные, также называемые заимствованиями-штампами. К первой категории относятся слова, сохранившие изначальный звуковой состав (*die Voicemail, die Hotline*), а также слова, обозначающие культурные реалии – экзотизмы (*der Dollar, der Rubel*). Осложненные заимствования связаны с процессом передачи содержания иностранного слова средствами заимствующего языка. К ним относят кальки (заимствования-переводы), переносы (лексические и словообразовательные заимствования) и семантические кальки (заимствование значений) [7]. Иногда заимствования, в зависимости от того, какую функцию они выполняют, подразделяют на внешние и внутренние. Внешние заимствования обусловлены политическими, культурными, торгово-экономическими связями языковых сообществ, поскольку связаны с появлением в обиходе новых объектов действительности. Внутренние же заимствования обязаны своим появлением тенденции языка к смысловой дифференциации, т. е. стремлению языка дифференцировать наименования близких, но не идентичных понятий и явлений (ср.: *die Angst* и *die Panik*) [8]. Зачастую заимствованное слово не просто получает оттенок, отсутствующий у «родного» синонима, но и обладает большим социальным престижем [9].

Говоря об основных причинах пополнения словарного состава средствами лексики иностранного языка, выделяют две основные группы: лингвистические и социально-исторические, или, как они были названы выше, интра- и экстралингвистические. К первой группе можно отнести следующие факторы:

- 1) отсутствие в языке лексических единиц для обозначения чего-либо, например, наименования цветов были заимствованы в немецкий язык из французского (*lila, violett*);
- 2) пополнение лексико-семантических и тематических групп экспрессивными единицами, например, *kapieren* в значении *verstehen*;
- 3) создание эвфемизмов, например, *transpirieren* вместо *schwitzen*;
- 4) появление новой терминологии, например, *Kryptowährung* [7].

Экстралингвистические факторы связаны с взаимодействием одной культуры с другой, политические и экономические события, социальные потрясения, которые переживают одни страны, влияют на политическую жизнь в других странах и приносят с собой новую лексику, понятия и выражения в другие языки [8]. Таким образом, практически любой язык на современном этапе оказывается подвержен влиянию как минимум одного иностранного языка, а в условиях глобализации речь будет идти, скорее, о комплексном процессе взаимодействия множества языков. Самыми значимыми факторами, способствующими развитию лексики и приводящими к неизбежности ее эволюции, являются технологический прогресс и развитие культуры.

Наиболее ранние заимствования в немецком языке относятся к контактам германцев с кельтами и римлянами. В этот период в немецкий пришли такие кельтские слова, как

die Glocke, das Reich, der Eid, der Zaun. Контакт с более развитой римской культурой означал появление в обиходе новых предметов, а также возникновение новых явлений, что, естественно, потребовало введения новых слов для их обозначения. Так, в немецком языке появились слова *der Spiegel, der Kaiser, der Brief, die Straße, der Platz, die Mauer, der Turm, der Wein, die Pflanze, das Öl, der Essig.* Особняком стоят латинские слова, связанные с церковью, пришедшие в язык в процессе распространения христианства: *die Kirche, der Abt, der Mönch, die Nonne, opfern.* В целом латинская лексика заимствовалась на протяжении всего Средневековья. Латинское происхождение имеют такие возникшие в этот период немецкие слова, как *das Papier, die Apotheke, der Jurist.*

В связи с доминированием латыни в области науки и образования именно оттуда были заимствованы многие лексические единицы, употребляемые в этих сферах, например, *addieren, der Prozess, der Student.*

Новая веха в истории общества – становление и развитие рыцарства – также принесла значительный пласт заимствований, на этот раз из французского языка, потому что именно Франция играла ведущую роль в распространении рыцарской культуры. В немецком языке появляется большое количество французских слов, связанных с жизнью феодалов: *die Lanze, der Panzer, der Palast, das Turnier.*

Значительным было влияние французского языка и позже, в XVI–XVII вв., называемых иногда из-за этого «*Alamodezeit*» – «время моды а-ля». Тогда в немецкий язык приходят французские слова из области придворной жизни и этикета (*die Audienz, die Dame, galant*), моды (*das Korsett, die Manschette, frisieren*), архитектуры (*die Loge, die Fassade, der Balkon*). Оказала свое влияние на немецкий язык и Великая французская революция 1789–1794 гг., когда в язык помимо самого слова «революция» (*die Revolution*) пришли такие понятия, как *die Bürokratie, der Emigrant, die Organisation.*

Важнейшим фактором взаимодействия культур всегда являлась торговля. Именно благодаря торгово-экономическим отношениям с Нидерландами в немецком языке появились слова *der Stoff, die Börse, die Gilde*, а обмен товарами с Италией привел к возникновению слов типа *das Konto, die Kasse, das Muster.* Этим же путем пришли в немецкий арабские *der Alkohol, der Kaffee, die Watte*, славянские *die Pistole, die Knute, die Gurke*, персидские *das Benzin, der Schal, der Teppich*, малазийские *der Bambus, tätowieren*, индийские *der Pfeffer, der Reis, der Korral.* И это лишь несколько примеров, демонстрирующих влияние множества языков на словарный состав немецкого языка.

Как и во многих европейских языках, значительная часть терминов из области музыки и искусства была заимствована в немецком из итальянского: *die Oper, das Konzert, der Bariton.*

XIX–XX столетия и современный этап характеризуются преобладающим влиянием английского языка, что связано со все возрастающей ролью англоговорящих стран в самых разнообразных сферах: от науки и техники до кинематографа и поп-культуры. Более ранние из этих заимствований связаны с техникой (*der Dampfer, der Tunnel*), спортом (*das Tennis, der Trainer*) и общественной жизнью (*der Streik, der Boykott*). Начиная со второй половины XX в., количество англоязычных заимствований увеличивается в геометрической прогрессии, а с появлением и распространением сети Internet проникновение новых слов в лексику немецкого языка происходит в буквальном смысле каждый день [7]. Хотелось бы отме-

тить, что зачастую новые слова заменяют собой давно существующие и употребляемые лексические единицы, например, *clever* (вместо *schlau*), *die Band* (вместо *die Gruppe*), *der Sex* (вместо *der Geschlechtsverkehr* и *das Geschlecht*), *der Swimmingpool* (вместо *das Schwimmbecken*) и т. д. Не в последнюю очередь именно эта тенденция вызывает опасение у некоторых представителей немецкого языкового сообщества, беспокоящихся о сохранении языком культурного наследия и своеобразия.

Несмотря на то, что контакты с другими культурами и, как следствие, другими языками, является, по сути своей, неизбежным и чаще приводит к позитивным результатам (появление новых транспортных средств, введение в обиход новейших достижений науки, усвоение новых, более продуктивных, принципов взаимодействия с другими членами общества и т. п.), пуристские тенденции можно обнаружить не только на современном этапе развития языка, но и в более ранние периоды. Такая «борьба против введения в употребление заимствованных и международных слов» [10, с. 364], получившая в лингвистике название «пуризм», обычно особенно активно проявляется в эпохи политических и социальных перемен. Говоря о пуризме, важно отметить, что он может обозначать не только «стремление очистить язык от иноязычных заимствований» [11], но и в принципе неприятие любых новообразований. Иногда две эти разновидности пуризма называют пуризмом внутренним или социальным (если речь идет о борьбе за неизменность языковой нормы) и внешним или ксенофобным (если деятельность пуристов направлена на искоренение заимствований из других языков) [12]. Таким образом, термин «пуризм» может описывать любое неприятие заимствований и/или искажения языка, основанное на субъективных представлениях о его чистоте [11].

Принято говорить о трех видах пуризма: идеологический, эстетико-вкусовой, логический. Эти типы отличаются друг от друга движущей силой – причиной, вызвавшей стремление членов языкового сообщества очистить язык от иноязычных слов и заимствований.

В основе идеологического пуризма лежит стремление к независимости – государственной, культурной и языковой. Идеологический пуризм обычно связан с желанием членов общества обособиться от конкретной культуры, оградить себя от ее воздействия и сохранить собственную культурную (и в частности языковую) самобытность. Помимо этого, идеологический пуризм может быть средством демонстрации неприятия происходящих в обществе перемен [13].

Эстетико-вкусовой пуризм, также называемый эмоциональным, напротив, представляет собой явление индивидуальное, это «ярко выраженная антипатия к отдельным словам» конкретных носителей языка [14]. Подобное неприятие каких-либо слов, в частности слов заимствованных, не имеет никакого научного или идеологического обоснования и связано с личным представлением о подобающем и неподобающем в родном языке.

Логический пуризм формально лишен какой-либо эмоциональности и имеет в своей основе лингвистические основания, но опять-таки связан с представлениями конкретной группы людей, а именно профессионалов, работающих с языком (филологов, лингвистов, учителей и т. д.), о том, что конкретные заимствованные единицы неуместны и не соответствуют классической языковой норме. Обычно логический пуризм связан с мнением о том, что кодифицированные единицы являются более престижными, а заимствования, напро-

тив, зачастую принадлежат к профессионализмам или сленгу и поэтому их не следует включать в пласт литературного языка [15].

В немецком языке функционируют два отдельных термина, характеризующих пуризм: один из них описывает борьбу с иноязычными заимствованиями – Fremdwortjagd/Fremdwortpurismus, второй связан с борьбой за чистоту языка – Sprachreinigung. Последний подразумевает в первую очередь стремление привести язык к единому виду, общему для всей территории страны, и включает в себя усилия по нивелированию диалектных и социолектных различий, а главное – распространение и укоренение литературного варианта немецкого языка, так называемого Hochdeutsch. Эта тенденция возникла еще до объединения Германии и проявилась в XVII–XVIII вв. В данном случае «чистый» язык – это не только язык, свободный от заимствований, но и язык, соответствующий нормам [16, с. 407].

Исторически языковой пуризм в Германии являлся частью национальной борьбы за независимость, и лишь постепенно из средства он превратился в цель. Иными словами, изначально в Германии пуризм имел идеологическую подоплеку, и «чистый» язык был символом свободы и автономии. В истории немецкого пуризма выделяют три периода (XVII–XVIII вв., 1789–1819 гг., XIX–XX вв.) [16, с. 407], которые иногда подразделяют на более краткие: XVII в., XVIII в., XIX в., период до и после Первой мировой войны, период после Второй мировой войны [12].

С самого начала деятельность пуристов в Германии характеризуется организованностью: это усилия не отдельных индивидов, но сообществ и объединений, таких, как, например, основанное в 1617 г. «Плодоносное общество» („Fruchtbringende Gesellschaft“). По сути, на этом этапе речь идет об идеологическом пуризме: лингвисты, писатели и меценаты ведут борьбу за сохранение и поддержание традиционных немецких ценностей, развитие и становление немецкой литературы, которая должна была быть написана на нормированном немецком языке, общем для всей территории, и противостоять господству латыни и французского языка [16, с. 408]. Напомним, что этот этап относится к упоминаемому выше периоду „Alamodezeit“. Более того, к этому моменту еще нет единого немецкого языка, который существует в форме множества диалектов и не используется в области науки и поэзии. Пуристы призывают заменить заимствованные слова исконными и пользоваться возможностями немецкого в области словообразования, в частности – аффиксации и словосложения. Деятельность пуристов этого этапа имела частичный успех: ряд предложенных ими замен прижился и активно используется в современном немецком языке. Это такие привычные слова, как *das Jahrhundert*, *wahrscheinlich*, *übersetzen*. Тем не менее уже ассимилировавшиеся заимствованные единицы не были заменены предложенными исконно немецкими словами, и количество прижившихся в этот период немецких альтернатив значительно меньше числа вытеснивших их заимствований [12].

В XVIII в. некоторые ученые, среди них, например, Г. Лейбниц, заботу о развитии немецкого языка как самостоятельного и очищенного от чрезмерных заимствований признают долгом каждого представителя немецкой культуры. Распространяется представление о том, что признание богатства родного языка и использование в полной мере его потенциала будут способствовать и развитию немецкой культуры, науки и жизни общества в целом [16, с. 409]. В отличие от предыдущего этапа, в этот период работа пуристов носит,

скорее, индивидуальный характер. Особенно хотелось бы отметить деятельность писателя, педагога и лингвиста И. Г. Кампе, который в самом начале XIX в. издал «Толковый словарь с исконными заменами для иностранных выражений в нашем языке» и способствовал замене около 300 заимствованных слов немецкого происхождения, таких, как *die Aufgabe, der Begriff, der Satz* [12].

Период с 1789 по 1819 гг. считается переходным в истории немецкого пуризма. В это время основная цель предыдущих этапов (вытеснение излишних латинских и французских заимствований) была достигнута. Формируется и литературный, общий для большинства носителей, немецкий язык, на котором создаются значимые научные трактаты и литературные труды. Это событие становится, среди прочего, основой все более крепнущего чувства единства среди немецкого народа, пока что проживающего на раздробленных территориях. Общий язык превращается в символ единого народа, стремящегося обособиться от других культур. Все это приводит к преобладанию внешнего пуризма на следующем его этапе – в XIX в. Помимо исключительно внешней направленности, этот период характеризуется также масштабностью: вопросом о чистоте языке занимаются не небольшие сообщества или отдельные индивиды, а, например, основанный в 1885 г. «Общегерманский языковой союз» („Allgemeiner Deutscher Sprachverein“), насчитывавший в 1891 г. порядка 11 тыс. членов (в 1918 г. их количество выросло до 40 тыс., а в 1930 г. – до 50 тыс.) [12, 16].

В дальнейшем, в период до и после Первой мировой войны, пуристы по-прежнему заняты вопросами борьбы с чрезмерными заимствованиями, а с 1936 г. их деятельность приобретает антисемитский характер. В целом этот этап пуризма, как и многие другие области немецкой культуры, находится под значительным влиянием политической обстановки в стране. Звучат такие лозунги, как „Wer Deutsch führen will, muss Deutsch zu ihnen reden“ («Тот, кто хочет вести за собой немцев, должен говорить с ними по-немецки»). Усилия пуристов направлены на искоренение слов, заимствованных из латыни, греческого, французского и идиша.

Пятый этап, начавшийся после окончания Второй мировой войны, как и во многих других странах, связан в Германии с противостоянием английскому языку и его проникновению практически во все сферы общественной жизни. Современные пуристы призывают носителей немецкого языка избегать неуместного и чрезмерного употребления англицизмов. На настоящий момент на территории немецкоязычных стран действует около 27 языковых объединений сторонников пуризма и борьбы за чистоту языка. Наиболее значительное из них «Общество немецкого языка» („Verein Deutsche Sprache“) объединяет несколько десятков тысяч человек. Как и их предшественникам, современным пуристам удастся изъять из немецкой речи часть заимствований (например, немецкое *die Gehirnwäsche* вытеснило заимствованное *Brainwashing*), но в каких-то случаях они терпят поражение: так, по крайней мере пока что, сокращение *die Emil* от *elektronische Mitteilung* не смогло заменить общеупотребительное *die E-Mail*, пришедшее из английского [12].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что постоянные контакты с другими культурами, реакция на изменения, происходящие в мире, необходимость максимально эффективно выполнять коммуникативную функцию неизбежно приводят к заимствованию лексических единиц из других языков. Отношение к инородной лексике в обществе на раз-

ных этапах его развития варьируется, в том числе в зависимости от политической обстановки в стране, но, так или иначе, заимствованные единицы чаще всего успешно ассимилируются и даже могут участвовать в словообразовательном процессе. Заимствования как одна из стратегий пополнения лексики при должном внимании к специфике и возможностям родного языка представляется логичным и, скорее, позитивным процессом.

Заключение. В современном немецком языке активно соседствуют как исконные, так и заимствованные единицы для обозначения одних и тех же объектов и явлений: *das Team – die Mannschaft, der Job – die Arbeit, testen – prüfen*. Наиболее активно заимствования используются в сферах, в которых ведущие позиции в мире занимают англоязычные страны (наука и технологии) и где иноязычные слова воспринимаются как более престижные варианты (реклама, индустрия моды и красоты) [17]. Отдельно следует отметить тот факт, что все чаще заимствованные единицы используются при образовании сложных слов, включающих в себя немецкий и английский элементы: *die Kryptokunst, die Podcast-Serie, fluffig*. В настоящий момент во многом благодаря влиянию сети Интернет, играющей значительную роль в распространении и закреплении новых слов (в том числе заимствованных) в речи носителей немецкого языка, можно говорить о постепенном стирании границ в сферах употребления заимствованных единиц. А тот факт, что иноязычные элементы принимают активное участие в немецком словообразовании, свидетельствует об их прочном вхождении в систему немецкого языка на современном этапе его развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беликов И. В., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М.: Изд-во Юрайт, 2016.
2. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968.
3. Савицкий В. М. Континуальный характер иерархии языковых уровней // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2021. Т. 20, № 4. С. 158–169. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.4.13.
4. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953.
5. Григорьев В. В., Чезганова А. А. Проблема пополнения словарного состава языка // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания: сб. ст. Вып. 2. Саранск: Издатель Афанасьев В. С., 2019. С. 22–26.
6. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки рус. культуры, 1996.
7. Разумова Н. В. Формы и причины заимствований в немецком языке // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 23. С. 82–87.
8. Ноздрина О. И. Заимствование как один из способов пополнения словарного запаса в немецком языке // Молодой ученый. 2014. № 18 (77). С. 815–817.
9. Крысин Л. П. Иноязычие в нашей речи – мода или необходимость? // Грамота.ру. 14.11.2000. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/opinia/28_7 (дата обращения: 10.01.2023).
10. Ахманова О. А. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
11. Пуризм // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3173318> (дата обращения: 10.01.2023).
12. Кузина М. А. Явление языкового пуризма и исторические особенности отношения лингвистов и общества к активному процессу заимствования в немецкий язык // *Lingua Mobilis*. 2010. № 2 (21). С. 47–54.

13. Винокур Г. О. О пуризме // Журнал Левого фронта искусств. 1923. № 4. С. 156–171.
14. Лейтес А. М. О чисто субъективных оценках некоторыми писателями нелюбимых ими слов, которым они необоснованно отказывают в праве употребления // Editorium.ru. URL: <http://editorium.ru/906/> (дата обращения: 10.01.2023).
15. Друговейко-Должанская С. В. Языковой пуризм // Культура письменной речи. URL: <http://gramma.ru/RUS/?id=1.72> (дата обращения: 10.01.2023).
16. Kirkness A. Das Phänomen des Purismus in der Geschichte des Deutschen // Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der Deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger. Bd. 2. Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1998. S. 407–416.
17. Заседателева М. Г., Большакова Е. С. Англо-американские заимствования в современном немецком языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 1. С. 28–31.

Информация об авторе.

Алексеев Евгений Сергеевич – старший преподаватель кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: социолингвистика, контактная лингвистика, методика преподавания иностранных языков.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 13.02.2023; принята после рецензирования 10.03.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.

REFERENCES

1. Belikov, I.V. and Krysin, L.P. (2016), *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], Izd-vo Yurait, Moscow, RUS.
2. Polivanov, E.D. (1968), *Stat'i po obshchemu yazykoznaniiyu* [Articles on General Linguistics], Moscow, Nauka, USSR.
3. Savitsky, V.M. (2021), "Continuity of language levels hierarchy", *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 20, no. 4, pp. 158–169. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.4.13.
4. Stepanova, M.D. (1953), *Slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka* [Word building in the German Language], Moscow, INOGIZ, USSR.
5. Grigoriev, V.V. and Chezganova, A.A. (2019), "The problem of lexis expansion", *Aktual'nye problemy obshchei teorii yazyka, perevoda, mezhkul'turnoi kommunikatsii i metodiki prepodavaniya* [Actual problems of the general theory of language, translation, intercultural communication and teaching methods], iss. 2, Publisher Afanasiev, V.S., Saransk, RUS, pp. 22–26.
6. Krysin, L.P. (1996), "Foreign words in modern life", *Russkii yazyk kontsa KhKh stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the end of the twentieth century (1985–1995)], Moscow, Yazyki rus. kul'tury, RUS.
7. Razumova, N.V. (2016), "Forms and Reasons of Linguistic Borrowing in the German Language", *Scientific-methodological electronic journal "Koncept"*, vol. 23, pp. 82–87.
8. Nozdrina, O.I. (2014), "Linguistic Borrowing as One of the ways of Lexis Expansion in the German Language", *Young Scientist*, no. 18 (77), pp. 815–817.
9. Krysin, L.P. (2000), "Foreignisms in Our Speech: Fashion or Necessity?", *Gramota.ru*, 14.11.2000, available at: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/opinia/28_7 (accessed 10.01.2023).
10. Akhmanova, O.A. (1966), *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Linguistic Terms Dictionary], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, USSR.
11. "Purism", *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia], available at: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3173318> (accessed 10.01.2023).

12. Kuzina, M.A. (2010), "Phenomenon of Language Purism and Historical Peculiarities of Linguists' and Community Attitude towards the Process of Linguistic Borrowing into the German Language", *Lingua Mobilis*, no. 2 (21), pp. 47–54.

13. Vinokur, G.O. (1923), "On Purism", *Zhurnal Levogo fronta iskusstv* [J. of the Left Front of the Arts], no. 4, pp. 156–171.

14. Leites, A.M. "On Some Writers' Subjective Evaluation of Words They Do not like and Refuse to Use", *Editorium.ru*, available at: <http://editorium.ru/906/> (accessed 10.01.2023).

15. Drugoveiko-Dolzhanskaya, S.V., "Language Purism", *Kul'tura pis'mennoi rechi* [The culture of writing], available at: <http://gramma.ru/RUS/?id=1.72> (accessed 10.01.2023).

16. Kirkness, A. (1998), "Das Phänomen des Purismus in der Geschichte des Deutschen", *Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der Deutschen Sprache und ihrer Erforschung*, Hrsg. Besch, W., Betten, A., Reichmann, O., Sonderegger, S., Bd. 2, Walter de Gruyter, Berlin, NY, DEU, S. 407–416.

17. Zasedateleva, M.G. and Bolshakova, E.S. (2018), "American borrowings in the modern German language", *Eurasian Humanitarian J.*, no. 1, pp. 28–31.

Information about the author.

Evgeniia S. Alekseenko – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 15 scientific publications. Area of expertise: sociolinguistics, language contacts, foreign language teaching methodology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.02.2023; adopted after review 10.03.2023; published online 22.06.2023.

Оригинальная статья
УДК 81.22
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-188-198>

Репрезентация фрейма HEALTHY/UNHEALTHY EATING в американском медиадискурсе

Елена Романовна Кульчицкая

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия,
er.kulchitskaya@live.unecon.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3309-2741>*

Введение. Статья посвящена проблеме фреймового моделирования концепта HEALTHY/UNHEALTHY EATING с использованием корпусных методов. Научная новизна исследования определяется тем, что ранее не предпринималось попыток моделирования фрейма HEALTHY/UNHEALTHY EATING, репрезентированного в современном американском медиадискурсе. Актуальность исследования обусловлена применением метода коллокаций для исследования фреймовой структуры концепта.

Методология и источники. В основу анализа структуры концепта HEALTHY/UNHEALTHY EATING были положены метод фреймового моделирования и метод выделения коллокаций. Коллокации, отобранные в текстах корпуса News on the Web (NOW), послужили эмпирической основой исследования. Корпус NOW содержит тексты из веб-газет и журналов, включающие более 16 млрд слов.

Результаты и обсуждение. В статье представлена иерархическая модель фрейма HEALTHY/UNHEALTHY EATING, выделены его следующие терминальные слоты: «healthy/unhealthy food(s)», «healthy/unhealthy cooking», «healthy/unhealthy weight», «eating regularity», «eating moderation», «eating balance», «eating mindfulness», «eating irregularity», «eating excessiveness», «eating imbalance», «eating mindlessness», «eating disorders». Анализ полученных коллокаций, вербализующих каждый отдельный слот фрейма HEALTHY/UNHEALTHY EATING в корпусе NOW, позволил сделать выводы о структуре подчиненных субфреймов.

Заключение. Исследование показало, что каждый отдельный слот рассматриваемого фрейма имеет сложную структуру, включающую терминальные узлы-слоты. В свою очередь, анализ отобранных коллокаций раскрывает те аспекты концепта HEALTHY/UNHEALTHY EATING, которые чаще всего обсуждаются в медийном дискурсе. Сюда входят представления об осознанности в питании, регулярности, умеренности, пищевых расстройствах и различного вида диетах.

Ключевые слова: фрейм, концепт, корпусная лингвистика, метод выделения коллокаций

Для цитирования: Кульчицкая Е. Р. Репрезентация фрейма HEALTHY/UNHEALTHY EATING в американском медиадискурсе // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 188–198. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-188-198.

© Кульчицкая Е. Р., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Representation of the Frame HEALTHY/UNHEALTHY EATING in American Media Discourse

Elena R. Kulchitskaya

*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia,
er.kulchitskaya@live.unecon.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3309-2741>*

Introduction. The article considers the problem of frame modeling of the HEALTHY/UNHEALTHY EATING concept applying the methods of corpus linguistics. The scientific novelty of the study is determined by the fact that no previous attempts have been made to model the frame of the HEALTHY/UNHEALTHY EATING concept. The relevance of the research is conditioned by the use of the collocation method to study the structure of the frame.

Methodology and sources. The analysis of the structure of the HEALTHY/UNHEALTHY EATING concept was based on the method of frame modeling and the method of collocation allocation. The collocations selected in the texts of the News on the Web (NOW) corpus served as an empirical basis for the study. The NOW corpus contains more than 16 billion words of data from web newspapers and magazines.

Results and discussions. The article presents a hierarchical model of the HEALTHY/UNHEALTHY EATING frame, highlights the following terminal slots “healthy/unhealthy food(s)”, “healthy/unhealthy cooking”, “healthy/unhealthy weight”, “eating regularity”, “eating moderation”, “eating balance”, “eating mindfulness”, “eating irregularity”, “eating excessiveness”, “eating imbalance”, “eating mindlessness”, “eating disorders”. The analysis of the collocations obtained, verbalizing each separate slot of the HEALTHY/UNHEALTHY EATING frame in the NOW case, allowed us to draw conclusions about the structure of subordinate subframes.

Conclusion. The study shows that each individual slot of the frame under consideration has a complex structure, including terminal nodes-slots. The analysis of the selected collocations reveals those aspects of the HEALTHY/UNHEALTHY EATING concept that are most often discussed in media discourse. This includes ideas about eating mindfulness, regularity, moderation, eating disorders and various types of diets.

Keywords: frame, concept, corpus linguistics, collocation method

For citation: Kulchitskaya, E.R. (2023), “Representation of the Frame HEALTHY/UNHEALTHY EATING in American Media Discourse”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 188–198. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-188-198 (Russia).

Введение. Одной из наиболее современных тенденций когнитивной лингвистики вообще и лингвоконцептологии в частности является широкое применение статистических корпусных исследовательских методов, ведущее к созданию интегрированной методологии двух научных направлений. Оба раздела лингвистики имеют общий объект исследования – узус, и по этой причине технологии корпусной лингвистики расширяют возможности когнитивного подхода. Примером успешной интеграции инструментариев двух наук считается исследование фреймов, при котором их реконструкция обеспечивается статистическими механизмами корпусного менеджера [1, с. 26]. Корпусная методология позволяет верифицировать принципиально новые гипотезы, выдвигаемые учеными в отношении смысловой организации текстов единой жанровой принадлежности [2–4], аксиоло-

гических характеристик разных типов дискурса [5, 6], моделирования структуры лингвокультурных концептов [7–11].

Благодаря применению методов корпусной лингвистики в описании структуры и способов репрезентации лингвокультурных концептов лингвоконцептология в отечественной лингвистике получила новый импульс развития. В последние годы появился целый ряд научных статей и диссертаций, содержащих результаты исследования структуры и способов дискурсивного конструирования концептов с применением корпусных методов. По справедливому наблюдению И. В. Кононовой, «корпусные данные позволяют сделать достоверные выводы о структуре ценностной и ассоциативной составляющих концепта» [10, с. 549]. Моделирование лингвокультурных концептов с использованием статистических методов, таких как метод ключевых слов [5] и метод коллокаций [9, 11], можно с полной уверенностью считать перспективным направлением отечественной лингвоконцептологии. Можно утверждать, что достаточно большой объем текстовых массивов гарантирует типичность данных и обеспечивает полноту представления всего спектра языковых явлений. Использование статистических методов при этом позволяет сделать верифицированные выводы об актуальности и ценностном потенциале лингвокультурных концептов в том или ином типе дискурса [12].

Целью данного исследования является моделирование фреймовой структуры концепта HEALTHY/UNHEALTHY EATING как терминального узла лингвокультурного концепта HEALTHY LIFESTYLE, репрезентированной в корпусе текстов News on the Web, с использованием метода выделения коллокаций.

Здоровье и связанные с ним понятия, такие как правильное питание, здоровая экология и здоровые отношения между людьми, очень актуальны в современном американском обществе. Будучи важными витальными аксиологическими ориентирами общественного сознания, данные концепты служат воздействующей функции медийного дискурса. Концепт «здоровье» является базовым, антропологически значимым концептом любой культуры, при этом, по мнению многих ученых, его структура обладает национальной спецификой, которая может быть выявлена на основе анализа дискурсивных репрезентаций концепта [13, 14].

Концепт «здоровье» уже становился объектом лингвистического описания в отечественной лингвистике. В работе Н. Н. Чайко и М. В. Муриевой проводилось лингвокультурологическое исследование концепта с целью выявления его национально-культурных особенностей в паремиологических картинах мира различных языков [13]. А. В. Яроцкая исследовала структуру концепта HEALTH и его оценочную составляющую на материале русскоязычных журнальных текстов [14]. Концепт HEALTHY EATING был объектом отдельного исследования в работе А. А. Вишневецкой [15]. По мнению автора, в англоязычном дискурсе идея «здорового питания» в значительной степени связана с выбором определенных продуктов, которые диетологи считают здоровыми, натуральными, – это преимущественно растительные продукты (например, фрукты и овощи). При этом было установлено, что для многих носителей английского языка понятие здорового питания связано не только с качеством потребляемых продуктов, но и с правильным пищевым поведением, подразумевающим осознанность, самоконтроль и соблюдение определенных принципов [15].

Новизна исследования определяется тем, что до настоящего времени концепт HEALTHY/UNHEALTHY EATING не рассматривался в русле фреймового моделирования на материале коллокаций, отражение его национально-культурной специфики в американском медийном дискурсе также не было объектом исследования.

Методология и источники. В основу анализа структуры концепта HEALTHY/UNHEALTHY EATING был положен метод фреймового моделирования. В современной когнитивной лингвистике рассматриваются несколько аспектов соотношения понятий «концепт» и «фрейм». С одной стороны, они вступают между собой в родовидовые отношения – фрейм является видовым понятием для концепта. При этом термин «фрейм» применяется для обозначения концептов с четкой структурой, а концепт можно использовать для отражения любых (необязательно структурированных) элементов знания. С другой стороны, фрейм и концепт соотносятся как сложное и простое. Фрейм представляет собой род сложного концепта, некий многокомпонентный концепт, пакет информации о стереотипной ситуации. Концепт, отражающий объект или образ, является простым по сравнению с фреймом, фиксирующим целостную ситуацию. Кроме того, фрейм и концепт можно анализировать как два вида ментальных структур, имеющих сходства и различия. Общим между ними является включение в структуру обязательных признаков, взаимосвязь с концептуальными структурами того же порядка, гибкая и подвижная природа. Однако в структуру концепта входят все возможные признаки, включая единичные, выделяемые только на уровне сознания одного носителя национального языка, в то время как в структуре фрейма преобладают стабильные, типичные признаки [16]. Именно поэтому метод фреймового моделирования применим в анализе такого концепта, как HEALTHY/UNHEALTHY EATING.

В формальном плане фрейм построен как структура узлов, находящихся в подчинительных отношениях. Вершинные узлы включают информацию, неизменную для некоторой ситуации. Терминальные узлы (слоты), также именуемые вложенными фреймами, содержат переменную информацию. Терминал представляет и описывает предмет, его специфические черты, а также информацию об отношениях между объектами, о способах использования фрейма [17].

По утверждению Н. Н. Болдырева, путем активизации фрейма через подчиненные терминальные узлы можно воссоздать всю структуру ситуации в целом [18]. Зная устройство фрейма, мы можем предугадывать заранее, что может встретиться в ситуации, которая закреплена во фрейме. Информация актуализируется, когда мы слышим или видим имя соответствующего концепта. Каждый терминальный узел может указывать на условия своего заполнения, которое нередко предстает в виде так называемого подфрейма, т. е. вложенного фрейма [18]. Таким образом, фреймовое моделирование на сегодняшний день является весьма перспективным методом исследования, позволяющим изучать особенности человеческого познания в его связи с языком.

С целью выявления фреймовой структуры концепта HEALTHY/UNHEALTHY EATING в данной работе применяются корпусные методы, в первую очередь метод выделения коллокаций. Термин «коллокация» имеет в лингвистической науке целый ряд трактовок, в частности, в широком смысле он обозначает сочетание двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости. В большинстве определений коллокаций подчеркивается

семантико-грамматическая взаимообусловленность их элементов. В рамках корпусной лингвистики понятие коллокации заметно упрощается по сравнению с ее пониманием в традиционном языкознании. При так называемом статистическом подходе коллокации определяют как статистически устойчивые словосочетания, которые могут быть как фразеологизированными, так и свободными, но не идентичными фразеологизмами. Обычно коллокации складываются при изменении значения слов, сопровождающем переосмысление компонентов словосочетания [19, с. 220]. По мнению отечественного ученого Е. Г. Борисовой, коллокации представляют собой сочетания слов, в которых один компонент (основной, несвободный) определяется темой и смыслом сообщения, а другой компонент (свободный) описывает основной и является семантически значимым словом [20, с. 77]. Метод коллокаций дает возможность применять для выявления семантических или синтаксических паттернов в языке, а также паттернов употребления слов в определенных контекстах. При помощи метода выделения коллокаций можно рассмотреть, как лексические единицы взаимодействуют друг с другом в определенных контекстах дискурса.

Анализ дискурса с использованием метода коллокаций обычно проводится с применением корпусных менеджеров, которые созданы для обработки больших коллекций текста с целью выявления моделей использования языка.

Материалом для данной работы послужили коллокации, выделенные из корпуса текстов News on the Web, которые включают в себя более 16 млрд слов из веб-газет и журналов [21]. Важной характеристикой данного корпуса является пополняемость, его объем постоянно увеличивается (примерно на 2 млрд слов в год). Корпус NOW оснащен богатым функционалом, включающим функцию выделения коллокаций (“Collocates”), предоставляющую результаты статистического анализа слов, которые окружают задаваемую в поле поиска лексическую единицу. Данная функция позволяет определить наиболее вероятные коллокации, а также выявить несочетаемые языковые единицы.

В корпусе NOW даны тексты разных жанров медиадискурса, который представляет собой совокупность коммуникативных процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации [22]. Режимные характеристики данных текстов значительно варьируют: корпус включает тексты, созданные такими средствами массовой информации, как телевидение, радио, газеты, журналы и Интернет. Медиадискурс является важным фактором формирования ценностных координат общества. В. А. Буряковская признает влияние содержания средств массовой информации, транслируемого по различным каналам, на рефлексивную реальность реципиентов в процессе формирования ценностной картины мира [23]. В. И. Карасик определяет ценности как поведенческие ориентиры, отличающиеся качеством (витальные, утилитарные, моральные и духовные) и количеством (общечеловеческие, групповые, индивидуальные) [24]. С помощью инструментов СМИ представляется возможным воздействовать на существующие ценностные ориентиры общества, а также создавать новые ценностные суждения. Так, средства массовой информации формируют в сознании индивида взгляды на такую витальную ценность, как здоровое питание, в частности, могут стимулировать представления о том, что вегетарианство относится к группе полезных диет и благоприятно сказывается на организме, что глютен и лактоза вредны для здоровья и сокращают продолжительность жизни человека и пр. СМИ, например, могут использовать такие

термины, как “binge eating” (переедание), “eating disorders” (расстройства пищевого поведения) с целью дискредитации отдельных диет или продуктов.

В целом медиадискурс является мощным инструментом воздействия на общественное мнение и отношение к здоровому/нездоровому питанию. Анализ коллокаций, полученных в корпусе NOW, позволяет выявить не только фреймовую структуру, но и ценностные инференции концепта HEALTHY/UNHEALTHY EATING, репрезентированные в современном американском медиадискурсе.

Результаты и обсуждение. Проведенное ранее исследование фреймовой организации концепта HEALTHY LIFESTYLE показало, что слот “healthy/unhealthy eating” (правильное/неправильное питание) является одним из субфреймов, составляющих фреймовую структуру концепта, и представляется одним из наиболее значимых по числу репрезентантов [12]. Анализ полученных данных выявил, что коллокация “healthy eating” значитса самой частотной коллокацией корпуса, образованной по модели “healthy + NOUN”. После уточнения контекстуальной оценочной семантики были выделены коллокации по модели “ADJ + eating”.

Стоит заметить, что, как многие ценностные концепты, концепт HEALTHY/UNHEALTHY EATING формируется бинарной оппозицией. Апелляция к одному полюсу бинарной оппозиции с высокой долей вероятности приводит к актуализации в сознании всей оппозиции в целом, при этом значимость того или иного лингвокультурного концепта «определяется не только частотностью употреблений его репрезентантов в исследуемом тексте, но также частотностью репрезентантов антонимичного ему концепта» [25, с. 93].

В результате ранее проведенного нами исследования структуры концепта HEALTHY LIFESTYLE (см. [12]) в слоте “healthy eating” были выделены следующие терминальные узлы: 1) “healthy food(s)”; 2) “healthy cooking”; 3) “healthy diet(s)”; 4) “healthy weight”. При этом естественным образом в слоте “unhealthy eating” выделяются терминальные узлы: 1) “unhealthy food(s)”; 2) “unhealthy cooking”; 3) “unhealthy diet(s)”; 4) “unhealthy weight”.

Задачей настоящего исследования является дальнейшее детальное изучение фреймовой структуры концепта HEALTHY/UNHEALTHY EATING. С этой целью нами были отобраны коллокации, включающие лексему *eating* и образованные по следующим моделям: “ADJ + eating” (62 069 случаев употребления), “NOUN + eating” (9343), “Eating + NOUN” (62 976), “ADJ + eating habit(s)” (7222). Наиболее частотными выделенными коллокациями стали: *healthy eating* (20 143), *eating habits* (18 501), *eating disorders* (16 039), *unhealthy eating* (1925), *binge eating* (1769), *mindful eating* (1537), *emotional eating* (1511).

На следующем этапе путем семантической категоризации выделенных в корпусе коллокаций были определены терминальные слоты субфрейма “healthy eating”: 1) “eating regularity”; 2) “eating moderation”; 3) “eating balance”; 4) “eating mindfulness”; 5) “healthy food(s)”; 6) “healthy cooking”; 7) “healthy weight”. Важно отметить, что каждый субординатный слот имеет сложную иерархическую структуру, и большая часть коллокаций репрезентирует более одного терминального узла фрейма.

Исходя из частотности представленных коллокаций, можно сделать вывод о том, что наиболее значимым в субфрейме “healthy eating” является терминальный узел “eating mindfulness”, представленный коллокациями: *mindful eating* (1537), *comfortable eating* (343),

happy eating (299), *conscious eating* (191), *sensible eating* (149), *mindful eating habit(s)* (24) и пр. Такие результаты свидетельствуют о значительном продвижении идей осознанности в питании в СМИ. В последние годы проблемы психологического здоровья стали переходить на все сферы жизни, включая питание. Из полученных коллокаций и конкордансов можно вывести ценностные суждения о рассматриваемом концепте. Например, можно говорить о том, что вдумчивое отношение к питанию приводит к здоровому образу жизни, улучшает состояние организма (“*mindful eating brings attention to these physical sensations*” – «осознанное питание привлекает внимание к физическим ощущениям», “*mindful eating may also be linked to improvements in mood disorders*” – «осознанное питание может быть связано с улучшением настроения», “*the main aims of mindful eating are to reduce overeating*” – «основной целью осознанного питания является уменьшение переедания»).

Далее по числу репрезентантов идет слот “*eating regularity*”, который представлен в корпусе следующими коллокациями: *regular eating* (378), *daily eating* (320), *eating regime* (301), *eating schedule* (205), *eating routine* (200). Анализ конкордансов корпуса позволяет сделать вывод об оценке выделенного компонента фрейма: полученные коллокации употребляются в корпусе с такими положительно окрашенными лексическими единицами, как *healthy*, *balanced*, *gut-friendly*, *mindful* и прочими в атрибутивной позиции. Использование оценочных квалификативных прилагательных служит акцентуации ценностных инференций слота “*eating regularity*”.

Третьим по значимости в структуре субфрейма “*healthy eating*” является слот “*healthy food(s)*”, представленный в первую очередь коллокациями *healthy food* (884) и *healthy foods* (515).

Затем в порядке убывания количества репрезентантов идут компоненты субфрейма “*healthy weight*”, “*eating moderation*”, “*eating balance*” и “*healthy cooking*”.

В субфрейме “*unhealthy eating*” выделяются следующие терминальные слоты: 1) “*eating irregularity*”; 2) “*eating excessiveness*”; 3) “*eating imbalance*”; 4) “*eating mindlessness*”; 5) “*eating disorders*”; 6) “*unhealthy food(s)*”; 7) “*unhealthy cooking*”; 8) “*unhealthy weight*”.

Терминальный слот “*eating disorders*” представлен наибольшим количеством репрезентантов и вербализован такими коллокациями: *eating disorder* (16 039), *eating disorders* (4164), *disordered eating* (2954), *disordered eating habit(s)* (102). Для уточнения структуры данного слота нами были рассмотрены коллокации, образованные по моделям “*Noun + eating disorder*” (4531) и “*eating disorder + Noun*” (4664). Наиболее частотными являются коллокации: *binge eating disorder* (536), *eating disorder treatment* (244), *eating disorder symptoms* (151), *anxiety eating disorder* (91), *bulimia eating disorder* (81), *anorexia eating disorder* (37). Соответственно, слот “*eating disorders*” дает представление о видах пищевых расстройств и их симптомах, о причинах, их вызывающих, а также способах лечения.

Следующим по частотности репрезентантов выступает слот “*eating excessiveness*”, который представлен коллокациями: *binge eating* (1769), *excessive eating* (296), *compulsive eating* (244), *severe eating* (232), *increased eating* (148), *excessive eating habits* (8).

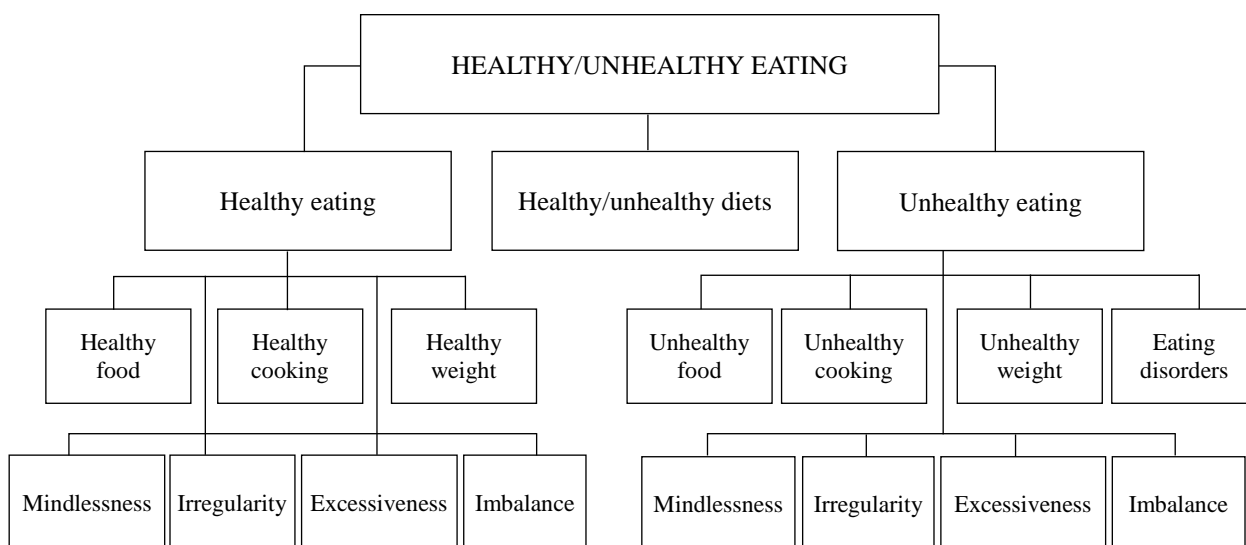
Третьим по частотности в субфрейме “*unhealthy eating*” является компонент фрейма “*mindlessness*”, репрезентированный в корпусе NOW в первую очередь коллокациями: *emotional eating* (1511), *stress eating* (357), *mindless eating* (334), *boredom eating* (18), *faulty*

eating (18). Более детальное рассмотрение конкордансов корпуса позволяет выявить суждения, формирующие ценностную составляющую концепта, к которым можно отнести: “a sedentary lifestyle and mindless eating are the major causes of obesity among kids” – «сидячий образ жизни и бездумное питание являются основными причинами ожирения среди детей», “you gain kilos after mindless eating” – «вы набираете вес в результате бездумного питания», “our mindless eating is having on our long-term health with increased risks of diabetes and heart disease” – «бездумное питание имеет долгосрочное влияние на наше здоровье, повышается риск диабета и болезней сердца» и пр. Следовательно, отсутствие осознанного подхода к выбору способа питания и продуктов играет немаловажную роль в несоблюдении здорового образа жизни.

Следующими идут терминальные слоты “unhealthy food”, “eating imbalance”, “eating irregularity”, “unhealthy weight” и “unhealthy cooking”.

Терминальный слот “healthy/unhealthy diets” был выделен как отдельный слот фрейма HEALTHY/UNHEALTHY EATING, поскольку фреймы ценностных концептов могут иметь различные трактовки в индивидуальном сознании. Так, например, коллокации *plant-based diet* (7612) и *vegetarian diet* (3809) могут одновременно быть репрезентантами слотов “healthy diets” и “unhealthy diets”, поскольку существуют как приверженцы вегетарианства, считающие его полезным, так и противники, называющие такой подход к питанию вредным.

Заключение. Анализ частотности полученных из корпуса NOW коллокаций позволил сделать верифицированные выводы о фреймовой структуре концепта HEALTHY/UNHEALTHY EATING в его дискурсивной реализации в корпусе медиатекстов американской культуры. Было установлено, что фрейм HEALTHY/UNHEALTHY EATING включает ряд терминальных узлов (субфреймов), каждый из которых имеет сложную структуру. Полученные данные позволяют построить следующую схему, отражающую терминалы и ключевые слоты фрейма HEALTHY/UNHEALTHY EATING. Все слоты и терминальные узлы данного фрейма тесно взаимосвязаны. Можно наблюдать взаимопроникновение элементов в структуре фрейма (см. рис.).

Фреймовая структура концепта HEALTHY/UNHEALTHY EATING
Frame structure of HEALTHY/UNHEALTHY EATING concept

В результате анализа коллокаций и конкордансов корпуса были выделены ценностные аспекты фрейма HEALTHY/UNHEALTHY EATING, которые чаще всего обсуждаются в медиадискурсе. Было установлено, что этот фрейм включает концепты “eating regularity”, “eating moderation”, “eating balance”, “eating mindfulness”, “healthy food(s)”, “healthy cooking”, “healthy weight”, “eating irregularity”, “eating excessiveness”, “eating imbalance”, “eating mindlessness”, “eating disorders”, “unhealthy food(s)”, “unhealthy cooking”, “unhealthy weight”. Можно сделать вывод о том, что такие понятия, как осознанность, регулярность, баланс и умеренность в питании, представляют высокую ценность для американского общества. К перспективам настоящего исследования можно отнести дальнейшее детальное рассмотрение ценностных инференций фрейма HEALTHY/UNHEALTHY EATING и представление их последующего лингвокультурного комментария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Измаилян Д. Б. Использование технологий корпусной лингвистики в исследованиях фреймов // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 2 (45). С. 24–30. DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.41.54.003.
2. Baker P. Using Corpora in Discourse Analysis; London, NY: Continuum, 2006.
3. Partington A. Modern diachronic corpus-assisted discourse studies (MD-CADS) on UK newspapers: an overview of the project // Corpora. 2010. Vol. 5, iss. 2. P. 83–108. DOI: 10.3366/cor.2010.0101.
4. Ильинова Е. Ю., Кочетова Л. А. Динамика репрезентации процессуальной составляющей спортивного события в диахроническом корпусе // Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2017. Т. 16, № 2. С. 47–57. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.5.
5. Кочетова Л. А., Кононова И. В. Когнитивно-корпусный подход к анализу конструирования ценностных смыслов в рекламном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. Вып. 2. С. 65–74. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-65-74.
6. Кононова И. В., Мельничук Т. А. Аксиологическая составляющая американского предвыборного дискурса в динамическом аспекте // Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2021. Т. 20, № 4. С. 113–125. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.4.9.
7. Глебова Н. Г. Когнитивные признаки концепта «русскость» в национальной концептосфере и его объективация в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2018.
8. Зубарева Е. О. Моделирование концептуального поля «Миграция»: дис. ... канд. филол. наук / ПГНИУ. Пермь, 2019.
9. Ефремова М. П. Концепт SAFETY/SECURITY в английской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2021.
10. Кононова И. В. Корпусные данные в описании структуры лингвокультурных концептов // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 547–549.
11. Кононова И. В., Кульчицкая Е. Р. Фреймовое моделирование концепта HEALTH: корпусный подход // Гуманитарные науки и вызовы нашего времени: сб. науч. ст. СПб.: СПбГЭУ, 2022. С. 33–36.
12. Кононова И. В., Кульчицкая Е. Р. Моделирование фрейма HEALTHY LIFESTYLE: корпусный подход // Дискурс. 2022. Т. 8, № 4. С. 172–186. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-172-186>.
13. Чайко Н. Н., Муриева М. В. Концепт здоровье и его репрезентация в паремиях немецкого и французского языков // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13, № 2. С. 179–189. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-179-189.

14. Яроцкая А. В. Лексические средства номинации сферы здоровья в англоязычных журнальных текстах: когнитивно-прагматический ракурс: дис. ... канд. филол. наук / МГЛУ. М., 2012.
15. Вишневецкая А. А. Концепт "Healthy Eating" и его объективация в сознании носителей английского языка // Молодой ученый. 2021. № 27 (369). С. 303–306.
16. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 25–36.
17. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума; под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979.
18. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов: ИД ТГУ, 2014.
19. Баранов А. Н., Добровольский О. Г. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
20. Борисова Е. Г. Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарем ключевых слов. М.: Филология, 1995.
21. News on the Web // English-corpora.org. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 10.01.2023).
22. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33.
23. Буряковская В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков). Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014.
24. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015.
25. Руберт И. Б., Кононова И. В. Становление британской куртуазной морально-этической концептосферы в рамках рыцарской культуры XI–XIV вв. // Известия СПбГУЭФ. 2009. № 1 (57). С. 86–97.

Информация об авторе.

Кульчицкая Елена Романовна – аспирантка кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 6 научных публикаций. Сфера научных интересов: корпусные исследования текста и дискурса, коммуникативная лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.02.2023; принята после рецензирования 24.03.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.*

REFERENCES

1. Izmailyan, D.B. (2022), "The use of corpus linguistics techniques in framing analysis", *Actual issues of modern philology and journalism*, no. 2 (45), pp. 24–30. DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.41.54.003.
2. Baker, P. (2006), *Using Corpora in Discourse Analysis*, Continuum, London, NY, USA.
3. Partington, A. (2010), "Modern diachronic corpus-assisted discourse studies (MD-CADS) on UK newspapers: an overview of the project", *Corpora*, vol. 5, iss. 2, pp. 83–108. DOI: 10.3366/cor.2010.0101.
4. Ilyinova, E.Yu. and Kochetova, L.A (2017), "Dynamics of process constituent representation of sports event in diachronic corpus", *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 16, no. 2, pp. 47–57. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.5.
5. Kochetova, L.A. and Kononova, I.V. (2019), "A cognitive corpus approach to the study of construing values in advertising discourse", *Issues of Cognitive Linguistics*, iss. 2, pp. 65–74. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-65-74.
6. Kononova, I.V. and Melnichuk, T.A (2021), "Dynamics of values in American election discourse", *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 20, no. 4, pp. 113–125. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.4.9.
7. Glebova, N.G. (2018), "Cognitive features of the concept "Russianness" in the national concept sphere and its objectification in the Russian language", Can. Sci. (Philology) Thesis, UNN, Nizhny Novgorod, RUS.

8. Zubareva, E.O. (2019), "Modeling the conceptual field "Migration"", Can. Sci. (Philology) Thesis, Perm State Univ., Perm, RUS.
9. Efremova, M.P. (2021), "SAFETY/SECURITY concept in the English language picture of the world", Can. Sci. (Philology) Thesis, SPbSUE, SPb., RUS.
10. Kononova, I.V. (2015), "Corpus data in the description of the structure of cultural concepts", *Cognitive studies of language*, no. 22. pp. 547–549.
11. Kononova, I.V. and Kulchitskaya, E.R. (2022), "Framing of the "HEALTH" concept: corpus approach", *Gumanitarnye nauki i vyzovy nashego vremeni* [Humanities and the challenges of our time], SPbSEU., SPb., RUS, pp. 33–36.
12. Kononova, I.V. and Kulchitskaya, E.R. (2022), "Modelling of the Frame HEALTHY LIFESTYLE: Corpus-Based Approach", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 4, pp. 172–186. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-172-186>.
13. Chaiko, N.N. and Murieva, M.V (2021), "Representation of health concept in German and French paroemias", *Modern Studies of Social Issues*, vol. 13, no. 2, pp. 179–189. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-179-189.
14. Yarotskaya, A.V. (2012), "Lexical Means of Nominating the Sphere of Health in English-Language Journal Texts: A Cognitive-Pragmatic Perspective", Can. Sci. (Philology) Thesis, MGLU, Moscow, RUS.
15. Vishnevetskaja, A.A. (2021), "Concept "Healthy Eating" and his exteriorization in the minds of native English speakers", *Young Scientist*, no. 27 (369), pp. 303–306.
16. Boldyrev, N.N. (2001), "Kontsept i znachenie slova", *Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics], Voronezh State Univ., Voronezh, pp. 25–36.
17. Minsky, M. (1979), *A framework for representing knowledge*, Transl. by Grinbaum, O.N., in Kulakov, F.M. (ed.), Energiya, Moscow, USSR.
18. Boldyrev, N.N. (2014), *Kognitivnaya semantika* [Cognitive Semantics], Tambov, TGU, RUS.
19. Baranov, A.N. and Dobrovol'skii, O.G. (2008), *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology], Znak, Moscow, RUS.
20. Borisova, E.G. (1995), *Slovo v tekste. Slovar' kollokatsii (ustoichivykh sochetanii) russkogo yazyka s anglo-russkim slovarem klyuchevykh slov* [Word in text. Dictionary of collocations (stable combinations) of the Russian language with an English-Russian dictionary of keywords], Filologiya, Moscow, RUS.
21. "News on the Web", *English-corpora.org*, available at: <https://www.english-corpora.org/now/> (accessed 10.01.2023).
22. Dobrosklonskaya, T.G. (2006), "Media discourse as an object of linguistics and cross-cultural communication", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*, no. 2, pp. 20–33.
23. Buryakovskaya, V.A. (2014), *Kommunikativnye kharakteristiki massovoi kul'tury v mediinom diskurse (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov)* [Communicative Characteristics of Mass Culture in Media Discourse (on the Material of Russian and English Languages)], VGSPU "Peremena", Volgograd, RUS.
24. Karasik, V.I. (2015), *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral: values, signs, motives], Paradigma, Volgograd, RUS.
25. Roubert, I.B. and Kononova, I.V. (2009), "The development of the British conceptual sphere of ethics within the bounds of chivalry during the XI-XIV centuries", *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov*, no. 1 (57), pp. 86–97.

Information about the author.

Elena R. Kulchitskaya – Postgraduate at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 6 scientific publications. Area of expertise: corpus-based studies of text and discourse, communicative linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.02.2023; adopted after review 24.03.2023; published online 22.06.2023.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; межстрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают

публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *И. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *I. A. Orlova*

Подписано в печать 19.06.23. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 26,39. Печ. л. 25,38. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 89.
Цена свободная.

Signed to print 19.06.23. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 26.39. Conventional printed sheets 25.38. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 89.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56